Современное деревянное

АРХИWOOD: ЛУЧШЕЕ. 2009–2017

Куратор премии:
Николай Малинин

АРХИWOOD

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ДИСТРИБЬЮТОР
КОНЦЕРНА HONKA В РОССИИ,
КАЗАХСТАНЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ –
КОМПАНИЯ «РОССА РАКЕННЕ СПб».
WWW.HONKA.RU

Над проектом работали:

Издатель:
ООО «РОССА РАКЕННЕ СПб»
Автор идеи:
Александр Львовский
Куратор премии:
Николай Малинин
Арт-директор проекта:
Антон Милин
Корректор и литературный редактор:
Татьяна Кругликова
Дизайн и верстка:
Антон Милин

Руководитель проекта:
Анастасия Фетисова
Менеджер проекта:
Анна Малютина
Сопровождение проекта:
Мариам Куповецкая

Персональная благодарность:
Александру Царёву, Павлу Павлинову

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN: 978-5-00028-126-0

WWW.ARHIWOOD.COM
WWW.PREMIYA.ARHIWOOD.COM

АРХИWOOD

Дорогие друзья!

В этом году мы подготовили для вас необычную книгу: в ней собрано все самое лучшее и интересное, что было представлено на премии АРХИWOOD за восемь лет ее существования. За это время ведущими экспертами в сфере деревянного домостроения было рассмотрено большое количество проектов архитекторов и дизайнеров со всей России. И сейчас мы предлагаем вашему вниманию только самое лучшее.

С каждым годом премия активно развивалась, охватывая все большее количество участников и регионов. В 2014 году она вышла за рамки конкурсного формата — на ее основе было создано профессиональное сообщество АРХИWOOD, объединившее архитекторов, производителей и строителей, работающих в области деревянного домостроения. В настоящее время сообществом уже построен и введен в эксплуатацию энергосберегающий дом в Подмосковье, в разработке находятся еще несколько проектов.

Сообщество АРХИWOOD постоянно аккумулирует передовые строительные технологии. Благодаря связям с аналогичными сообществами за рубежом оно имеет полный доступ к самым новым и актуальным разработкам в области деревянного домостроения.

Мы приглашаем всех заинтересованных — архитекторов, строителей, конструкторов и, конечно же, клиентов — творить вместе, создавая деревянную архитектуру будущего!

С уважением и надеждой
на перспективное
и взаимовыгодное
сотрудничество!
Совет директоров АРХИWOOD

Содержание

Премия ARCHIWOOD как зеркало современной деревянной архитектуры	06
Экспертный совет	08
Жюри премии АРХИWOOD	10
Современное деревянное. Основные тенденции и направления	12
Технологии HONKA	28
Номинации:	
Загородный дом	30
Малый объект	106
Общественное сооружение	146
Дизайн городской среды	188
Интерьер	224
Дерево в отделке	242
Арт-объект	266
Реставрация	292
Contemporary wooden	306
Индекс	318

Премия АРХИWOOD как зеркало современной деревянной архитектуры

Ни в одном учебнике по истории архитектуры вы не найдете глав, посвященных архитектуре бетона или архитектуре стекла. Действительно — странно выстраивать историю архитектуры вокруг материала (для этого, в конце концов, есть материаловедение). Но многие северные страны именно через дерево определяют собственную архитектурную (а часто и культурную) идентичность. Поэтому соответствующие премии — за деревянную архитектуру — существуют там уже давно. В Швеции — с 1967 года, в Норвегии — с 1961-го, а в Финляндии их даже две (1994 и 1999).

В России премия за лучшее сооружение из дерева появилась гораздо позже, на что были веские исторические причины (о которых — на следующих страницах). Но к тому моменту был уже и некоторый опыт. Более того: когда в конце XX века русская архитектура вспомнила о дереве, она рьяно бросилась в погоню, словно бы пытаясь экстерном пройти непройденное. Поэтому первые деревянные постройки были так упоительны и эксцентричны — и недаром в «Атласе современной архитектуры» издательства Phaidon (Лондон, 2004) три из шести русских объектов были «деревяшками».

Другое дело, что их было очень мало. И когда в преддверии премии мы решили провести выставку «Новое деревянное», чтобы понять, что хорошего построено из дерева за предыдущие десять лет, мы с трудом набрали 134 объекта (сегодня на премию поступает 150–170 объектов ежегодно!). Выставка, ставшая своего рода «камертоном» будущей премии, прошла в Музее архитектуры им. Щусева в октябре 2009 года, а в издательстве TATLIN вышел ее каталог, вторым томом которого фактически и является книга, которую вы держите в руках. (Впрочем, мы включили в нее с десяток лучших объектов и из той книги, потому что они были номинантами на самую первую премию 2010 года).

Итак, премия АРХИWOOD была учреждена 12 ноября 2009 года. Название ее вызвало спор на первом же заседании Экспертного совета. Многим казалось, что использование англицизма для премии в области российской архитектуры неуместно, а употребление слова «архи» в те годы стало слишком частым и некстати расширительным. Но и альтернатив не находилось: практически все русские слова, связанные с деревом, неизбежно несут на себе оттенок ругательного или комического: «бревно», «полено», «дуб», «пень»... Даже сугубо специальное прилагательное «кондовый» (то есть лес, растущий в бору) стало синонимом слова «безыскусный». Поскольку же нам как раз хотелось переломить отношение к дереву как к чему-то устаревшему, немодному и безыскусному, а кроме того, подчеркнуть всемирную актуальность дерева, мы все же остановились на слове «АРХИWOOD». И нашу интуицию, что главное не название, а содержание (как мы этот корабль нагрузим — так он и поплывет), время подтвердило.

Цели премии были сформулированы так: 1) пропаганда современной архитектуры — рациональной, экономичной, экологичной, остроумной; 2) пропаганда дерева как идеального материала для создания таковой. То есть на первом месте все-таки архитектура. То есть — искусство. Поэтому, когда нам саркастически указывают (практически каждый год), что на АРХИWOODе опять победил какой-то «сарай», а «нормальный качественный дом» остался за бортом, то это означает только то, что в том сарае ночевало искусство.

Впрочем, ровно для того, чтобы сараи состязались с сараями, а не с хижинами или дворцами, тщательно разрабатывался список номинаций. Поначалу он менялся: нам не хотелось быть заложниками формальностей: не подбирать победителя ради номинации и, наоборот, не упустить ничего интересного, для чего номинации пока нет... А кроме того, казалось важным, чтобы сам набор номинаций отражал меняющуюся ситуацию. Как, например, появившаяся в 2010 году номинация «Дизайн городской среды» обозначила начало процесса обновления московских парков, захватившего вскоре всю страну. Затем список все же стабилизировался на девяти номинациях – поэтому и в данной книге объекты упорядочены в соответствии

с нынешней структурой премии (но в результате иногда они оказываются не в тех номинациях, где изначально фигурировали). Еще одну номинацию — «Проект» — мы отменили, осознав ее нелепость, уже на второй год, а вот про «Предметный дизайн», появившийся в 2014 году, споры идут до сих пор (в итоге, отдавая себе отчет, что нам не удается представить полной картины происходящего в этой сфере, мы не включили ее в это издание).

Еще нас регулярно спрашивают, почему мы не хотим сделать нашу премию международной. Но мы полагаем, что каждая премия должна быть честной, без дураков. А в мире слишком много отменной деревянной архитектуры... Но и без этого каждый год куратор (ловя себя на бодром советском пафосе) радуется, что «география премии расширилась»! И действительно, сегодня уже сложно найти регион или город, который бы не отметился участием в премии: от Москвы до Владивостока, от Архангельска до Киева (да, премия международная в том отношении, что к участию принимаются объекты, построенные российскими зодчими за границами России, а равно и иностранными — на ее территории). Это было одной из двух главных задач проекта: продвигать деревянную архитектуру за пределы Подмосковья, обнаруживать ее там и достойно ее представлять. А второй задачей (тоже, конечно, в чем-то советской) была популяризация дерева среди молодежи и открытие талантов. С чем премия прекрасно справилась: сегодня средний возраст наших участников — 20–35 лет. Конечно, львиная доля их работ — это временные арт-объекты, возводимые на разнообразных фестивалях, но именно такая ситуация дает им важную возможность и познакомиться с материалом, и поэкспериментировать с ним. А уже обретя эти опыт и свободу, двигаться дальше.

Фестивали, собственно, и стали основными «поставщиками» объектов в эту номинацию. И если первый «героический» период русского ленд-арта прошел без нашего участия («Мелиорация» на Клязьминском водохранилище, первые объекты Николая Полисского в деревне Никола-Ленивец, первые «Архстояния»), то фестивальный бум удачно совпал с появлением АРХИWOODа. «Города», «БухАрт», «Елки-Палки», «О! Город», «Активация», «Деревянный ветер», «Ясно-Поле». фестивали в Самаре, Казани, Воронеже, Ярославле — теперь их так много, что уже пора писать о них книгу, а дерево по-прежнему играет там первую скрипку. Жаль, конечно, что сам Николай Полисский давно отказывается участвовать в нашей премии, говоря, что настоящее искусство не может и не должно с кем-то состязаться. Что, конечно, справедливо. Да и может ли кто тягаться с Полисским?

Хотя это, конечно, досадно: «без него народ неполный». А нам все же очень хочется, чтобы премия предельно адекватно отражала картину происходящего, была инструментом его изучения, а не только «раздачей медалек». Для этого мы стараемся обеспечить максимальную понятность и прозрачность процесса. Конечно, без обид не обходится: жюри, увы, может выбрать только одного победителя (и второго — общественное интернет-голосование). И конечно, одна этическая проблема все равно остается: в Экспертный совет премии входят самые авторитетные специалисты в области деревянной архитектуры, которые регулярно оказываются и авторами проектов, выдвигаемых на премию... Но, увы, круг этих авторитетов крайне узок, а игнорировать хорошую работу только потому, что она сделана членом Экспертного совета, тоже было бы неправильно. Из-за отсутствия вариантов, как разорвать этот замкнутый круг, было решено, что жюри (которое выбирает победителей) формируется с одним условием: его членом не может быть архитектор, чьи работы вошли в шорт-лист. Жюри же при этом каждый год меняется, включая в себя и архитекторов, специализирующихся на деревянной архитектуре, и не являющихся таковыми, а также иностранных зодчих, критиков, дизайнеров, строителей, реставраторов. А несколько раз членами жюри были обитатели деревянных домов — фигуристы Мария Петрова и Алексей Тихонов, актер Даниил Страхов.

Тем не менее Экспертный совет отбирает в шорт-лист достаточное число номинантов, чтобы быть уверенными, что ничего важного не останется за бортом. Число это — 38 — последние пять лет определял наш выставочный павильон «Периптер», стоявший у главного входа в Центральный дом художника, где и проходила торжественная церемония вручения премии. И хотя «Периптер» не мог быть номинантом на премию АРХИWOOD, он сыграл настолько важную роль в ее популяризации (а кроме того, был так прекрасен!), что мы тоже включили его в эту книгу. Итоги же премии обычно подводились в рамках выставки «Арх-Москва» (или Биеннале архитектуры), превращаясь в замечательный праздник с участием, например, ВИА «Татьяна». Но все меняется, «Периптера» больше нет, неизменным же остается только генеральный спонсор и организатор премии (а также и один из главных закоперщиков деревянной архитектуры в России) — компания «РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA).

Всего же в книгу вошло 130 лучших объектов, выдвинутых на премию за восемь лет ее существования. Но это не значит, что тут только победители премии. Жюри может выбрать лишь одного в каждой номинации, а это значит, что за пределами книги осталось бы слишком много интересного... В то же время и механизм «народного голосования» имеет понятные издержки. Поэтому вошедшие в книгу объекты отбирались не только по итогам ежегодного конкурса, но и на основе мнений, высказанных членами жюри и Экспертного совета на их заседаниях. Увидеть «а судьи кто» можно на следующих страницах книги, где мы представляем всех членов Совета, а также членов жюри за все годы. Каталогу также предпослано предисловие, в которым мы постарались очертить основные тенденции и направления, сложившиеся сегодня в русской деревянной архитектуре.

Экспертный совет

Николай Белоусов

Архитектор, руководитель «Архитектурной мастерской Белоусова»

Окончил МАРХИ. До 1992 года работал в ЦНИИЭП им. Б. С. Мезенцева. С 1992 по 1999 год руководил ПТМ архитектора Белоусова, с 1995 года — партнер архитектурной мастерской MBA в Париже. С 1999 по 2002 год работал архитектором в бюро «Сергей Киселев и партнеры». В 2002 году организовал мастерскую «Проект ОБЛО», специализирующуюся на деревянной архитектуре, и создал производство по изготовлению деревянных объектов в городе Галич Костромской области. С 2008 года — руководитель «Архитектурной мастерской Белоусова».

Елена Гонсалес

Архитектор, архитектурный критик

Окончила МАРХИ. В 1990 году стала соучредителем и куратором «Архитектурной галереи». С 2003 года работала в журнале «Проект Россия». Куратор Российского павильона на архитектурной биеннале в Венеции (2000), Российской экспозиции на Первой архитектурной биеннале в Пекине (2004). С 2004 по 2006 год — координатор Премии инновационного дизайна. В 2008 году — соорганизатор Первой архитектурной биеннале в Москве, куратор Российской экспозиции в Музее архитектуры им. А. В. Щусева. В настоящее время CEO МАРШ-лаб — лаборатории Московской архитектурной школы.

Евгения Гершкович

Искусствовед, архитектурный критик

Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, работала в НИИ теории архитектуры и градостроительства (НИИТАГ), являлась продюсером проекта «Архитектура и ботаника: коринфская капитель» (СПб, Ботанический сад, 2000), куратором проекта Grand tour (Форум художественных инициатив, Малый Манеж, 2003). С 1998-го — редактор отдела искусства и архитектуры журнала «Мезонин». Автор свыше 800 публикаций в прессе и книг «Высокий сталинский стиль» (2006), «Уборевич-Боровский. Интерьеры» (2010), «Агитлак» (2011), «Агиткость» (2016), путеводителей «Мир русской усадьбы» (2014–2017).

Александр Львовский

Генеральный директор московского представительства «РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA), председатель «Ассоциации деревянного домостроения»

Эксперт в области деревянного домостроения. Член Экспертного совета и один из идеологов ежегодной общероссийской премии за лучшее архитектурное сооружение из дерева ARCHIWOOD. В 1998 году возглавил московское представительство компании «РОССА РАКЕННЕ СПб» — эксклюзивного дистрибьютора HONKA в России, Казахстане и республике Беларусь. За годы работы в Московском регионе компанией было построено более 2500 объектов — частных домов и общественных зданий, а также реализован ряд девелоперских проектов. Под руководством Александра Львовского московское представительство «РОССА РАКЕННЕ СПб» принимает активное участие в отраслевых выставках и конференциях, поддерживает разнообразные культурные, спортивные и благотворительные мероприятия.

Марина Игнатушко

Архитектор, руководитель проекта «Архитектурный рейтинг» (Нижний Новгород)

Окончила архитектурный факультет Архитектурно-строительного университета Нижнего Новгорода. Сотрудничает с разными изданиями, пишет на разные темы — от фотографии до градостроительства; была заместителем редактора еженедельника, где вела рубрику «Город». Соавтор двух путеводителей по архитектуре города. С 1997 года — куратор проекта «Архитектурный рейтинг» Нижнего Новгорода, с 2006 года — куратор Международных дней архитектуры в Нижнем Новгороде.

Владимир Кузьмин

Архитектор, руководитель архитектурного бюро «Поле-Дизайн»

Окончил МАРХИ. С 1992 по 1998 год работал архитектором-дизайнером инженерно-промышленной компании «Биоинъектор», с 1999 года — руководитель проектной группы «Поле-Дизайн». Член Союза дизайнеров, доцент кафедры дизайна МАРХИ, преподаватель РАНХиГС и архитектурной школы МАРШ, профессор МААМ. Участник и организатор проектных семинаров архитекторов и дизайнеров в России и за рубежом. Лауреат выставок-конкурсов: «Дизайн-95», «Дизайн-99», «Архитектура и дизайн» 1996 года, Interior Design 1998 года, «АрхМосква-2000», «АрхМосква-2002», «АрхМосква-2003». Лауреат Госпремии РФ в области литературы и искусства за 1998 год и премии «Золотое Сечение — 2003».

Лариса Копылова

Главный редактор интернет-журнала «Э.К.А.»

Окончила музыкальное училище при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского и МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «История искусства». Работала в журналах «Проект Россия», «Интерьер + Дизайн», DOMUS, Vogue (редактор проекта «Дом Vogue», ведущая рубрики «Стиль жизни»). Писала в журналы Harper's Bazaar, Elle-decor, Robb Report, «100% Загородный дом», «100% Office», «100% Антиквариат», Made in Future, «Сто домов», «Московское наследие», газеты «Коммерсантъ» и ее приложения, «Независимую газету», «НГ Ex Libris», Business-FM, «Время новостей». Автор книги «Архитектор Борис Великовский». С 2009 года — учредитель и главный редактор веб-журнала «Экология и архитектура».

Тотан Кузембаев

Архитектор, руководитель «Архитектурной мастерской Тотана Кузембаева»

Окончил МАРХИ. В 1984 году получил первую премию журнала JA на выставке Bastion of Resistance и поощрительную — на выставке Museum of Architecture в Японии. Участвовал в выставке Dwelling Complex for Youth (премия SARP, 1988), в профессиональных выставках в Милане, Лондоне, Париже, Ганноверe, Вашингтоне и Сингапуре. В 1990 году организовал персональную выставку в Осло. С 1999 по 2002 год — руководитель группы дизайнеров компании «Пи». В 2002 году основал «Архитектурную мастерскую Тотана Кузембаева». Обладатель первой премии за дизайн выставки «Время пирамид», удостоен премии фестиваля «Зодчество-2005», журнала ARX (2006), Российской архитектурной премии (2006).

Юлия Зинкевич

Генеральный директор PR-агентства «Правила общения»

Выпускница факультета журналистики МГУ. В 2006 году совместно с Екатериной Артемьевой организовала агентство «Правила общения», специализирующееся на архитектуре, недвижимости, культурных и социальных инициативах. Автор и куратор проектов «С Городом на ТЫ», «Приметы городов», «Беседы с писателями о старости», инициатор создания сайта sovmod.ru. В 2009–2014 гг. — руководитель проекта ARCHIWOOD, продюсер выставки «Уилл Прайс. Параллели. Деревянная архитектура вчера, сегодня и везде» (2011), продюсер и сокуратор фестиваля «Nordic Wood. Деревянная архитектура северных стран» (2014) и других спецпроектов в рамках премии.

Николай Малинин

Архитектурный критик, куратор премии АРХИWOOD

Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, работал в газетах и журналах арт- и архитектурным критиком. Главный редактор сайта «Другая Москва» и архитектурного журнала Made In Future, куратор премии «Дом года» (2006–2010). Куратор выставок Das Andere Moskau (Берлин, 2003), «Новое деревянное» (Музей архитектуры, 2009), «Параллели» (Музей архитектуры, 2011), «Современное временное» (ЦСК «Гараж», 2012), «Книгострой» (ЦДХ, 2012). Автор книг «Архитектура Москвы. 1989–2009» (2009), «Метрополь: московская легенда» (2015), «Москва: архитектура советского модернизма. 1955–1991» (в соавторстве с А. Броновицкой, 2016).

Олег Панитков

Генеральный директор Ассоциации деревянного домостроения

Окончил МИСИ и Президентскую программу Академии народного хозяйства. Руководил Информационным центром строительных технологий, организованным Ассоциацией домостроителей США (NAHB). С 1998 года работает в ЗАО «ВЕЛЮКС». Принимал активное участие во внесении изменений в СНиПы, связанные с требованиями к мансардным этажам, в том числе допускающие применение деревянных конструкций при надстройке домов первых массовых серий, а также в разработке пакета ГОСТов по светопрозрачным конструкциям. Является членом Комитета по разработке технических регламентов в строительстве (ТК 144). Руководитель проекта первого «Активного дома» в России. Член правления Совета по «зеленому строительству» Союза архитекторов России (САР). Сертифицированный специалист DGNB.

Александр Ремизов

Архитектор, председатель правления НП «Совет по «зеленому» строительству»

Окончил МАРХИ (1983), работал архитектором и художником в Художественном фонде РФ под руководством А. В. Васнецова. В 1991 году создал архитектурное бюро REMISTUDIO (в 2013 году вошло в топ-50 архитектурных бюро мира в области экоустойчивой архитектуры, получив награду Green Planet Architects Award). Реализовал ряд архитектурных и градостроительных проектов, в том числе: дом приемов министра обороны РФ на Байкале, застройка микрорайона Северная Слобода в Москве, ряд частных домов в Подмосковье. Член правления Союза архитекторов России (САР), председатель Совета САР по экоустойчивой архитектуре, член рабочей программы Международного союза архитекторов (МСА) «Архитектура и возобновляемые источники энергии».

Григорий Ревзин

Историк архитектуры, партнер КБ «Стрелка»

Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, десять лет преподавал на кафедре истории русского искусства, кандидат искусствоведения. Вел архитектурные рубрики в газетах «Сегодня» и «Независимой газете», с 1996 года — обозреватель газеты «Коммерсантъ». В 1996–2000 гг. — заместитель главного редактора журнала «Проект Россия». В 2001–2011 гг. — главный редактор журнала «Проект Классика». В 2000, 2008 и 2010 гг. — куратор Российского павильона на Венецианской архитектурной биеннале. Автор книг «Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века» (1992), «Очерки философии архитектурной формы» (2002), «На пути в Боливию. Заметки о русской духовности» (2006), «Путешествие в античность» (2010), «Русская архитектура рубежа XX–XXI вв.» (2013).

Владислав Савинкин

Архитектор, креативный директор компании «Поле-Дизайн»

Окончил МАРХИ. Работал архитектором-дизайнером в «Инженерно-промышленной компании «Биоинъектор», после — креативным директором компании «Поле-Дизайн». Лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства, премии «Золотое сечение», выставок «Арх-Москва». С 1988 по 1994 год — член Театра архитектурной формы. С 2001 по 2006 год — член Совета по культуре при президенте Российской Федерации. Доцент кафедры дизайна МАРХИ.

Юлия Тарабарина

Главный редактор портала «Архи.ру»

Окончила отделение истории искусства Исторического факультета МГУ (1995), в 1998 году защитила кандидатскую диссертацию, посвященную истории русской архитектуры первой трети XVII века. Работала в Музеях московского Кремля, НИИТАГ, Музее архитектуры, в настоящее время — сотрудник сектора Древнерусского искусства ГИИ. С 1999 года — разработчик, редактор и автор портала «Архи.ру». Автор многих статей, посвященных современной архитектуре.

Дмитрий Фесенко

Архитектор, главный редактор журнала «Архитектурный вестник»

Окончил архитектурный факультет Ростовского ИСИ. Работал в ЦНИИ теории и истории архитектуры, в журнале «Архитектура СССР». С 1992 года — издатель и главный редактор журнала «Архитектурный вестник». Автор статей о современной архитектуре, градостроительстве и дизайне, опубликованных в России, Германии, Италии и др. Автор книг «Фасад/Разрез. Российская архитектура 1990–2000-х» (2007), «Теория архитектурного процесса: контуры новой парадигмы» (2010), «Российская архитектура — на краю» (2015). Член правления СМА, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры в Москве. Лауреат премии СМА «Золотое сечение», фестиваля «Зодчество».

Олег Шапиро

Партнер архитектурного бюро WOWHAUS, член попечительского совета Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»

Окончил Куйбышевский инженерно-строительный институт в 1984 году, кандидат архитектуры. С 1988 по 1993 год работал главным архитектором проекта Архитектурной мастерской №7, затем — руководителем Архитектурной мастерской №4 — первого творческого объединения СА СССР. В 1993–2007 гг. занимался бизнес-проектами. В 2007 году совместно с Дмитрием Ликиным основал архитектурное бюро WOWHAUS.

В разные годы в работе Экспертного совета также принимали участие: Ольга Гвоздева, Эдуард Кубенский, Александр Ложкин, Николай Лютомский, Евгения Микулина, Алексей Муратов, Дмитрий Ромашков, Наталия Тимашева, Станислав Турковский, Владимир Фролов, Сергей Экономов, Ирина Шипова, Александр Цимайло.

Жюри премии АРХИWOOD

2010

Юрий Григорян
Партнер бюро «Проект Меганом»

Илья Уткин
Руководитель «Студии Уткина»

Григорий Ревзин
архитектурный критик

Светлана Головина
Руководитель бюро X.Y.Z.

Владислав Савинкин
Архитектор, креативный директор компании «Поле-Дизайн»

Александр Львовский
Генеральный директор московского представительства «РОССА РАКЕННЕ СПб», эксклюзивного дистрибьютора компании HONKA в России, Казахстане и Республике Беларусь

2011

Федор Арзаманов
Главный архитектор бюро «Акант», Архитектурная мастерская на Яузе

Елена Гонсалес
Архитектор, архитектурный критик

Александр Ермолаев
Архитектор, преподаватель МАРХИ, руководитель «Театра архитектурной формы»

Андрей Иванов
Архитектор, советник Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства

Александр Ложкин
Архитектор, архитектурный критик, главный редактор журнала «Проект Сибирь»

Николай Лютомский
Архитектор, руководитель архитектурного бюро «ЭЛИС»

Владимир Плоткин
Главный архитектор ТПО «Резерв»

2012

Николай Белоусов
Архитектор, руководитель «Архитектурной мастерской Белоусова»

Вернер нуссмюллер
Архитектор, руководитель бюро Nussmuller Architekten

Ольга Севан
Архитектор, реставратор, заведующий сектором Российского института культурологии

Дмитрий Фесенко
Архитектурный критик, главный редактор журнала «Архитектурный вестник»

Александр Константинов
Архитектор, художник

Александр Ларин
Архитектор

Даниил Страхов
Актер театра и кино

2013

Сергей Скуратов
Архитектор, президент компании «СЕРГЕЙ СКУРАТОВ ARCHITECTS»

Александр Купцов
Архитектор, руководитель бюро Gikalo Kuptzov Architects

Алексей Мунипов
Главный редактор журнала «Большой город»

Мария Петрова и Алексей Тихонов
Чемпионы мира и Европы по фигурному катанию

Алексей Розенберг
Архитектор, руководитель персональной творческой мастерской

Марина Игнатушко
Архитектурный критик, куратор проекта «Архитектурный рейтинг»,

Тору Кашихара
Архитектор, Япония

Александр Скокан

Директор, главный архитектор бюро «Остоженка»

Степан Липгарт

Архитектор

Юлия Тарабарина

Главный редактор портала «Архитектура России»

Стас Жицкий

Партнер бюро Open Design

Григорий Дайнов

Руководитель, главный архитектор бюро DK (Ярославль)

Карлхайнц Бойгер

Партнер бюро Hohensinn Architektur (Грац, Австрия)

Василий Носов

Директор ТДВ-Треста

2014

Сергей Колчин

Руководитель архитектурного бюро Le Atelier

Николай Лызлов

Вице-президент Союза московских архитекторов, руководитель «Архитектурной мастерской Лызлова»

Иван Овчинников

Руководитель архитектурно-производственного бюро BIO-architects

Олег Шапиро

Архитектор, партнер бюро WOWHAUS, член Попечительского совета Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»

Лариса Копылова

Главный редактор интернет-журнала «Э.К.А.»

Александр Никитин

главный архитектор фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества», гендиректор ООО «ПРК "КАРЭНСИ"»

Мартин Райниш

Архитектор, руководитель студии «E-M.R.A.K.» (Чехия)

2015

Тимур Башкаев

Архитектор, руководитель «АБТБ»

Григорий Гурьянов

Архитектор, партнер бюро «Практика»

Оксана Кашенко

Главный редактор портала Roomble

Наталья Сидорова

Архитектор, партнер «Архитектурной группы ДНК»

Евгения Гершкович

Искусствовед

Дмитрий Долгой

Архитектор, руководитель бюро KD

Тотан Кузембаев

Руководитель «Архитектурной мастерской Кузембаева»

2016

Ольга Алексакова

Архитектор, партнер BUROMOSCOW

Антон Кочуркин

Архитектор, куратор фестиваля «Архстояние»

Олег Панитков

Генеральный директор Ассоциации деревянного домостроения

Ксения Харитонова

Архитектор, партнер бюро FAS(т)

Юлия Бурдова

Архитектор, партнер BUROMOSCOW

Роман Леонидов

Руководитель «Архитектурного бюро Романа Леонидова»

Александр Рябский

Архитектор, партнер бюро FAS(т)

2017

Современное деревянное

Основные тенденции и направления

Николай Малинин

Много веков архитектура русского дома не мыслилась без дерева, а деревянный дом не мыслился без архитектуры. Польза и красота сливались в единый феномен, образцы которого, слава богу, до сих украшают нашу страну. Но в 1917 году естественному развитию деревянной архитектуры приходит конец. Революция отменила всё: дерево (как не соответствующее духу времени), деревню (заменив ее колхозом), саму идею частного дома (ее заменив домом-коммуной и коммуналкой), что уж говорить о церквях.

И хотя начинается история советской архитектуры именно с деревянных объектов («Махорка» Константина Мельникова и другие павильоны ВСХВ-1923), дерево быстро превращается во второстепенный, вспомогательный материал. Из него строят, но больше коровники, в лучшем случае — дачи. Конечно, похожие процессы происходят с деревом и в мировой архитектуре: оно отступает под натиском стекла и бетона. Но при этом весь XX век мир развивал и совершенствовал древний стройматериал: из дерева строили Райт и Корбюзье, Аалто и Кан, Мейер и Вентури, Холл и Цумтор, Роджерс и Пиано. И нигде в мире этот процесс не имел той политической подоплеки, как в СССР: да, власть давала гражданам жилье, но оно сосредотачивалось вокруг новых заводов и фабрик, закабаляя таким образом трудящихся (недаром лучшее исследование на эту тему так и называется: «Наказание жилищем»). К концу же советской эпохи сложилась такая мощная гегемония бетона, лоббируемая домостроительными комбинатами, что дереву через нее было не пробиться.

Медленное возрождение дерева начинается в самом конце 1990-х годов. Набирает обороты частное домостроительство (поначалу, правда, исключительно кирпичное), формируется авторская архитектура (Александр Бродский, Тотан Кузембаев, Николай Белоусов), загородные фестивали (на Клязьминском водохранилище и в деревне Никола-Ленивец) открывают новую тему: арт-объекты и общественные сооружения из дерева. В конце 2010-х годов дерево появляется и в городах: обновленные парки становятся символом современной Москвы, а первую скрипку в их облике играют именно деревянные объекты. Подпитывает тенденцию общемировой курс на экологичность и энергоэффективность, который делает дерево (единственный возобновляемый стройматериал) особенно актуальным.

Эта популярность дерева не имеет никакого отношения к той политике культурного национализма и возврата к традиционным ценностям, которую проводит текущая власть (хотя и кажется созвучной ей). И хотя многим нынешним трендам можно найти условные аналоги среди архетипов (см. «Генеалогическое древо современной русской деревянной архитектуры»), гораздо больше на нее повлияла архитектура XX века, в том числе, конечно, и мировая.

Деревянное временное

Георгий Гоциридзе, Евгений Муравский. Ресторан в Селятино. 1970-е

Михаил Кибирев. Почтамт в Нарьян-Маре. 1952

Оскар Мунц. Проект дома культуры. 1936

Александр Никольский. Проект волисполкома. 1921

Федор Шехтель. Выставочный павильон в Глазго. 2002

Олонецкий брутализм

Борис Бернаскони. VOLGADACHA. 2011

«Проект Меганом». Сарай в Никола-Ленивце. 2006

Аэропорт в Туруханске. 1940-е

Сушильня в Великом Устюге. 1940-е

Константин Коровин. Павильон Крайнего Севера. 1896

Рубленый модернизм

Дом советов в Игарке. 1930-е

Александр и Виктор Веснины Дом в поселке «Сокол», 1920-е

Александр Гегелло. Проект волисполкома. 1921

Андрей Оль. Дача Леонида Андреева. 1908

Дачный пассеизм

Натан Остерман. Щитовой дом в Болшево. 1948

Николай Марковников Дом в поселке «Сокол». 1920-е

Домик Чехова в Мелихово. 1890-е

Дача

Усадьба

Изба

Деревенский классицизм

Клуб в Кандалакше. 1940-е

Игорь Фомин, Евгений Левинсон. Проект дома культуры. 1936

Лев Лисенко. Проект клуба. 1940

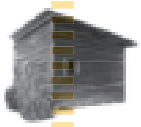
Иван Жолтовский, Николай Колли. Павильон мелиорации на ВСХВ. 1923

Амбар

Лирический экспрессионизм

Домики яхтсменов в Пирогово. 2000-е

Пионерлагерь под Звенигородом. 1967



Ле Корбюзье. Кабанон. 1952

Яков Рубанчик. Проект киоска. 1931

Алексей Щусев. Мавзолей Ленина. 1924

Рублевский минимализм

Лазарь Хидекель, Олег Романов. Пионерлагерь «Прометей». 1976

Константин Мельников. Павильон СССР в Париже. 1925

Александра Экстер. Павильон «Известий на ВСХВ. 1923

Константин Мельников. Павильон «Махорка на ВСХВ. 1923

Владимир Татлин. Башня III Интернационала. 1919

Мельница

Церковь

Сарай

Дачный пассеизм

01

02

03

А началось все с поэтизации советской дачи. В отличие от деревни, где доминируют польза и прочность, на даче верховодит красота. Или, как минимум, эстетизация — зато всего, что только можно. Это направление пропитано элегической печалью — о детстве вообще, но больше о советском — о том, что странным образом еще не отрефлексировано другими видами искусств. Но, при кажущейся обращенности в прошлое, именно в нем вызревают ценности будущего: рациональность, экономичность, экологичность, вторичное использование.

Логично, что и начинается история новой деревянной архитектуры с объекта, построенного даже и не профессионалом. Свой 12-этажный дом в Архангельске (1998) (фото 01) предприниматель Николай Сутягин начал строить как двухэтажный. Но дом рос как на дрожжах — в логике пушкинской сказки: сначала хозяину захотелось видеть из своих окон реку Кузнечиху, затем — Северную Двину, а потом и Белое море. Обычно такая спонтанность приводит к нелепым результатам, здесь же вышел крайне живописный терем, этакий деревянный Нойшванштайн. Но местные власти объявили «самое высокое деревянное здание в мире» самостроем и в 2009 году уничтожили.

Не снесен, но того и гляди рухнет ресторан «95 градусов» (2000) (фото 02) на Клязьминском водохранилище. Все как бы не всерьез, как во многих постройках Бродского, но при этом они неизменно становятся метафорами. При этом содержанием метафоры оказывается совсем не то, чем принято гордиться. Бродский как никто умеет поэтизировать родимые недостатки — сокрушаясь, но неизменно любя. Всё у нас валится? Так мы заранее наклоним стойки на лишних пять градусов. Всё у нас кое-как? Так мы сделаем новое здание в эстетике дачного самостроя. Всё у нас на понтах? Так мы загоним в эту хлипкую с виду лачугу фешенебельный ресторан! И в результате возникает фантастический по точности образ России рубежа веков — страшно противоречивый, но жутко обаятельный.

Одно из очевидных противоречий как раз в том, что богатая природными ресурсами российская экономика пока не сильно озабочена переработкой вторсырья. Однако сама по себе идея повторного применения всегда была близка советскому человеку, несшему все, что уже не нужно (или что плохо лежит), на свои дачи. Страна полна такими шедеврами, самые интересные из них Владимир Архипов собирает в «Музей самодельной вещи». Проекты Александра Бродского тоже апеллируют к «памяти материала», но в своей парадоксальности обнажают совсем иные смыслы. Окна обычно означают «открытость». Павильон для водочных церемоний (2003) (фото 03) весь из них — казалось бы, манифест! Но нет: все они замазаны белой краской, что создает интим, необходимый для главного русского священнодействия. В отличие от окон, дверь символизирует закрытость, поэтому обычно она одна, в Ротонде же

ДАЧНЫЙ ПАС

(2009) их — двадцать. Но и это отнюдь не метафора открытости, а скорее ощущение «вечного преддверия». Которое тонко обозначает как богатство выбора, так и его иллюзорность.

Прикидывается «дачным-временным» Дом в Тарусе (2005): жилой объем накрыт навесом на отдельно стоящих стойках (фото 04). Но только прикидывается: под пластиковой кровлей — нормальный трехэтажный дом. И не просто нормальный, он сделан так качественно, как дачам и не снилось, а его монолитность можно прочесть как дань новым временам (террасы, кстати, тоже предусмотрительно убраны на крышу). Но при всей монолитности дом на редкость живописен за счет выступов: как будто архитектор беспечно штабелировал пеналы помещений (разрез дома можно принять за план), как и полагается дачнику.

Как оммаж советской даче предлагает прочитать House 133 (2009) (фото 05) в Тверской области его автор Петр Костелов. «В советское время индивидуальное строительство было не развито. А те, кто все-таки ухитрялся построить дачу, использовали для этого самые разные материалы. В результате дом состоял из фрагментов, лоскутков и заплат, отражающих возможности его владельца в конкретный период времени строительства». Также и дом Костелова являет собою patchwork — лоскутное одеяло, где каждая деревянная заплатка набрана из самых разных досок (вагонка, блокхаус, бруски, черенки от лопат) и столь же разных способов их соединения (внахлест, внахлыст и т. д.).

Тему «дачного бедного» развивает Тотан Кузембаев в Яхт-офисе № 1 (2001), который обшит горбылем. Эффект рваной структуры, похожий на облицовку известняком, так понравился заказчику, что строившееся изначально как лодочный сарай сооружение было перепрофилировано. Продолжит сюжет обшитый тем же горбылем Дом «Ъ» (2009) — но уже в масштабе огромной усадьбы, что сделает парадоксальность приема еще острее. Ту же тему исповедует Иван Шалмин в серии «шершавых» домов, первый из которых — «Шершавый черный» (2003) (фото 06). Поначалу они облицовывались нестроганной доской, откуда и название. «На дом вообще не очень похоже, — признается автор, — скорее на сарай. Ехала машина с досками, остановилась, из этого и сделали». При единстве приема «шершавые» весьма разнообразны, даром что опираются на философию почти экстремистскую: «Клиент всегда не прав. Он знает, что хочет, но не знает, что ему нужно. Для этого и существуют профессионалы».

Еще более аутентичную версию «самостроя» представляет Андрей Чернов из Новосибирска. Он делает откровенный лоу-тек, в котором исторические архетипы переосмысляются и воспроизводятся в самых дешевых материалах. То это Дачный домик (2009) в виде кампаниллы, то Беседка для барбекю (2009) — в виде икосаэдра, то Мастерская (2010) — сплошь зашитая доской, но с зенитным фонарем из теплицы... Но постепенно «дача» превращается в тренд, ей уже не нужно изображать ничего другого, кроме самой себя. Образцами для новой дачи становятся те самые «старые» дачи — в Кратово, Малаховке, Валентиновке... Конечно, в новых дачах уже можно жить не только летом, да и вообще теперь трудно провести грань, где кончается «дача» и начинается «загородный дом для круглогодичного проживания». Впрочем, назвать каменный дом «дачей» язык все же не поворачивается. Да и зачем? Тогда как дома деревянные память о своей «дачной» составляющей хранят весьма разнообразно. Так, например, дом в Кратово Евгения Асса (2015) возводит в культ главную архитектурную особенность дачи — террасу, повторяя ее (с вариациями) четырежды! В доме «Писательская дача» Светланы Бедняковой (2016) (фото 07) таких элементов еще больше: помимо уютной террасы на втором этаже есть остекленная веранда, а также эркер. Который сегодня встречается не часто, а вот как раз в писательских дачах Переделкина 1930-х годов был фирменным элементом.

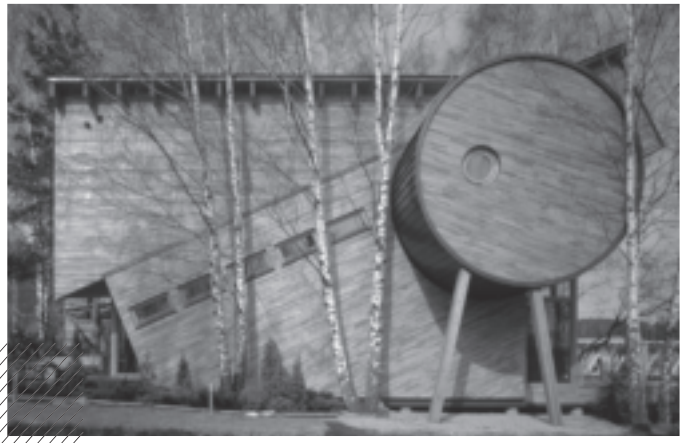
04

05

06

07

Лирический экспрессионизм



03

01

Другое направление в «новом деревянном» связано с именами Тотана Кузембаева и Светланы Головиной. Опираются они, с одной стороны, на формообразование русского авангарда, с другой — на новые технологические возможности. Поэтому их дома непременно летят (над землей ли, над водой), стены и крыши гнутся и круглятся, сверкая то непривычным красным цветом, то, наоборот, привычным гонтом. Недаром у каждого такого сооружения сразу образуется имя: Дом-мост, Дом-телескоп, Дом-скат. Это постоянная проверка дерева на прочность, поиск его новых образных возможностей, эксперимент — но с обязательным оттенком иронии. Понятно, что на дереве высоко не воспаришь, и хотя первые объекты авангарда и были из дерева (павильоны Константина Мельникова, Ивана Жолтовского, Ильи Голосова), не этим материалом он грезил, а этим — пользовался по бедности. Над чем еще в ранние 1980-е иронизировал «бумажный» архитектор Юрий Аввакумов, став провозвестником этого тренда.

02

Первым шедевром курорта Пирогово (где дружно работали почти все бывшие «бумажники», превратив его в главный плацдарм новой деревянной архитектуры), стал Комплекс гостевых домиков (2003) Тотана Кузембаева (фото 01). Легкие, маленькие, яркие — они пародируют модную во всем мире идею дизайн-отеля, а равно и знаменитые folies Бернара Чуми в парижском Ла-Виллет. Металлический каркас, строительная фанера внутри и сосновые доски снаружи. Плюс революционный красный цвет и вид на воду, ради которого он и приподнят над землей.

«Я понял, — говорит Кузембаев, — что именно конструкция в таком объекте наиболее интересна, что ее нужно не прятать, а выставлять напоказ, что она должна работать и как несущая основа здания, и как его эстетическая составляющая». Этот конструктивистский посыл нашел воплощение и в Доме-телескопе (2004) (фото 03), хотя многие увидели в нем лишь формалистскую отсылку все к той же эпохе, а в сочетании круга и диагонали — клин Лисицкого. Критик Григорий Ревзин написал, что дом — оммаж «Махорке» Константина Мельникова, но тут не только внешнее сходство: название дому дало зенитное окно, а в «русском конструктивизме есть фантастическое сочетание смелости с неприкрытой наивностью, когда люди стартуют в космос непосредственно с деревенской околицы».

Те же мотивы определяют образ одного из лучших объектов курорта. Яхт-офис-2 Кузембаева (2006) (фото 04) создан как будто одним росчерком пера: стена становится крышей, крыша переходит в ограждение балкона, поворачивает, затем лесенкой спускается к точке старта. Но за этим нет того единообразия текстуры, которое характерно для модернизма, наоборот, на каждом повороте она меняется: то это глухая стена, то стропила

ЛИРИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ

крыши, то обрешетка балкона. Венчается эта игра суперграфикой на уличном фасаде, а на фасаде, обращенном к воде, обрешетка идет ломаными линиями, как будто трепещет на ветру, дующем с водохранилища...

Не отступает Кузембаев от образных решений и в более весомых по объему сооружениях в том же Пирогово. Перекидывается через овраг Дом-мост (2006), избывая свою громадность бесконечными галереями и повсеместной прозрачностью. Продолжает тему Дом «К.» (2007), норовящий воспарить посредством почти сплошного остекления первого этажа. Но еще более радикально переосмыслена здесь тема чайной беседки, которая не только поднята на три метра и отнесена от главного дома на тридцать метров, но и соединена с ним галереей-переходом. Все, что мы привычно называли «маниловщиной», здесь воплотилось: и берег вод, и «огромнейший дом», и мост, и высокий бельведер, где можно «пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах».

Извивается Дом-скат (2007): гонт, которым издревле покрывают криволинейные плоскости, смягчает поворот дома на девяносто градусов. Наследует той же древней традиции Мотель в Лисьей норе (2007) Светланы Головиной (фото 02), имеющий сложный план в виде змейки и не менее сложный бочкообразный разрез. Как лемех (кровельный материал в виде заостренных дощечек) возник из необходимости покрывать сложные криволинейные поверхности (купола, кокошники, бочки), так и Головина приходит к похожему приему в поисках материала для облицовки круглящихся стен загородной гостиницы: покрывает их деревянными дощечками с таким же напуском. Характерна и последовавшая аутентичность процесса: чтобы идеально обрисовать округлости сооружения, дощечки подгонялись вручную.

Похожим образом родился и образ Спортивного комплекса в Лисьей Норе (2004) (фото 05). Эффектная его внешность во многом обусловлена красным цветом, который был призван скрыть ошибки, допущенные строителями. Но эта вынужденная мера лишь придала эффектности первому в стране крупному общественному сооружению из дерева. Яркий цвет, острые формы, открытость и легкость, обилие открытых и полуоткрытых пространств, сложный план, обусловивший их взаимосвязь, панорамные виды — все это символизировало новую эпоху в развитии старого материала и решительно рвало с традицией.

Другими способами достигают слияния с природой Иван Кибирев и Валерий Борзиков. Их «Шанти-дом» (2011) под Бахчисараем — это сфера, каркас которой состоит из деревянных распорок, расположенных на «геодезических», то есть кратчайших линиях, соединяющих две точки на криволинейной поверхности. Апеллирует к куполу Бакминстера Фуллера и куда более бюджетный объект (построен за 200 000 руб.) — «Стационарное шапито» (2011) Ивана Дыркина в Новосибирске (фото 06). Пафос тут тот же: экономия материалов (у сферы наименьшее соотношение между площадью поверхности и объемом), энергоэффективность (уменьшение на треть площади стен, а значит, и теплопотерь) и гармоничное вхождение в природный контекст.

04

05

06

СКИЙ
ОНИЗМ

Рубленый модернизм

01

02

03

04

Это попытка осовременить привычный сруб, который не столько поэтизируется как дача, а переиначивается. Первой модернистской избой новой России стал дом Горячева (1998) Михаила Лабазова (фото 01). Ощущение новизны достигнуто здесь обращением к самой дремучей архаике: стены фасада скошены на манер храмовых восьмериков (и ради разнообразия видов на Озернинское водохранилище), образовавшиеся углы восполняют треугольные балконы (еще одна абсолютная новация), а мощный вылет крыши обусловлен необходимостью эти балконы прикрыть от осадков.

Столь же оригинальна и иронична в интерпретации прообразов и Баня в Пирогово (2004) Александра Бродского (фото 02), только здесь игра уже идет с классицистическими архетипами. Из почти глухого сруба вдруг вырастает практически классический периптер, только сплошь остекленный. С двух сторон здание охватывает узкая и высокая галерейка, дезавуируя его тяжесть; этот эффект дополняют и высокие ножки, на которые поднят сруб. Образ бани как пространства тесного, темного и интимного здесь не только избывается (как в банях Николая Белоусова), но дополняется новыми коннотациями: деревянных дворцов с колоннами было много, но вот бани в виде периптера еще не бывало. А о чем это говорит? Что из подсобного сооружения баня превращается в главное: ибо что же еще настоящему мужчине делать на природе, как не париться?

Если эти объекты дали критикам простор для ассоциаций (о доме Лабазова писали как о Малом Трианоне из бревен), то Дом-мастерская в Ошевенске (2000) Александра Ермолаева (фото 03) не трогает никаких посторонних тем, «говоря лишь с избою об избе». Образ определен местом: русский Север, знаменитая своими громадными избами деревня. И новый дом им под стать, хотя все элементы идентичности тщательно созданы: неравномерный выпуск бревен обеспечивает ощущение «покосившести»; окна, как и полагается, небольшие, но все же панорамные; стены же не параллельны из желания придать остроты внутреннему пространству, которое является мастерской и должно провоцировать молодежь на нестандартные решения.

Евгений Асс годами борется за простоту, но порой ее приходится и декларативно подчеркнуть. Дом в лесу (2003) зовется «коттеджем» (фото 04), на который похож и размером (80 кв. м), и отсутствием перегородок в интерьере (что предполагает очень временное пребывание), и готовностью к тиражированию: такими коттеджами предполагалось застроить пол-Пирогово (и сдавать их туристам). При том что конструктивно это честный сруб, дому приходится сруб еще и изображать: он сложен из спаренного клееного бруса, но избыточная ровность и стериль-

РУБЛЕНЫЙ МОДЕРН

ность брусового дома заставили автора прорезать между венцами пазы. Полное единение с природой определяется большущими окнами и символизируется живым деревом, на которое «надета» терраса дома.

Хедлайнером же этого тренда стал Николай Белоусов, который в 2004 году создал не просто фирму по производству деревянных домов (с собственным заводом в Галиче), но организовал комплексный процесс, в котором первую скрипку играет именно архитектор. Именно его переживание деревянного дома как забытой, но полной возможностей традиции, становится определяющим. Белоусов и любуется привычным рубленым домом, и утрирует его, увеличивая выпуск бревен или оттеняя их поликарбонатом. Так у Дома на Николиной Горе (2004), первого деревянного объекта Белоусова (фото 05), бревна обеих боковых стен вылетают чуть не на метр, не только смягчая переход между интерьером и «улицей», но и превращая фасад в громадную, но уютную лоджию. Лоджия помостом плавно летит к пруду, а пруд «затекает» в дом стеклянным пассажем, который не столько делит дом на две части, сколько собирает его вокруг себя, а точнее — вокруг идеи света (что совершенно нехарактерно для русской избы с ее крохотными окнами).

Точно найденный ход разрабатывается в Доме в поселке Лесные Поляны (2006): теперь тот же центральный неф превращается в башню, которая улавливает своими верхними окнами солнечные лучи на южной стороне, перенаправляя их в пространство гостевой зоны. Тема перераспределения света присутствует и в другом объекте — Доме в поселке Кузнецово (2005), для чего разработана оригинальная система стропил, поддерживающая стеклянный колпак (фото 06). Это наполняет дом таким количеством света, какое не снилось ни одной русской избе. Сам же дом при этом одноэтажный, что не только снимает вопрос о вертикальных коммуникациях, но и радикально осовременивает образ рубленого дома — за счет горизонтальных пропорций фасадов.

Экспериментируя с отдельными элементами, Белоусов уверенно движется в сторону современной архитектуры. Приподнявшись в вышеописанном доме, крыша окончательно отрывается от здания в бане «Крыша мира» (2008) (фото 07). Она далеко вылетает за периметр сруба, парит на собственных опорах, а соединяется с баней лишь холодным чердаком (что позволяет избежать капели и сосулек). Вопреки всем традициям баня местами прозрачна (панорамное окно есть даже в парной), а общий ее образ напоминает скорее выставочный павильон.

Развивая сруб то вширь, то вверх, деля его на части и снова соединяя, отрывая крышу и дематериализуя стены, Белоусов постепенно обретает феерическую свободу в обращении с этим архетипом. Дача в поселке НИЛ (2012), родном для Белоусова, — это уже неоклассическая композиция: две симметричные башни, соединенные одноэтажным, почти прозрачным объемом, мощные выносы крыш, и фирменный пассаж, на этот раз проложенный не поперек, а вдоль: идя по дому, ты все время двигаешься на свет. Еще один дом Белоусова просто превращен в мощный гимн свету, недаром и зовется «Ловушкой для солнца» (2015).

Взвинчивает модернистской асимметрией свои срубы и Роман Леонидов. Дом Locomotion (2012) весь спланирован как сдвигающиеся друг относительно друга квадраты помещений, каковой динамике отвечает и меняющаяся фактура фасадов — бревно, брус, доска (фото 08). Угловое остекление на два этажа, пунктир панорамных окон, гротескный вылет крыши — перебор приемов выдает ту же эйфорию свободы, которую ощущает современный архитектор в обращении со срубом.

05

06

07

08

Бий низ

Олонецкий брутализм

01

Если в предыдущей главе шла речь о дематериализации сруба, о его «просветлении» и осовременивании, то объекты этого раздела, наоборот, всячески прокламируют настроения аскетизма, суровости, брутальности. Почти обязательный серый цвет апеллирует к благородно выцветающему дереву древних построек русского Севера, туда же отсылает минимум декоративных деталей (и вообще скупость изобразительных средств), общий дух простоты и монолитности. Эти здания демонстративно противостоят культу гламурно-глянцевой красоты, да и вообще всему тому представлению о богатом доме, которое исповедовал русский заказчик в 2000-е годы.

Неслучайно они делаются для себя, для друзей или как мини-отели «для понимающих». Строя дом для родителей (2004), Дмитрий Долгой использует брус, чтобы достичь той современной нейтральности и ровности, которые вскоре станут фирменными для бюро KD (фото 01). Домик с двускатной кровлей, с террасами, опоясавшими здание по периметру, кажется привычным, но и гульбище это слишком непропорционально по отношению к дому, и сам дом подозрительно горизонтален, и окна необычных квадратных пропорций, а подшивка кровли разработана как сложная многослойная деревянная фактура.

Двускатная крыша дома VolgaDacha Бориса Бернаскони (2010) — единственное привычное, что в нем есть (фото 02). Все остальное рвет с традицией. Даже объем не вполне традиционный, даром что в пропорциях золотого сечения. Но еще более оригинален цвет: черный, в прежней деревянной архитектуре практически не звучавший.

Ту же тему развивает Федор Опарин в Доме на горе (2013) под Петербургом: практически куб (11×11×11), темно-серый цвет, состаренная неструганная доска и оригинальные сдвижные ставни на каждом, даже самом маленьком окошечке (фото 03). В эстетском перфорировании которых можно увидеть ассоциации с пропильной резьбой русских наличников. «Жду, когда дом начнет «красиво стареть», — честно описывает свою эстетику автор.

Красоту того же цвета утверждает и дом на Карельском перешейке Сергея Рогулева (2007). Дом — словно бы часть ландшафта, местный валун с налетом хай-тека. А большой вынос террас, покоящихся на мощных опорах, символизирует тектонические сдвиги, умело перенаправленные человеком (фото 04). Брутальность местами переходит в сакральность: многослойная кровля делает дом похожим на скит, а мощный дымоход кажется монастырской колокольней. И уже настоящим монастырем оказывается стильная Казарма (2013) Сергея Сыренова в Никола-Ленивце, знаменательная тем, что это реконструкция пафосной новорусской избушки под хостел творческой молодежи.

02

ОЛОНЕЦ
ВВУ

Как ни парадоксально, такая стилистика отлично соответствует эстетическим запросам «креативного класса». Неслучайно Петр Костелов и Алексей Розенберг сумели в этом духе выстроить целый курорт — «Конаково Ривер Клаб» (2008–2016). Непривычный в гламурных местах, этот стиль прекрасно отвечает тому азарту и драйву, которые определяют дух курорта. Первыми выстроились «Свитчеры» (2011) — эдакая крепостная стена, прикрывающая поселок (фото 05). Каждый дом состоит из двух разновысоких башен, квадратных в плане, отделка выполнена «драными», как бы долго простоявшими на ветру досками. Затем были «Ривер» (2013), остроумно соединивший два особняка, «Депо» (2014) и «Астон» (2015) — абсолютный куб со сложным внутренним миром, настоящим пространственным тетрисом. Венчает тему изысканнейший дом в деревне Духанино (2015), где любимая Розенбергом тема «вибрации» доведена до звона с помощью двухслойного фасада — металлического и деревянного (фото 06). Впервые в истории премии ARCHIWOOD жюри решилось на Гран-при — именно этому дому.

03

05

04

06

Рублевский минимализм

01

Схож по эстетическим установкам с предыдущим и этот тренд, только он ориентируется на европейский минимализм. И доминируют здесь постройки главного отечественного минималиста — Евгения Асса, его учеников и единомышленников. Кубические объемы, плоские кровли, панорамные окна. Эти дома тоже лишены всяких украшательств и призваны научить русского домостроителя ценить рациональность, простоту и чистоту линии. Однако добиться от местных строителей ровной стены (или, наоборот, идеально скругленной) редко получается, поэтому адепты этого направления часто вынуждены использовать дерево как отделочный материал. Так, обшитый брусом лиственницы дом в поселке Журналист Федора Дубинникова и Лики Тулуповой (2009) — мечта об идеальном срубе, по-европейски ровном, но с окнами, прорубленными «по месту» — в духе традиций русского Севера. Тоскует о невозможности бетонного минимализма в местном климате галерея «Наши художники» в Борках Евгения Асса (2005) — интересно, что перемена облицовки следует за переменой функции: из частного особняка дом превращается в общественное здание (фото 01). И становится уникальным в своем роде и по размерам, и по материалам.

02

«Дерево, — аргументирует Светлана Головина, — в наших климатических условиях ведет себя при строительстве очень сложно: замораживание, оттаивание, усадка. В результате возникают какие-то нестыковки, их приходится подгонять, делать заплатки. А я ненавижу доморощенность, поэтому предпочитаю применять дерево только в отделке». Однако борьба продолжается — и не без успеха. Хорош крепко сбитый из кубиков в динамичную объемно-пространственную композицию дом в Кубинке (2014) Татьяны Белобородько (фото 02). И при этом все стены из бруса, а вентфасад — из планкена лиственницы. Да еще и эксплуатируемые озелененные кровли.

Не утверждает себя в пейзаже посредством бульдозера, а мягко стелется вслед за рельефом, приподнимая на ступеньку каждый свой следующий объем, загородный дом г-на В. (Игорь Шашков, Ника Шашкова, Светлана Беднякова, 2007) (фото 03). Приметы модернизма налицо: крупная кубатура объемов, гигантские витражи, почти плоская кровля, активная «палуба» террасы…

Этот дом, конечно, не маленький, но вообще деревянный минимализм в России имеет и идеологическую подоплеку. «Конечно, сейчас выпускаются клееные балки невероятных пролетов, — говорит Евгений Асс. — Но если отвлечься от новых технологий, мы заметим, что постройка из бревен всегда сомасштабна человеку — и тектоникой своей стены, и размером балки. Словно природа сама нам подсказывает, какого размера должен быть наш дом, ни больше и ни меньше».

Это мудрое понимание сущности деревянной архитектуры противостоит, конечно, всемирному буму деревянных небоскребов, но Россия еще только приходит к разумному самоограничению. Более того, вести ее приходится за руку, что демонстрируют домики яхтсменов в Пирогово (2003–2010) (фото 04). Разрабатывая концепцию застройки Завидкина мыса, Евгений Асс жестко ограничил как территорию каждого домика, так и его габариты — иронизируя над привычным размахом загородных домов, а также над тягой их владельцев к эксклюзивности. Однако именно эта склонность заставила авторов отдельных объектов изобретать всякий раз новые приемы, то экспериментируя с отделкой (как Николай Лызлов), то комбинируя дерево с другими материалами (розовые пластиковые створки придают неожиданную пикантность объекту Светланы Головиной), то превращая дом в подобие купе (Тотан Кузембаев) или шкафа (Евгений Асс).

К этому же «европейскому» флангу примыкает «Проект Меганом», чаще использующий дерево как отделочный материал, хотя их самый первый дом как раз честно деревянный. Дом в поселке Горки-2 (2000) всеми 22 окнами главного фасада обращен на запад (фото 05). Там, за окнами — поле, лес, речка и закат. Крыша резко взлетает, и дом как будто тянется за ней, расширяясь к западу. Туда же, на запад, он обращен конструктивной и материальной составляющей: дом каркасный, из американской сосны. Обшивка родной вагонкой не уберегает его от подозрений в желании выглядеть ковбойским ранчо, в чем убеждает и выложенный камнем цокольный этаж. В ту же сторону глядит дом Иосифа Бельмана и Владимира Шорохова (2016): общая горизонтальность, большие выносы крыш, обилие террас — все это навевает ассоциации с «домами прерий» великого американца Ф.-Л. Райта (фото 06).

Вообще архитекторы компании «РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA), выработавшие, казалось бы, незыблемый стиль, последнее время активно ищут и экспериментируют, в чем убеждает и дом Grace Алексея Сколдинова (2016). Причем новаторство здесь не только стилистическое, но и конструктивное: привычные стены из цельного бруса соединены с каркасными фронтонными конструкциями. Впрочем, для зодчих компании все это никакой не новый тренд, а лишь логичное обращение к первоисточнику — к «финским домикам» HONKA.

03

04

05

06

КИЙ МАЛИЗМ

Деревенский классицизм

01

02

«Барский помещичий стиль с колоннами и галереями, заимствованный у Запада, отошел в область прошлого», — писала Наталья Поленова о смене вех в архитектуре второй половины XIX века. Но прошло еще сто лет, и уже у «новых дворян» тот образ обрел новую популярность — овеянный тоской по той России, наследниками которой они хотели бы себя ощущать. Архитектура «в классическом духе» обретает бешеную популярность в России 1990-х годов, вызывая такую же лютую неприязнь у сторонников «современного стиля». Но при этом критическая рефлексия молодежи (о ней — в последней главе) направлена именно на современную псевдоклассическую архитектуру и, как правило, городскую, репрезентирующую власть. В жанре же частного загородного дома никто и ничто не мешает заказчику лелеять мечту о «барском доме с колоннами», а архитектору — с легкой иронией в этом упражняться.

У этой иронии много причин (несоответствие духу времени, нелепые амбиции заказчика, собственная беспринципность), но удивительным образом дерево всякий раз смягчает ее. Недаром Тотан Кузембаев любит повторять: «Не знаете, в каком стиле строить? Стройте из дерева! Плохо все равно не получится». И сам же создает наиболее яркий образец ироничеcкой классики — Дом-эллинг в Пирогово (2002) (фото 02). Сооружение родилось почти случайно (заказчик желал лишь сарайчик для катера и жить рядом), но тем острее ощущается его программность. «Гараж» не только уравнен в размерах с домом, он заставляет сам дом казаться яхтой. Образ Дома-корабля, казалось бы, не нов, но здесь он не просто образ: каркас позволяет обходиться без фундамента, стойки крепятся к понтонам. В «плавучем доме» тоже не было бы ничего необычного, если бы не его большая высота. Вместо незыблемости — качание, вместо прочности — легкость, вместо привычной герметичности — открытость.

Николай Белоусов с нежностью смотрит на первоисточник и воспроизводит его не просто тщательно (Охотничья усадьба, 2014), но и намеренно подчеркивая те трогательные особенности, которые характерны для провинциального классицизма. Это больше ирония над собой, над архитектором вообще, которому всегда трудно отказаться от заказа, поэтому здесь нет гротеска, который сквозит в других рубленых домах Белоусова. Например, в роскошной бане в Никольской Слободе (2006), где к прудику выводит гигантский портал (фото 01). Ироничен тут и размах (в сочетании с функцией), и пропорции (высокие тонкие колонны), и сочетание материалов — бревен колонн, слег в обрешетке (обычно вместо них используют тонкие доски) и поликарбоната. Но и это ирония не уничижительна.

Иронию иного рода можно увидеть в доме в Захарово Олега Карлсона (2010): это практически типовой дворец, недаром он и повторен трижды с небольшими отступлениями (фото 04). Крестообразная планировка, идущая от Палладио, опреде-

ДЕРЕВЕНСКИЙ КЛАСС

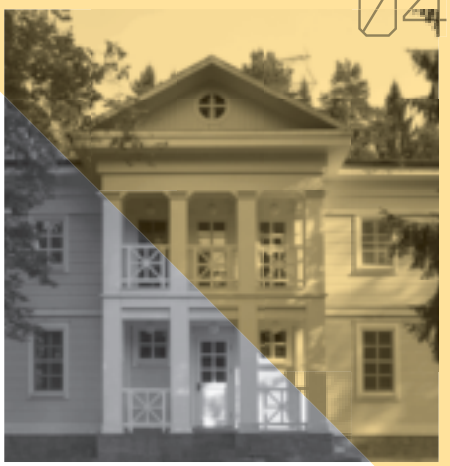
ляет и строгую симметрию фасадов, главный из которых украшен четырехколонным портиком с квадратными колоннами. Квадратный модуль плана находит отражение и в окнах, и в рисунке ограждения балконов, делая общий образ цельным и уютным, без неизбежного, казалось бы, пафоса. Укрепляют в этом ощущении и разные милые цитаты из находящегося поблизости дома Марии Алексеевны Ганнибал, уводящие все дальше от Палладио и ближе — к бабушке Пушкина.

Куда больше модернизируют классицизм Федор Арзаманов и Татьяна Бродач (дом в Конаково, 2009). Это практически античный храм, «у которого серединка сбежала в сторону»: внутри остекленного периптера, охватывающего гостиную, «плавают» модернистские объемы с жилыми комнатами. Следующий дом того же дуэта (дом в Тучково, 2012) внешне более сдержан, но не менее остроумен в размещении ключевого образа — портика: он не по центру дома, а в его торце. Вместо периптера — джазовый ритм вертикальных окон со ставнями, вместо стекла — серый цвет, а вытянутая в линию планировка венчается там портиком, под которым привольно раскинулась терраса (фото 03). Тот же ход — в доме Siluetti (2016) Ильи Надеждина: торцы эффектно оформлены портиками с балконами, которым отвечают ризалиты боковых флигелей. Их, впрочем, трудно назвать «флигелями» за отсутствием того главного корпуса, который им надлежит фланкировать (фото 05). Вместо него — скругленный объем зала, отмеченный фирменным для домов HONKA взлетающим козырьком. А уже вокруг него лепестками разворачивается план — и такая композиция тоже, конечно, инновативна и иронична, учитывая и то, что зал продолжается бассейном, от которого в сторону отходит терраса, чтобы зависнуть над прудиком и оказаться главным секретом дома (на самом деле, конечно, дворца).

А вот совсем иной масштаб, но тот же ход с «выпущенным» центром. «Дом у 9-й лунки» в Пирогово Ярослава Ковальчука (2008) — маленький, одноэтажный, но тоже состоит из двух флигелей, объединенных гостевой зоной (фото 06). Он кажется симметричным, но это иллюзия: части этого «катамарана» выдвинуты к пруду на разное расстояние — и эта сдвижка (при общем спокойном несуетном образе) есть элегантная метафора существования классики в современности.

Было бы нечестно оставить эту главу без указания на тех, кто работает с классикой абсолютно серьезно: Михаила Филиппова или Илью Уткина. Правда, у них дерево встречается фрагментарно, а собственный дом Уткина (2004) в деревне Бодачево — при всех классицистических принципах его построения — все же больше герой главы про избы. А вот Михаил Тумаркин выстроил банно-гостевой дом (2004) в стиле екатерининского классицизма: тут все по-честному и по-взрослому (фото 07).

04



05

06

07

ЛЕСНОЙ КЛАССИЦИЗМ

Деревянное временное

01

02

03

04

05

И ровно те же качества, которые определяют негативное отношение многих заказчиков к дереву как материалу для строительства жилого дома (непрочность, дешевизна, пластичность, гибкость), обуславливают его важность для строительства временных объектов. Все это — зона эксперимента, но именно здесь архитекторы обнаруживают те новые смыслы, о которых коммерческая «большая» архитектура и думать не думает.

Например, «прозрачность». Необходимое условие для успешного функционирования власти, бизнеса, общества. Архитектура отражает этот императив чисто символически — стеклянными стенами офисов. Но что происходит за ними — на самом деле, конечно, неизвестно. И даже магазинам — при всей необходимости «показать товар лицом» — сплошное остекление противопоказано. Поэтому пионерами прозрачности у нас стали маленькие публичные пространства из дерева: летнее кафе в Новосибирске Андрея Чернова (2008), беседки в Марфино бюро «Планар» (2010), шахматный клуб в Парке Горького (2011) бюро FAS(т).

Другая актуальная (и тоже пока мало востребованная «взрослой» архитектурой) тема — жизнь после жизни. Временные объекты честно и ответственно задумываются о собственной утилизации. Побыть — и оставить следующим поколениям чистую площадку. Впрочем, дверью можно и хлопнуть, собственный конец превратив в перформанс: именно так, полыхая, ушла Градирня в Никола-Ленивце (2009) Николая Полисского, вместе со льдом регулярно заканчивал свою жизнь каток в Парке Горького (2010, бюро WOWHAUS), ну а Дровнику (2003) того же Полисского (фото 01), гигантскому зиккурату из дров, сам бог велел сгореть.

Человек погибает в потоках информации, главной приметой здорового отдыха теперь является отсутствие интернета — и характерно, что большинство объектов русского ленд-арта имеют единственную функцию: медитацию. Николино ухо в Никола-Ленивце (фото 02), по сути скульптура, апеллирующая к древесным грибам и прочим природным протоформам, предлагает «слушать тишину» (Влад Савинкин и Владимир Кузьмин, 2006). Остроумно сконструированная инсталляция Ветки (2011) Елены Пупышевой и Антона Хрипко зовет ее созерцать; туалет Ивана Овчинникова именуется Разговором с деревом (2011): именно на близстоящий дуб ориентирован «перископ» сооружения.

Помимо экологичности дерева как материала, эта архитектура ищет способы физически приблизиться к природе — и в первую очередь к воде. Радикальнее всех в этом слиянии передвижной Дом рыбака (2003) Михаила Лабазова: прямо в полу (днище) объекта просверлена «прорубь» для всепогодной рыбной ловли . (фото 03) За ним последовала целая флотилия обитаемых плотов с фестиваля «Архстояние» (2008), затем — с «АрхФермы», включая

ДЕРЕВЯННОЕ ВРЕМЕННОЕ

«Плавбаню» и «Плотояхту» (2011, 2012), и с фестиваля «Ясно-Поле»: Плотос Тимура Башкаева (2016). А иркутский фестиваль «БухАрт» проводится ежегодно просто на льду озера Байкал...

Очумев от мегаполиса, современный горожанин хочет на природе не только есть и пить («Стол на сто» Николая Калошина и Владимира Кузьмина, 2015), но и спать, и мыться («ДушААлтая» Тимура Башкаева (2009) собирает в свой зонтик дождевую воду), а теперь еще и трудиться. Граница работы и досуга давно стала условной; следом должно появиться пространство, которое давало бы возможность сочетать работу и природу. Оно и возникает: Удаленный офис (2010) Александра Константинова в калужских лесах (редкие окна кадрируют идиллическую панораму), Плавучий офис (2011) Ивана Овчинникова (фото 04) на заокских просторах — и там, и там единственным условием для труда оказывается Wi-Fi.

Но логично и обратное движение: природы — в город. Учеба на открытом воздухе куда плодотворней обычной — о чем свидетельствует успех обшитой деревом «Стрелки» (2010, бюро WOWHAUS), развитый студентами Вологодского университета, соорудившими для себя «Треугольный сад» — аудиторию под открытым небом (Вера Смирнова, 2012). Возможно, в нем нет той стильности, что в «Стрелке», но это вообще архитектура не про форму, а про пространство, про людей, про самоорганизацию. И красоту здесь надо искать не в том, как балка лежит на стойке, а в том, как эти объекты вписаны в среду, как архитекторы за три дня своими руками всё возвели, как эти объекты живут... Как и вологодский Красный пляж (2012) — это не столько результат, сколько процесс, и это еще одна важная составляющая категории «времени» (фото 05).

Эта архитектура часто критична — чего не может себе позволить никакая иная. Сложно представить и «архитектурную иронию» — за исключением давно приевшихся шуточек постмодернизма. Ирония же деревянных сооружений в классических формах направлена не на первоисточник, а именно на пафосные подделки под него, усеявшие российскую землю в последние двадцать лет. Казалось бы, смешно — вечные формы в недолговечном материале: триумфальная арка из бревен (Пермские ворота, Николай Полисский, 2011) (фото 06), античный храм из сена (Храм в антах, команда «Лесосплав», 2012), Периптер из фанеры (выставочный павильон, Александр Купцов, Сергей Гикало, Антон Федулов, 2012), беседка из дерева и поликарбоната (Школа Игоря Чиркина и Алексея Подкидышева, 2012), и логично венчающая все это Руина чего-то паркового (команда «А», 2015)... Но гармонии в этих объектах куда больше, чем в современных офисах с мраморными колоннами.

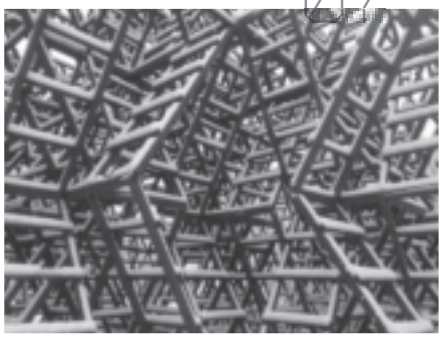
Но критика направлена не только внутрь профессии, она идет дальше и глубже. Современный рынок настойчиво предлагает нам многофункциональные товары, соблазняя не столько экономией, сколько иллюзией повышения производительности. Временная архитектура обычно решает конкретную задачу, а потому, как правило, монофункциональна. Как, например, лестница — кратчайший путь из пункта А в пункт Б. Но именно эта очевидность функции провоцирует архитектора на ее переосмысление. Лестница-арка Бориса Бернаскони (2012) вбирает множество функций: арка-граница, смотровая площадка, бар, колодец, погреб, а другой ворох лесенок в том же Никола-Ленивце («Штурм неба», бюро Manipulazione Internazionale, 2012), наоборот, избывает всякую прагматику, превращаясь в памятник русской утопии (фото 07).

Наконец, самая принципиальная тема для современного русского человека — размер (и имеет ли он значение). Герой притчи Льва Толстого «Много ли земли человеку нужно?» погнался (в прямом смысле — бегом) за увеличением жилплощади и упал замертво. И всё, что ему оказалось нужно, — это три аршина земли. В рассказе «Крыжовник» Чехов спорит: «Три аршина — это мертвецу нужно! А человеку — ему весь земной шар нужен!» Спор классиков разрешился сам собой: земной шар стал куда доступнее, а прогресс последовательно уменьшает размер нужных нам вещей, соответственно — и необходимое количество пространства.

Но Россия никак не может забыть советскую тесноту и все еще мечтает о хоромах. Поэтому по-настоящему компактными могут быть лишь объекты, предназначенные для краткосрочного пребывания: Sleepbox (2011) Михаила Крымова и Алексея Горяинова или Капсульный отель (2011) Кирилла Баира и Дарьи Лисицыной (фото 08). Или серия «микродомов», сооруженных в рамках фестиваля «Города», в парке «Музеон» (2013), из которых самым радикальным был объект, перемещающийся не только в пространстве, но и вокруг своих осей, — «Яйцо в кубе» (Алексей Мельников, Тимур Арсланов).

06

07



08

ВЧЕРНОВЕ

Технологии HONKA

HONKA Fusion

Технология HONKA Fusion, в которой дома создаются из неосаживаемого бруса FXL, дает возможность делать самые необычные и сложные конструкции. Это влияет не только на внешний вид дома, но и на его энергосбережение, а также дает возможность сочетать в одном проекте сразу несколько материалов. В результате проекты не ограничиваются ни в длине пролетов, ни в высоте потолков, ни в размерах окон.

HONKA «Нулевой угол»

Благодаря новым разработкам дома HONKA возможно строить не только в пригородах, но и в мегаполисах. Технология «Нулевой угол» была разработана именно для крупных городов. С ее помощью бревна в зданиях можно соединить под углом 45 градусов без перерубов. А крестообразный замок позволяет уплотнить углы в три раза лучше.

HONKA «Здоровый дом»

Еще одно направление, в котором компанией HONKA разрабатываются новые подходы, напрямую касается самочувствия человека. Технология «Здоровый дом» позволяет жить в деревянном доме даже тем, кто страдает от астмы и различных видов аллергии. Она была создана в тесном сотрудничестве с Исследовательским центром Финляндии и Федерацией аллергии и астмы.

Один из основных принципов, которыми руководствуется компания HONKA, — использование инновационных технологий. За более полувека работы их было накоплено довольно много, и большая их часть касается качества используемого строительного материала — дерева.

Примеры применения этих технологий можно увидеть в самых разных странах. В городе Куопио в Финляндии компанией HONKA был построен детский сад, рассчитанный на семьдесят детей. Идея создания детских учреждений из дерева настолько понравилась финнам, что до 2020 года в стране планируется возвести еще 34 подобных объекта. Деревянные дневные центры для детей можно увидеть также и во Франции. А в Японии компания HONKA создала целый ряд медицинских учреждений: детскую больницу, две больницы для взрослых и неврологическую клинику.

Технологии дают возможность делать дома просторными, открытыми и светлыми. Основа деревянного кафе «Маяк Ноккала», открытого на берегу Финского залива в городе Эспоо, сделана из неосаживаемого бруса HONKA. Здесь были созданы огромные остекленные площади, а раздвижные конструкции объединили внутреннее пространство с террасой.

Еще одно «прозрачное» кафе находится в Хельсинки, в парке Pynä Birgitta Park. Здание Birgitta не имеет главного фасада и интересно смотрится с любого ракурса. Оно состоит из трех деревянных конструкций различной высоты, между которыми организовано крытое пространство со стеклянными перегородками.

Загородный дом

Номинация

Главная номинация премии, ее смысл и витрина. Здесь все по-взрослому: пристрастно рассматриваются планировки, узлы, энергоэффективность. И если в других номинациях жюри часто делает скидки на экспериментальность, на педагогическое и просветительское значение объектов, то здесь идет настоящая борьба за образ нового деревянного дома.

Дом в Конаково

Архитектурная мастерская на Яузе «Акант»
Архитекторы:
Федор Арзаманов,
Татьяна Бродач

Тверская область,
Конаковский район

Победитель по версии жюри

Классический образ дома (традиционно любимый русским заказчиком) не мешает ему оказаться радикальным модернистским сооружением. На первый взгляд — настоящий периптер: колонны по периметру, фронтоны, карнизы. Но это — лишь колпак, под которым прячется практически стеклянный дом Филиппа Джонсона в Нью-Кейнане (1949)! Впрочем, колпак этот нисколько не декоративный, наоборот: независимый конструктив (колонны несут только кровлю) позволяет остеклить все пространство между колоннами, получив фантастическое двусветное пространство гостиной. То есть классика срастается с модернизмом прочно и логично (что, впрочем, характерно для большинства работ этого бюро). В пространство гостиной «въезжает» параллелепипед малого сруба, внутри которого прихожая и лестница, а наверху — открытая терраса, возникшая за счет того, что «въехал» сруб не до конца, оставив хвостик на улице. Обилие и разнообразие террас (всего их четыре, при этом восточная опущена ближе к земле, чем западная) вкупе с витражом гостиной делают дом максимально открытым природе — как в лучших дачах Советского Союза.

А линейная схема планировки (продиктованная вытянутым участком) позволяет распределить хозяев и гостей по дому вольготно и независимо (общая его площадь — 300 кв. м). Интересно, что через тридцать пять лет после постройки своего дома Джонсон обратится к классике, став главным постмодернистом Америки, и позволит себе фронтон на здании АТТ в Нью-Йорке. Здесь же два этих края его эволюции связаны сразу и очень тугим узлом, демонстрируя не столько широту русской души, сколько ее изначальное двуединство.

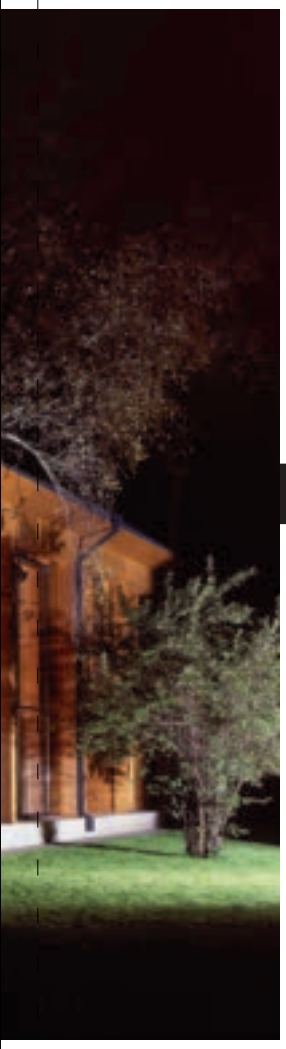


Фото: Кирилл Овчинников

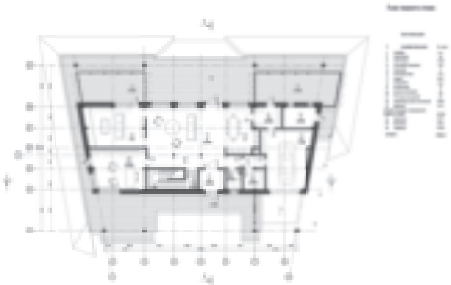
Дом «Ъ» (Ер)

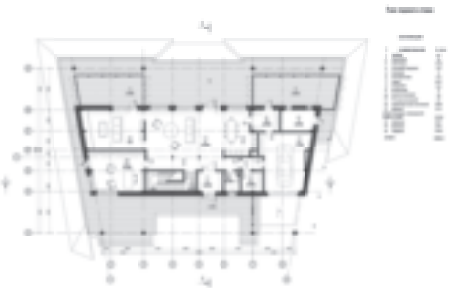
«Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева»
Архитекторы:
Тотан Кузембаев,
Сергей Колчин

Московская область,
курорт Пирогово

Шорт-лист

В 2001 году Кузембаев построил в Пирогово лодочный сарай, обшив его горбылем. Эффект рваной структуры, похожий на облицовку известняком, так понравился заказчику, что сооружение было тут же перепрофилировано и стало яхт-офисом. Это было локальное озарение, но оно оказалось глобальной метафорой. В нулевые годы русская буржуазия мучительно искала новый образ. Уже нельзя было ходить в малиновых пиджаках, ездить на «шестисотых» и в Куршевель. Нет, конечно, скрывать богатство никто не собирался (это бороду можно сбрить, а умище куда девать?), но модными стали парижская небритость и лондонская небрежность. Которым мучительно искали национальный инвариант, пока хитроумный Марат Гельман не сформулировал его так: «Русское бедное» (2008). И тогда ты уже не спонтанно превращаешь сарай в офис, а осознанно строишь свой дворец немного как сарай — именно с таким запросом и пришел к Кузембаеву новый заказчик. Причем апеллировал он именно к тому самому лодочному сараю. В результате ордерный строй главного фасада отсылает к классицизму русской усадьбы (ризалиты как флигели), но обшит фасад при этом горбылем. То есть это как бы такое рубище (квадраты горбыля выглядят как заплаты, да еще закреплены то горизонтально, то вертикально), но рубище от Ямамото. Хотя на самом деле никакое это не «ямамото», а Кузембаев как он есть, развивающий свою фирменную тему «Когда б вы знали из какого сора». Которая была начата еще в 1980-е годы коллажами из окурков, обрезков, камушков, ракушек, пробок, досочек, вставленных в геометрические структуры а-ля Мондриан. Разверстывая эту тему в архитектуру, Кузембаев идет дальше, делая уже и колонны из кусков небрежно отесанного кругляка, которые при этом не касаются земли, но сверху придавлены мощнейшей крышей (которая необходима не только каждому русскому дому, но и каждому русскому бизнесмену). И неудивительно, что, вынужденный продать этот дом, хозяин построил в километре от него его точную реплику.





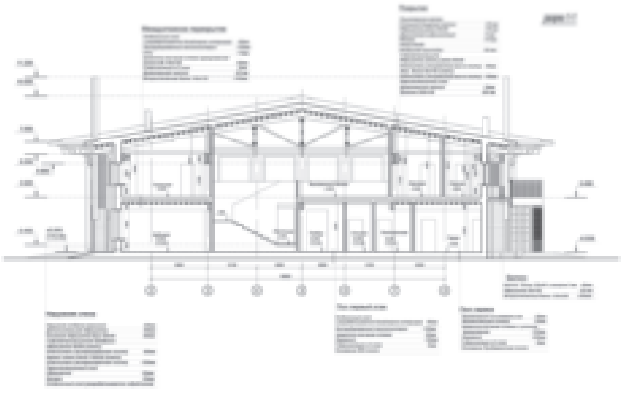


Фото: Илья Иванов

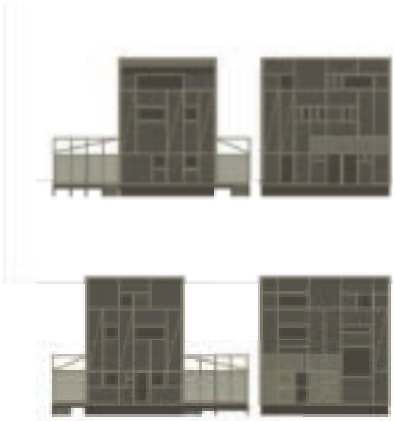
House 133

Архитектор:
Петр Костелов

Тверская область,
Алексино

Победитель по версии жюри

Художественное решение основано на сочетании простой формы дома с ясным функциональным планом — и фасада, набранного из различных по форме и цвету деревянных заплаток. Использованы практически все популярные способы отделки. Традиционные: доска внахлест, доска внахлыст или просто доска. Современные: вагонка, имитация бруса, блокхаус. Экзотические: отделка круглыми черенками от лопат и брусками разного сечения... Кроме этого, части отделки окрашены в различные оттенки коричневого цвета и закреплены под разными углами — так, что даже одинаковые фрагменты по-разному отражают солнечный свет. Прообраз решения взят с фасадов частных домов советского периода. По известным причинам индивидуальное строительство было тогда не развито. А те, кто все-таки ухитрялся построить дом (точнее — дачу), использовали для этого самые разные материалы, практически все, что можно было тогда найти. В результате дом состоял из фрагментов, лоскутков и заплат, отражающих возможности его владельца в конкретный период времени строительства. Сейчас другое время, но многие дома по-прежнему состоят из подобных кусочков, часть которых реально осталась от прошлого, получив новые слои отделки, а иногда даже формы в виде пристроек, мансард, террас и навесов.



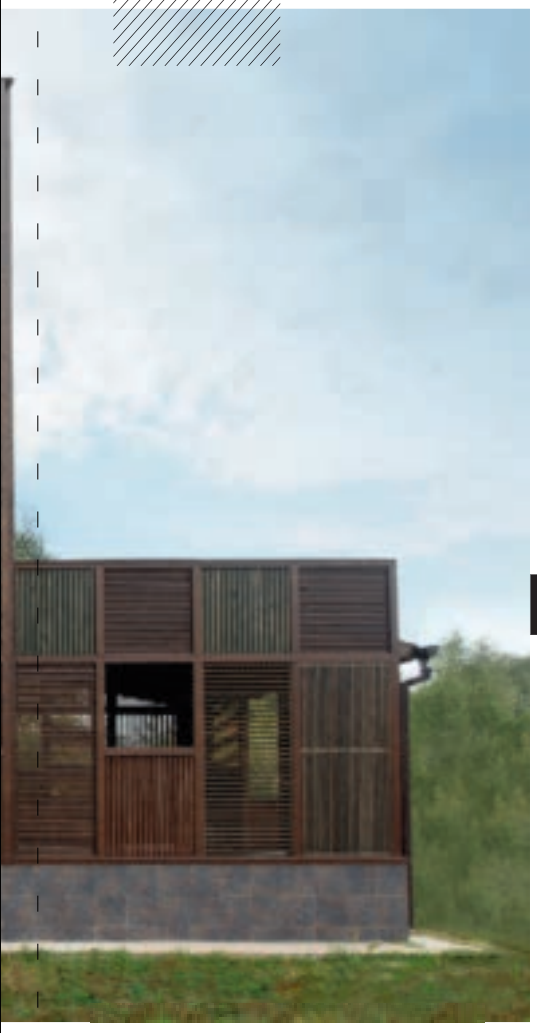
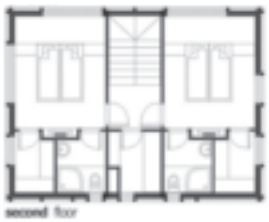


Фото: Алексей Князев

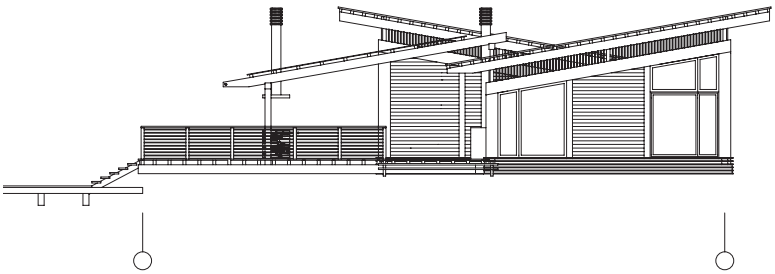


Гостевой дом «Скандинавия-150»

«Архитектурное бюро Романа Леонидова»
Архитектор:
Роман Леонидов, Ольга Буденная

Московская область, Черкизово

Шорт-лист



В поисках ответа на вопрос, как сделать деревянный дом современным, Роман Леонидов пришел (как он уверяет, случайно — разглядывая остов особняка позапрошлого века) к сочетанию каркасных и срубных технологий. Не то чтоб он был в этом первым, но ему действительно удалось найти хорошую пропорцию для этого союза, а главное — поставить ее на поток. При этом образ, легший в основу проекта «Скандинавия» (а затем — и целой линейки домов), был продиктован не столько задачей «поженить» эти технологии, сколько образом и функцией. Гостевой дом на берегу пруда — естественно, он должен быть легким и прозрачным. В результате все эти вводные дали отличный результат: каркас позволяет делать громадные окна (через которые так хорошо глядеть на воду и природу), а заполнение оставшихся пространств каркаса клееным брусом придает дому необходимую «деревянность» — приятную как внутри (человеку), так и снаружи — пейзажу. При этом громадные крыши оторваны от тела дома (принцип «холодного чердака»), и кажется, что они отрывают его от земли и влекут за собою в полет. Они, к тому же, направлены в разные стороны (у дома два объема, соединенных тамбуром), что придает ему динамичный образ. Под крышею — гигантская терраса (такая, что сам домик кажется приложением к ней), которая появляется из-под навеса и логично превращается в деревянный пляж. Проект оказался настолько удачным и востребованным, что Леонидов создал под него отдельную фирму (NEWOOD), продолжает все дальше и дальше выдвигать кровлю, варьирует размеры остекления, выносит каркас наружу, делая его основанием для балкона, и вообще «убежден, что уже через пару десятилетий восемьдесят процентов строящегося в России жилья будет фахверковым».

Фото: Алексей Князев

Загородный дом

«РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA),
Архитектурное бюро
Архитектор:
Светлана Беднякова

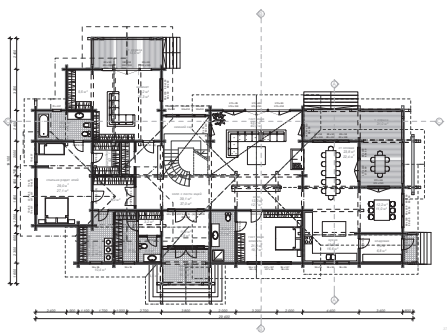
Московская область,
поселок Московское Море

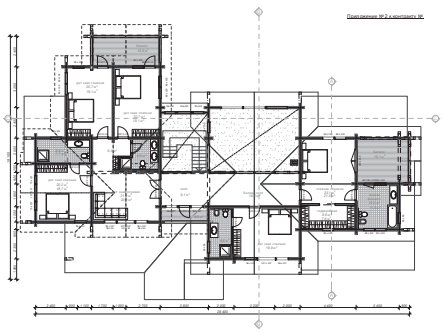
Шорт-лист

«Близость воды и увлечение заказчика яхтенным спортом подсказали образ комфортабельного корабля для семейного отдыха на воде, — говорит автор. — Реалистичности этой метафоре добавляет вид на воду, который открывается со второго этажа». Архитектурное же решение, сочетающее черты традиции и современности, испытало на себе влияние американского кантри: «При проектировании этого объекта, — продолжает автор, — источником вдохновения для меня стал знаменитый Gamble House, возведенный в 1908 году в Пасадене (США) и явившийся своего рода экспериментом в использовании разнообразных пород дерева в строительстве и отделке». Светлые фасады лишены декора, большие панорамные окна имеют строго прямоугольную форму. Террасы и балконы с простым ограждением из тонкого бруса усиливают ощущение легкости. Обилием света отмечены и интерьеры. На первом этаже находятся комната и кабинет хозяина, кухня и столовая. Центральное место отведено двусветной гостиной, куда плавно перетекает холл.

Столовая имеет две зоны (повседневную и праздничную), из обеих есть выход на террасу. Рядом — небольшая кухня. На втором этаже расположены спальня (к которой примыкают ванная, гардеробная и балкон) и четыре детские комнаты. Все помещения второго этажа объединяет галерея.

Фото: Юрий Пальмин



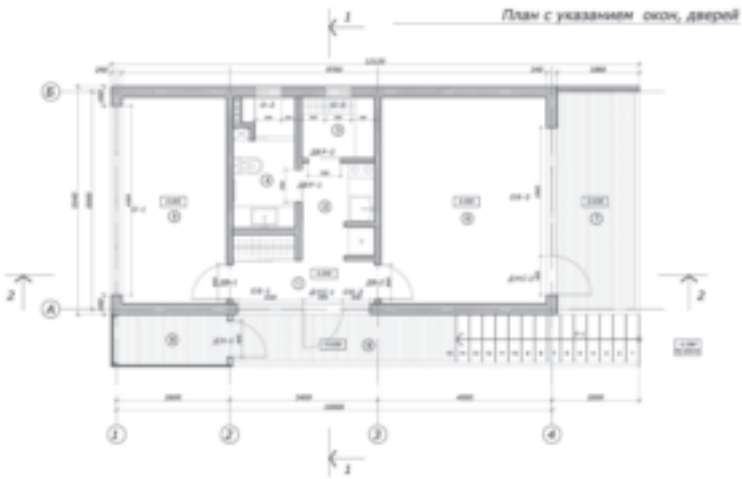


«Дом-скворечник»

«Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева»
Архитекторы:
Тотан Кузембаев,
Данир Сафиуллин

Московская область,
курорт Пирогово

Шорт-лист



Скворечники продолжают тему, начатую Кузембаевым в 2003 году — красными гостевыми домиками на территории все того же Пирогово. Это такие же мини-отели на ножках с террасой: только те стояли непосредственно на берегу (работая как своего рода маячки, откуда их яркость), а эти — на краю леса. Поэтому их цветовое решение иное: к лесу — темным задом, к полянке — светлым передом (своего рода грибы). В «красных» главным содержанием был вид на водохранилище, а круглая терраса сильно выступала вперед, начиная казаться чуть не трибуной. Вкупе же с красным цветом все это вместе имело образ почти революционный, соответствующий духу времени, еще несшему в себе сильный запал модернизации. Семь лет спустя дух этот выветрился, поэтому «скворечники» гораздо камернее, интимнее, уютнее. Дом уже не рвется наружу, подставляясь всем ветрам, а, наоборот, всячески укрывает тебя, поэтому главным в нем становится крыша. Она слегка преувеличена и вздернута, но уже не так агрессивна. Взлетающей крыше отвечает падающая лестница, — и весь дом словно бы раскрывается навстречу гостю (чтобы, приняв его, захлопнуться). Особую интимность домику сообщает то, что два фасада сплошь зашиты доской — как будто бы интерьер вывернут наружу (логично, что он и окажется таким же светлым, хотя и фанерным). План ясен как дважды два: спереди — гостиная с балконом и большим окном, сзади — спальня с окном узким, посередине — кухня. Отличное качество работ делает объект уже не революционным прорывом, а стильным дизайнерским продуктом — недаром они и произведены как серийный товар (три месяца изготовления на заводе + неделя монтажа на месте). Дома подняты на ножки (чем минимизирован наносимый земле ущерб), сзади имеют панорамные окна — то есть, конечно, это внуки XX века, но уже не бурного конструктивизма, а мирного буржуазного модернизма

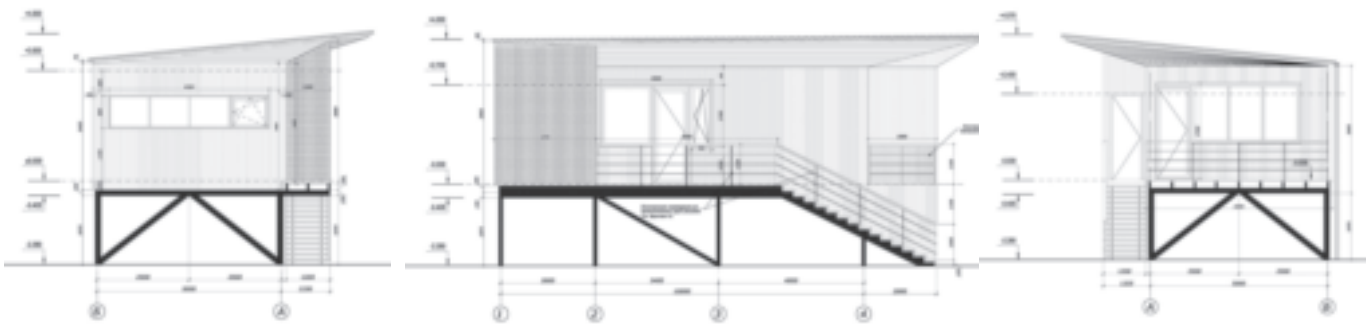


Фото: Илья Иванов

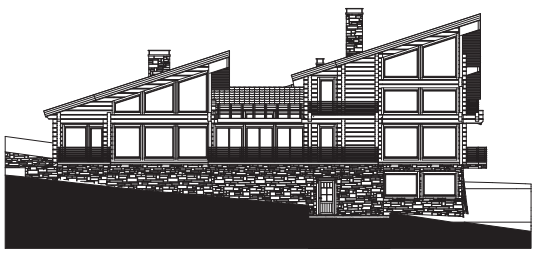
Дом на берегу реки Ангара

«РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA),
Архитектурное бюро
Архитектор:
Алексей Сколдинов

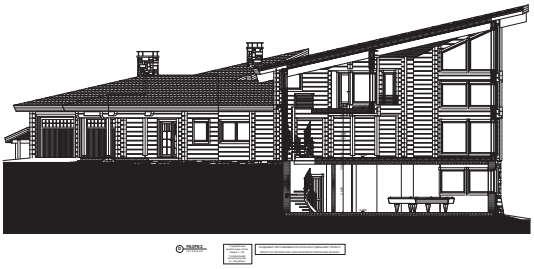
Поселок Большая Речка,
Иркутский район
Иркутской области

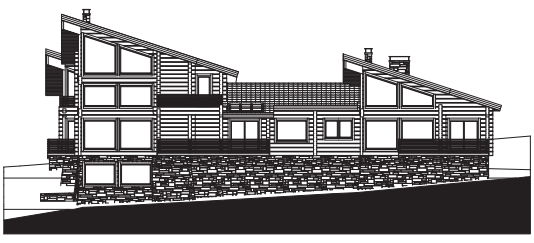
Лонг-лист

Частный индивидуальный дом расположен на участке, на самом берегу реки Ангары. Рельеф участка плавно понижается на юг, к берегу реки. Панорама реки и направление на юг продиктовало необходимость раскрытия всех значимых помещений на южную часть участка. Дом фактически одноэтажен, т. к. на втором уровне находится только кабинет хозяина и видовые балконы на Ангару. В цокольном этаже, за счет перепада рельефа, образовалась солнечная бильярдная. На первом этаже гостиная является центром композиции, оттуда можно наблюдать всю панораму реки. Правое крыло со спальнями ориентировано на восходящее солнце, столовая с террасой и комната отдыха после сауны — на западное вечернее солнце. Архитектура дома представляет собой попытку зафиксировать то захватывающее дух ощущение, какое мы испытываем, стоя на краю высокого обрыва с открывающейся вдаль панорамой.

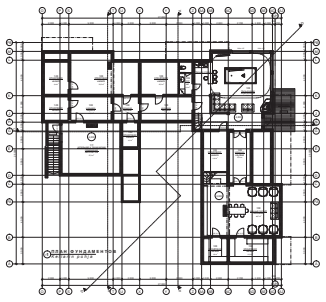


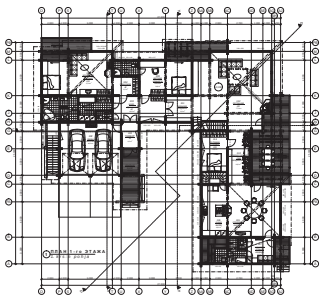
② ФАСАД

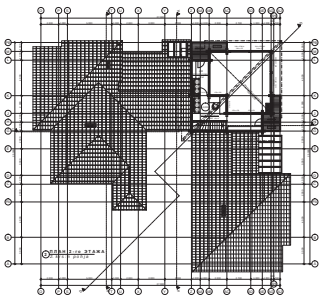




③ ФАСАД







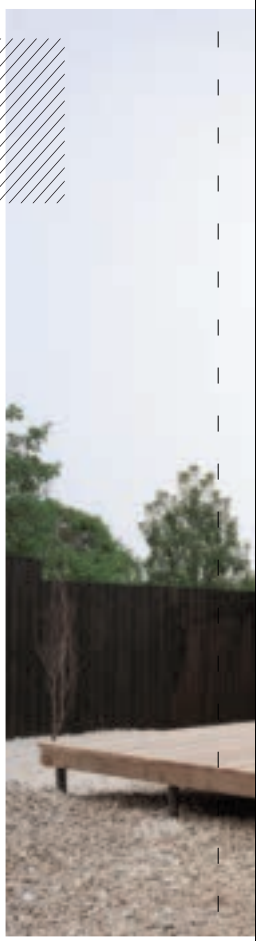
VolgaDacha

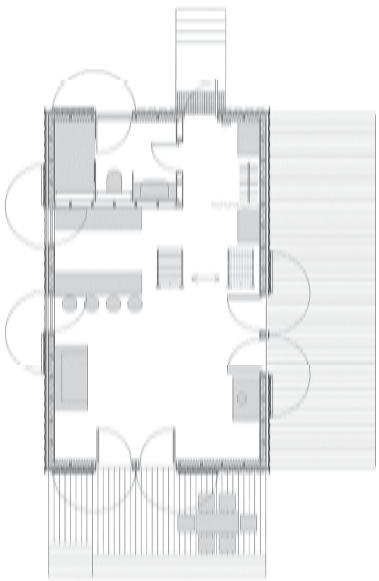
Бюро Bernaskoni
Архитекторы:
Борис Бернаскони,
Олег Дьяченко, Павел Пришин

Тверская область

Победитель по версии жюри

Двускатная крыша дома — единственное привычное, что в нем есть. Все остальное с традицией решительно рвет. Даже объем — не вполне традиционный, даром что в пропорциях золотого сечения. Но еще более оригинален цвет: черный, раньше в деревянной архитектуре не звучавший. Правда, то, что сегодня выглядит стильным дизайнерским жестом, в оригинале таковым не было: сначала дом хотели вообще не красить, чтобы он посерел сам собою. Затем решили все же в серый выкрасить, но цвет получался неровный... Так дом стал черным — уже не как сарай, который был изначальным прообразом, а как чуть погоревшая норвежская фактория. Крыша черная, как и стены, отсюда — впечатление гомогенности объема (на которое работает и отсутствие у кровли свесов, и вообще полное слияние дома и крыши). Что подчеркнуто еще и сплошной обшивкой доской. При этом досками русские дома обшивались, как правило, горизонтально — а тут снова все наоборот. Но благодаря этому приему сливаются со стенами и ставни, которыми в отсутствие хозяев закрываются стеклянные раздвижные двери. Они также отвечают за освещение: окон в доме куда меньше, чем дверей. Благодаря этому дом кажется не просто легкопроходимым, но проскальзываемым, что весьма мудро в ракурсе забот о старости. А через стеклянную дверь в ванной комнате можно выйти на палубу с эксгибиционистским душем на открытом воздухе. Душ расположен на одной из широченных террас из сибирской лиственницы, которыми, как палубами, опоясан весь дом. Террасы не ограждены (еще одна необычность), отчего кажутся бесконечными — особенно в контрасте со скромной площадью дома: всего 90 кв. м. Но это тоже было частью техзадания: чтобы было пусто. Чтоб не было вещей, которыми обычно захламляются дачи. Но этот интерьер рука и не поднимется захламить — такой он белый. И это лишь на первый взгляд нерационально, а на самом деле здесь все программно рационально и просчитано, включая кухонный остров, который хозяйка дома спроектировала лично, предварительно вымерив все бутылки и бокалы.





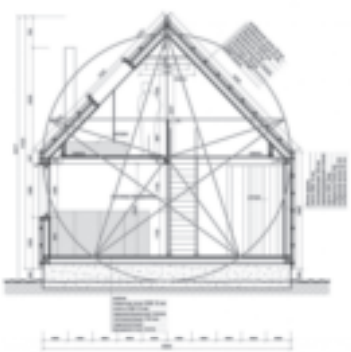


Фото: Владислав Ефимов

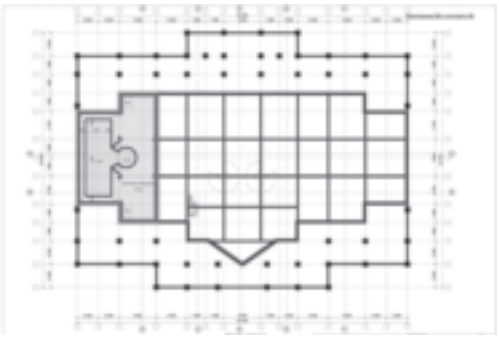
Жилой дом под Новокузнецком

«РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA),
Архитектурное бюро
Архитектор:
Владимир Шорохов

Кемеровская область,
Новокузнецк

Шорт-лист

Идея проекта — загородная резиденция, «родовое гнездо» со своей историей и характером. Дом расположен в предгорьях, на берегу реки. Фасадом обращен в сторону горной долины — отсюда панорамное остекление. Дом имеет обходную галерею, что позволяет не спускаться вниз и любоваться пейзажем. Перед домом разбит регулярный парк с фонтаном. Первый этаж отдан под зону отдыха для всей семьи. Большая гостиная со столовой, бильярдная, сауна с бассейном, тренажерный зал, а также зона спа с бассейном (чаша — 7×2,5 м). На втором этаже расположены пять хозяйских спален, каждая со своей ванной комнатой. Спальни спроектированы таким образом, что в каждой комнате есть два окна и отовсюду открывается красивый вид на горы. Первый этаж решен как двусветный: пространство раскрыто «под конек», видны стропильные конструкции — что дает больше воздуха, света и объема. Общая площадь дома — 925 кв. м.



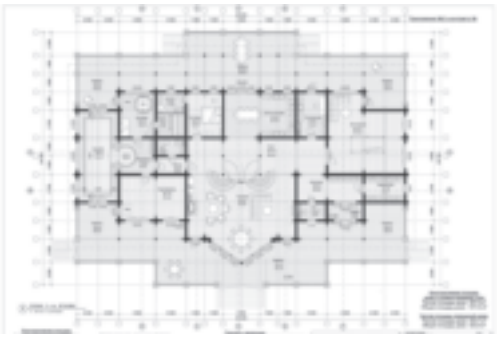


Фото: Андрей Кузин

«Зеркало Монгайт»

Бюро Bernaskoni
Архитектор:
Борис Бернаскони

Московская область

Шорт-лист

Как построить энергоэффективную дизайнерскую виллу за 800 долл./кв. м? Загородный дом «Зеркало Монгайт» решает эту задачу.

Оболочка парадного южного фасада меняется вместе с поколениями. Раз в восемь лет дом «сбрасывает кожу». Смена фасада становится знаковым событием, семейной традицией и информационным поводом. Первый фасад — зеркальные пиксели, отражающие среду и происходящие вокруг события.

Дом (полезная площадь 270 кв. м) осваивается семьей в два этапа в соответствии с увеличением потребностей в площадях: сначала нижний уровень (180 кв. м), затем два верхних независимых блока (90 кв. м). Это позволит сэкономить средства на первом этапе и не заниматься глобальной пристройкой в будущем.

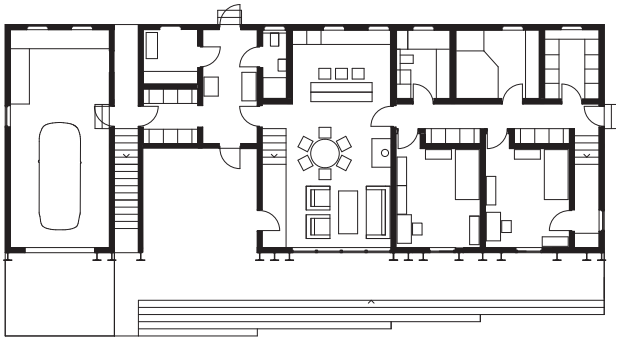
Независимые функциональные блоки объединяются в анфиладу помещений: хозблок, общественный блок, жилой блок. Над хозяйственным и жилым блоками расположены дополнительные независимые помещения. Общественный блок делится на кухню на севере и двусветную гостиную на юге.

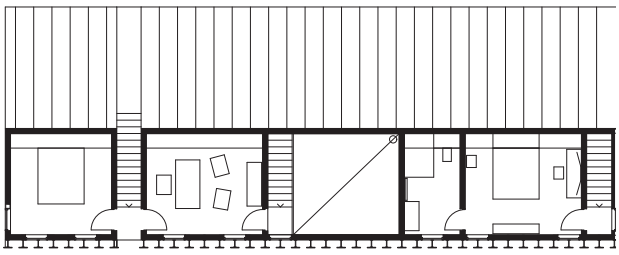
Несущая система дома: деревянный каркас. Также используются брус, осбплиты, зеркала, эковата в качестве утеплителя.

«Это здание продолжает серию вилл, спроектированную бюро Бернаскони. С одной стороны, оно подхватывает прием пиксельного отражения природы, использованный в проекте «Усадьбарокко», с другой — своим простым односкатным объемом напоминает дома, разработанные для поселка Озерна. Спокойная статика лапидарной формы оттеняет динамичную компоненту здания: пуантилистский фасад, набранный из прямоугольных зеркальных пластин, которые с помощью металлических кронштейнов отрываются от наружной стены. Идею отражения природы (мимезис), связанную в архитектуре классицизма с тягой к высшей и идеальной природе, которая скрыта за покровом яви, Бернаскони лишает рудиментов метафизики, трактуя ее буквально — вполне в духе нашего времени, которое одновременно и «расколдовывает природу», и поэтизирует едва ли не любой естественный ландшафт. В меру одомашненная и в меру «натуральная» природа служит оптимальным декором для идиллических семейных сцен; существование в таком пространстве воспринимается как роскошь. Об этом не дают забыть вкрапления золотистых пластин на пиксельном фасаде виллы Бернаскони, подмешивающих блеск «гиней» в отзеркаленный пейзаж»

Алексей Муратов

Фото: Владислав Ефимов



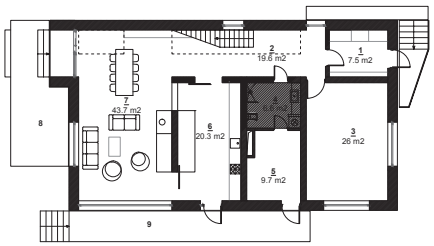


«Активный дом»

Полигон
Архитекторы:
Андрис Трушиньш, Александр Леонов, Светлана Васильева;
Конструкторы: Александр Ельчугин, Алексей Князев;
Руководители проекта:
Вера Леонова, Олег Панитков

Московская область, поселок Западная Долина

Победитель по версии жюри



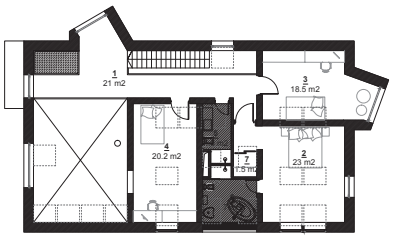


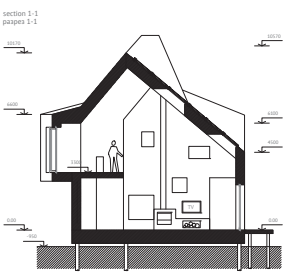
Фото: Александр Леонов. Torben Eskerod

Веками русская архитектура думала про фасады, иногда — про планировки, но инженерию всегда высокомерно оставляла инженерам. Максима Ле Корбюзье «Дом-машина для жилья» рассматривалась здесь лишь как метафора. Это же — первый по-настоящему высокотехнологичный дом, где вопрос эффективного использования энергии определил все, включая архитектуру. Логично, что и выглядит он совершенно не по-русски (скорее по-голландски, намекая на те края, откуда в Россию обычно приходит модернизация).

Дом площадью 235 кв. м, совместный проект компаний VELUX и RDI, рассматривался как полигон, на котором отрабатывались три главных принципа Active House: энергосбережение, здоровый микроклимат, минимальное воздействие на природу. Целью было обеспечить комфортную среду обитания с минимальными затратами энергии в условиях именно российского климата. Для этого были использованы: автоматическая солнцезащита и утепленные стены, гибридная система вентиляции с рекуперацией, системы фильтрации воздуха, датчики, контролирующие уровень CO_2 и влажности, солнечные батареи и водонагревательные коллекторы, а также геотермальный насос.

Энергоэффективность обеспечивали и архитектурные решения: асимметричные скаты, эркеры, улавливающие свет, большие окна, которые занимают даже треть крыши. Крыша таким образом (а также за счет отсутствия свесов) превращается в «пятый фасад» дома, а непривычную для России гомогенность стен и кровли подчеркивает обшивка термодеревом. Впрочем, ее разнообразят многочисленные выступающие элементы: эркеры, крыльцо, мезонин и труба (куда выведены вентиляция и камин, а также метеостанция).

В результате экспериментального восьмимесячного обживания дома ни один ребенок (из троих) не заболел.



«Шанти-дом»

Архитекторы:
Валерий Борзиков,
Иван Кибирев

Крым, Бахчисарайский район

Победитель по версии жюри

Объект, построенный в Бахчисарайском районе Крыма, имеет форму геодезического купола, изобретенного Ричардом Бакминстером Фуллером. «Шанти-дом» расположен в живописном ландшафте среди гор между долинами рек Бельбек и Кача. Соответствие дома природной среде — главный критерий проекта, сформулированный архитекторами.

Экологичность и эффективность достигается несколькими способами. Во-первых, экономией материалов. Из всех физических тел сфера имеет наименьшее соотношение между площадью поверхности и объемом, то есть, если говорить на языке строителей, наименьший коэффициент фасада; купол представляет собой каркас, который состоит из деревянных распорок, расположенных на «геодезических», то есть кратчайших линиях, соединяющих две точки на криволинейной поверхности. Такой тип купола позволяет использовать минимальное количество материалов.

Второй фактор экономии — эффективное энергосбережение. Благодаря устранению прямых углов, архитекторы избавляются от трети площади стен и, соответственно, на треть снижают теплопотери через ограждающие конструкции.

Фасадом, имеющим большую площадь остекления, дом ориентирован на север — чтобы защитить помещения от перегрева. Из окон гостиной открывается замечательный панорамный вид на горы.

С южной стороны участка планируется разместить гелиосистемы, которые совместно с дровяным котлом обеспечат дом теплом и горячей водой.

Не самые благоприятные геологические условия и рельеф предопределили создание мощного фундамента, который работает как подпорная стена. Благодаря этому в доме появилось техническое подполье с резервуаром и гидроузлом, поднимающим воду из скважины. На участке также расположен павильон 5×20 м, исполняющий одновременно функции солярия и беседки-бельведера, обеспечивающего широкий панорамный обзор.

Елена Гонсалес

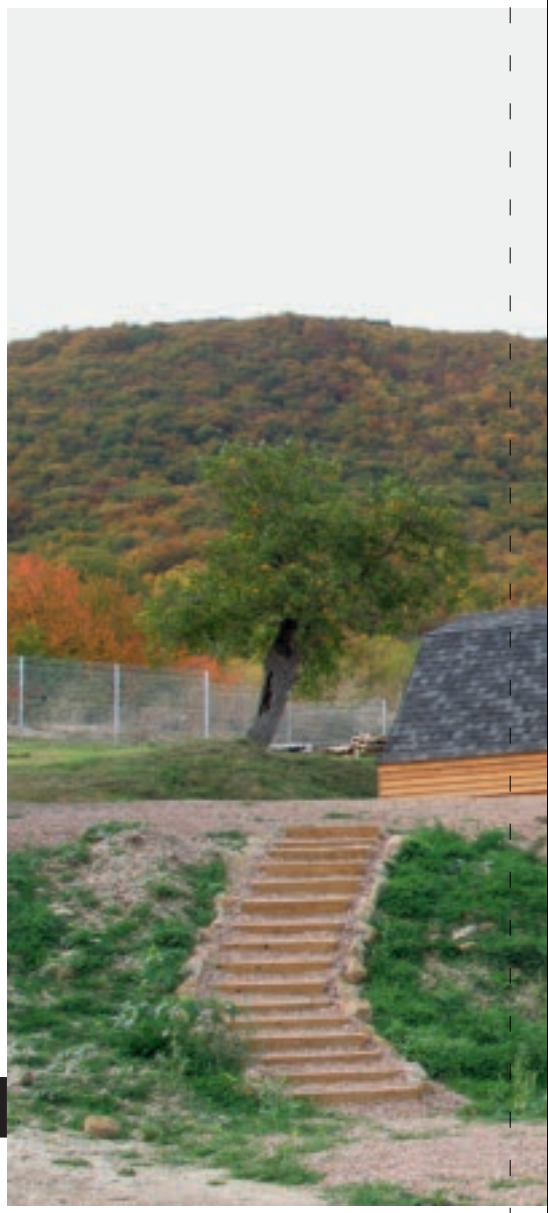
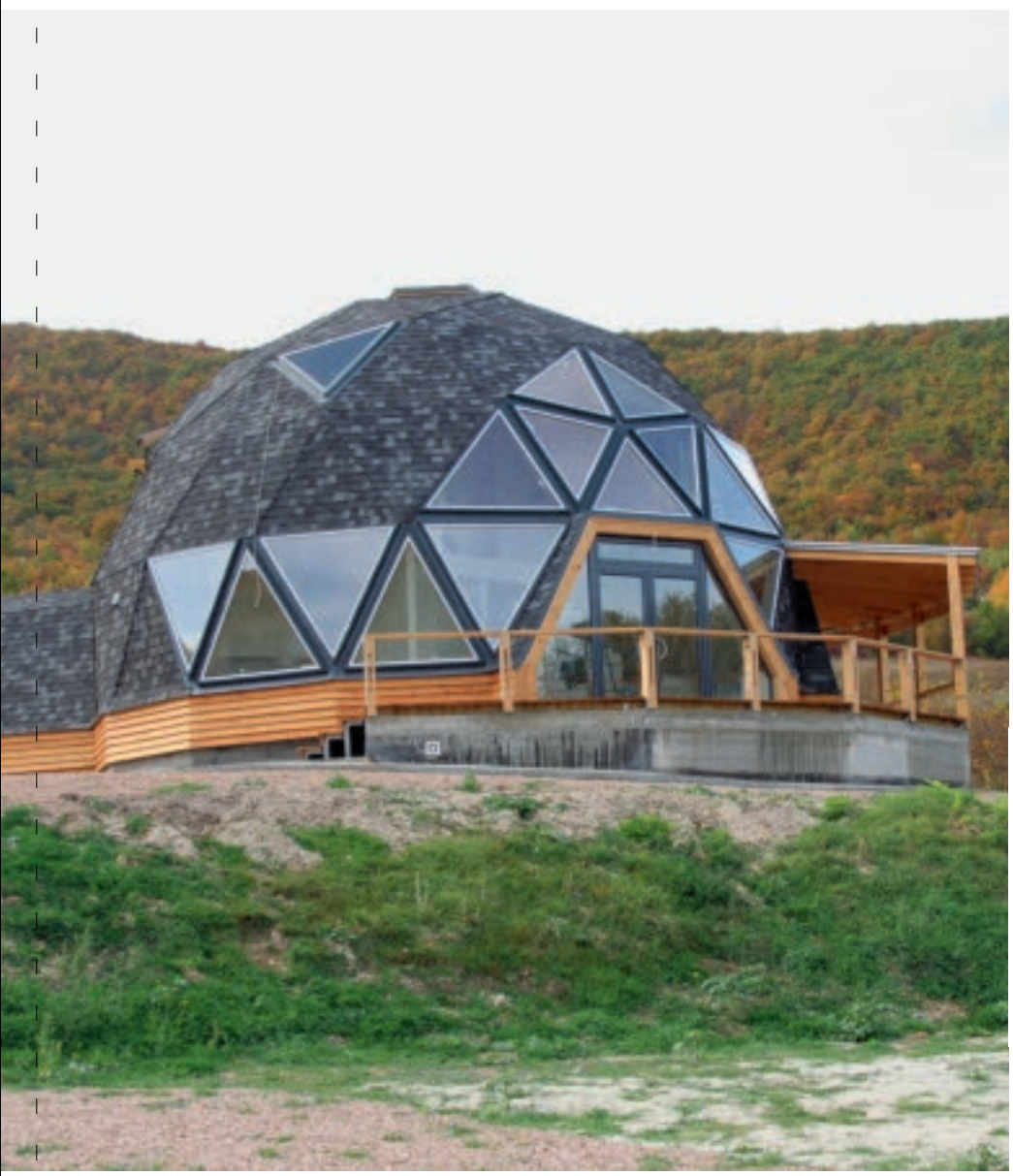
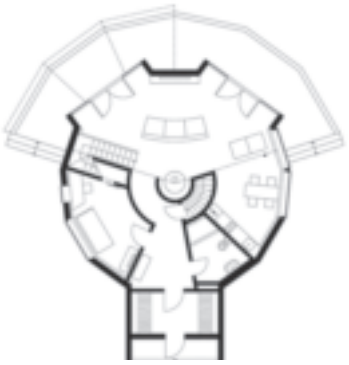
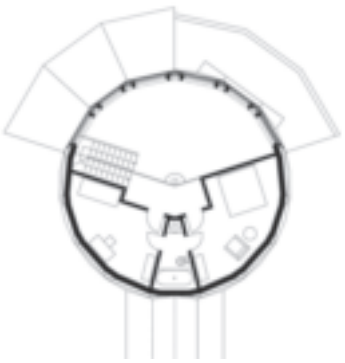


Фото: Олег Груз, Валерий Борзиков







Двухэтажный жилой дом в Клюшниково

«Архитектурное бюро 610»
Архитекторы:
Юрий Трошев, Мила Савран

Московская область,
Дмитровский район,
деревня Клюшниково

Шорт-лист

При всем своем тяготении к европейским образцам, русский деревянный дом начала XXI века неизбежно выглядел русским — то от кровли двускатной нельзя отказаться (снег все же), то от бревен (много вокруг), то от декоративных элементов (традиция). Если же деревянный дом и выглядел не по-русски гладко и стильно, то, скорее всего, имел внутри железобетонный каркас. Редкие случаи по-настоящему европейских домов (застройка Завидкина мыса в Пирогово) были обусловлены амбициями и возможностями заказчиков и, как правило, предназначались для очень временного пребывания.

Это — первая попытка сделать такой дом вне больших бюджетов и вне обязывающего (как в Пирогово) соседства. Не совсем, впрочем, так: дом находится в знаменитой деревне-коммуне, где живут одни архитекторы. Но и строят они здесь исключительно для себя. Иначе говоря, весь этот радикальный эксперимент поставлен на себе, что придает ему привкус героической честности. Впрочем, именно дружеское соседство оправдывает и риск (есть кому спасти, если заметет по шейку), и открытость этого дома, и его, в конечном счете, «нерусскость» (новый русский дачник предпочитает прятаться за высокими заборами и глухими стенами).

При скромных размерах (общая площадь 51 кв. м) у дома сразу две террасы, да еще разных типов. Это эксплуатируемая крыша (да, на абсолютно плоской кровле), это громадная палуба главной террасы (63 кв. м) и часть ее, спрятанная под крышу объема спальни. То есть главный кайф дачной жизни (одновременное нахождение на природе и при доме) воплощен тут на все сто. Кроме того, и спальня, и гостиная обращены наружу гигантскими витражами — так что и зимой дом не теряет природы из виду.

При всей простоте композиции (два прямоугольных объема, расположенных перпендикулярно), дом выглядит на редкость живописно, на что работают и отдельные элементы — как, например, узкая лестница на верхнюю террасу и маленькие окна на боковых фасадах, лишь подчеркивающие невероятную для России открытость этого дома.

Фото: Юрий Трошев, Олег Волков

Загородный дом Павла Лунгина

Архитектор:
Сергей Кругляк

Московская область

Победитель по версии народа

«Подъезжая к нам, гости звонят — открывай, мы у твоей дачи стоим!» — «Нет, мои дорогие, — говорю, — это вы у соседней стоите, а наша — вон тот сарайчик!» Сережа Кругляк придумал невероятную обманку: то ли шведский, то ли американский сарай, и входная дверь тоже сарайная», — рассказывает Елена Лунгина, хозяйка дома. Так и есть: войдя в калитку, видишь: в глубине узкого участка, зажатого елями, мрачнеет одноэтажное, явно подсобное помещение с подслеповатыми окошками. При ближайшем рассмотрении сарай оказывается лишь маскировкой главного фасада. За дверью, обшитой вагонкой, никак не ждешь стеклянной стены во всю высоту и светлого раздолья гостиной с эркером-карманом столовой. В боковое окно бьется хвоя, солнце играет на мощных стволах, тишина, не видно ни одной соседской крыши. Но главная прелесть дома — открытая веранда, которая нависает над оврагом, заросшим деревьями вперемешку с кустами. И только тут до тебя доходит, что дом трехэтажный, просто архитектура обыгрывает падающий рельеф...

«Возможность разместиться на первом этаже, избегая частого карабканья по лестнице, стала нашей с Павлом единственной просьбой». Архитектор учел пожелание Лунгиных: гостиная, кухня, спальня, ванная комната равномерно распластались по первому этажу. Под крышей разместились комнаты для гостей, кабинеты Павла и сына Ивана, художника. Нижний этаж приспособили для бани и технических служб. «Дом построили, но интерьером Сережа заняться уже не успел, пришлось пользоваться советами друзей. Скульптор Георгий Франгулян предложил нам обшить стены тонированным деревом. Причем тут же безошибочно назвал номер тона для покраски, дающей ощущение обжитости. Сын Ваня придумал оставить между грубыми досками промежутки, чтобы древесина «играла». Альбина Назимова посоветовала объединить экзотическое красное дерево с дубовым паркетом. Лестницу я намеренно сделала без балясин, со сквозными крестообразными парапетами. Такие же и на веранде, где мы уже привыкли лениво завтракать, глядя на дальний лес. Получился в целом непринужденный, расслабленный дом, где люди живут, не боясь оставить одежду на стуле или положить книгу не на место. Может, интерьер покажется незавершенным, но я и не тороплюсь его доделывать».

Евгения Гершкович

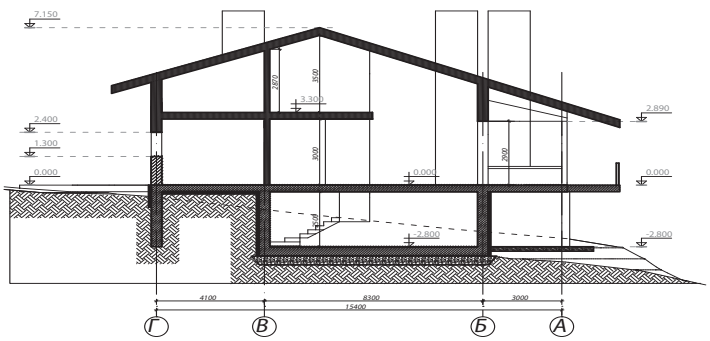
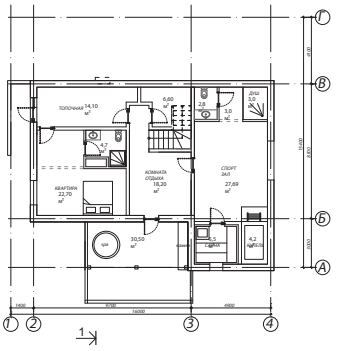
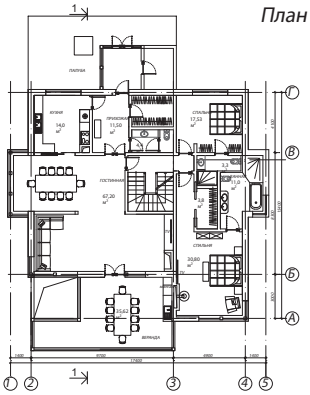


Фото: Григорий Ревзин, Евгения Гершкович

План цокольного этажа



План 1 этажа



«Стационарное шапито»

Архитектор:
Иван Дыркин

Новосибирск

Шорт-лист

Концепция дома родилась в результате исследования, посвященного вакуумным дирижаблям — это фантастические воздушные суда, незаслуженно забытые к середине XX века со смертью Циолковского. Особенностью их конструкции является жесткая оболочка, способная выдерживать огромное давление. Естественным образом исследование привело меня к личности Бакминстера Фуллера, который в конце жизни разрабатывал проект «Девятое небо» — парящий город, геодезическую сферу. Таким образом, данное архитектурное сооружение при всей его приземленности отсылает нас к фантастике начала XX века.

К сожалению, данная конструкция не взлетит никогда, но благодаря своей форме она обладает уникальными характеристиками по соотношению объема к площади оболочки и, как следствие, является энергоэффективной. Здание обладает удивительными акустическими характеристиками. При радиусе в четыре метра площадь пола — 50 кв. м, один уровень обеспечивает максимальную высоту потолка в четыре метра. Утеплитель «Урса скатная кровля» толщиной 20 см призван обеспечить достаточную теплоизоляцию. По сути это каркасный дом на основе коннекторов (соединительных узлов), мною разработанных специально для данной постройки.

Это однообъемное пространство планируется использовать как художественную студию, выставочно-театральную площадку и одновременно как жилое пространство. Как возможно такое совмещение, я и сам не знаю, но уже в процессе стройки стала очевидна подобная универсальность, потому что весь процесс строительства стал увлекательным перформансом, в котором принимали участие множество разных людей — путешествующих художников, артистов, музыкантов и оседлых друзей.

Фото: Иван Дыркин, Николай Малинин

Дача в поселке НИЛ

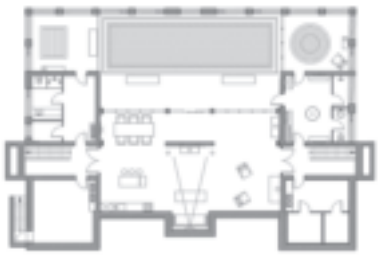
«Архитектурная мастерская Белоусова»
Архитекторы:
Николай Белоусов,
Михаил Мастеропуло

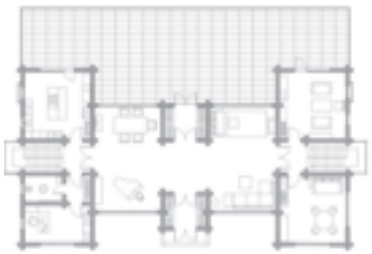
Московская область,
Истринский район, поселок НИЛ

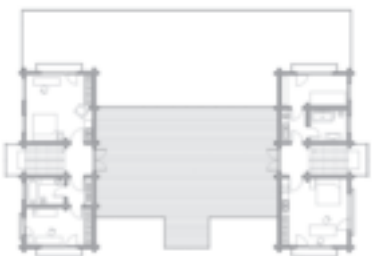
Шорт-лист

Развивая сруб то вширь, то вверх, деля его на части и снова соединяя, отрывая крышу и дематериализуя стены, Николай Белоусов обрел феерическую свободу в обращении с этим архетипом. Но дача в поселке НИЛ к срубу имеет только то отношение, что она сложена из бревна. Причем из очень крупного — кедрового лафета. И он здесь везде; внутри — такой же, как и снаружи, ничем не отделанный. Даже двери специально придуманы шпонированными, а не филенчатыми, как в традиционной избе. А уж снаружи дом и вовсе не похож ни на что из того, что знала русская деревянная архитектура. Общая композиция (две башни, фланкирующие срединный объем, мощные выносы их крыш) рождают смутные ассоциации с неоклассикой XIX века (пропилеи Лео фон Кленце). Но тот дух классической симметрии, что в Мюнхене держит всю Кёнигсплатц, здесь служит сугубо приватным нуждам: двубашенность определена наличием у дома двух равноправных пользователей — матери и ее взрослого сына. А вся монументальность, которой веет от этого дома, обращена и вовсе к оврагу с ручьем. Каменный цоколь, внутри которого бассейн, утоплен в склон — и только оттуда ты понимаешь, что дом не двух, а трехэтажный.

То есть его подлинный объем всячески дезавуирован. Но это не самоуничижение, а ровно та гармония внутреннего достоинства и внешней сдержанности, которой так не хватало русским частным домам (да и их хозяевам). Они непременно желали заявить о себе, ни в грош не ставя окружение. А этот дом, стоящий на сильном рельефе, с улицы почти незаметен — и среда старого дачного поселка (родного для Белоусова) не пострадала. Впрочем, это не означает, что хозяева заперлись от жизни в «башне из слоновой кости»: кровля над центральным объемом — эксплуатируемая, мир отсюда как на ладони. А монотонную цельность классики окончательно разрушают пристроенные по бокам стеклянные объемы лестницы — на них ориентирован фирменный белоусовский пассаж, проложенный на этот раз вдоль дома. «Коридоры кончаются стенкой», а пассажи выводят на свет.







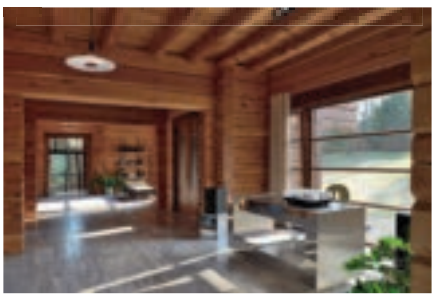


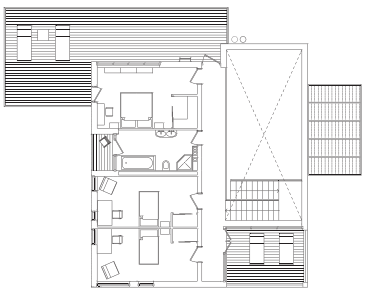
Фото: Ирина Кайдалина

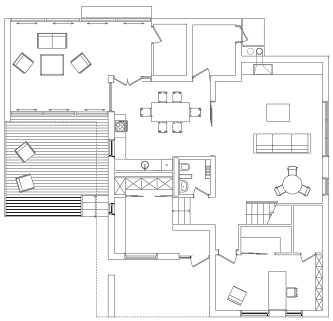
Жилой дом в Ярославской области

DK architects
Архитекторы:
Григорий Дайнов (руководитель), Александр Качалов, Сергей Фомин, Роман Шатров

Ярославская область, Некрасовский район

Победитель по версии жюри и народа





Дом бережно «встроен» в участок с великолепными соснами, которые и стали отправной точкой для применения дерева в качестве основного стройматериала. Доска из лиственницы использована и для фасадов, и для интерьеров, что придает дому материальную целостность и связность. В интерьерах красоту деревянных поверхностей выявляют стены, крашенные в белый цвет. Внутреннее пространство раскрыто в сторону лучших видов, а планировка учитывает размещение соседних домов и то, как дом освещается не слишком щедрым солнцем средней полосы России.

Основной вход в дом находится на уровне земли и заглублен относительно плоскости фасада: то есть не только архитектурно артикулирован, но и надежно защищен от непогоды. Галерея обеспечивает доступ в помещения второго этажа и замыкается с торцов выходами на плоские кровли-террасы. Одна из кровель — солярий, огражденный системой наружных жалюзи, дающих доступ солнечным лучам, но защищающих от посторонних взглядов. Вторая кровля — летняя терраса с нависающими ветвями яблони — отличное место для отдыха с книгой в руках. А любимым местом для вечерних чаепитий стала летняя веранда первого этажа с продолжающей ее террасой.

Дом невелик (общая площадь — 328 кв. м) и недорог, а его техническая исполнимость, гарантирующая качество в условиях ограниченных финансовых ресурсов, была одним из критериев при проектировании. Элементы каркаса (каркас — доска сечением 50×200 мм) соединяются друг с другом при помощи металлических оцинкованных соединителей. Наружные стены и внутренние перегородки — многослойные с утеплителем (OSB-плита, минвата Rockwool). Материал наружной отделки — доска лиственницы (22×135×2400 мм), покрытая бесцветным (тонирующим для веранды) маслом. Кровля — профилированный металлический лист, окна и двери — алюминиевые. Внутренние стены — ГВЛ, полы — доска лиственница, покрытая бесцветным лаком на водной основе, потолки — ГВЛ и доска лиственницы, покрытая бесцветным маслом. Дом не имеет подвала и стоит на монолитном ростверке мелкого заложения, что позволило существенно сократить строительные расходы.

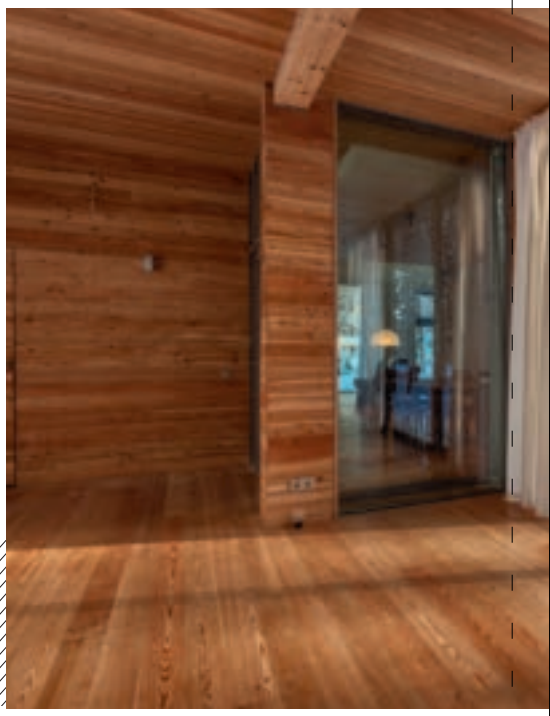


Фото: Антон Севастьянов

Дом в Лапино

Le Atelier
Архитекторы:
Сергей Колчин,
Анастасия Колчина, Александр Крылов, Андрей Адамович

Московская область,
деревня Лапино

Победитель по версии жюри

Совершенно «нездешний» дом, напоминающий скорее работы Алвара Аалто. Но, как и у Аалто, все необычности — не авторская жестикуляции, а ответ на вводные. Затесненность участка определила вытянутость дома вверх, поиск лучших видов — вразнобой разбросанные окна, разве что белый цвет можно считать жестом. Он любим Аалто, но в русской деревянной архитектуре почти не встречается, однако идеально соответствует простоте и элегантности этого дома.

Дорогая подмосковная земля, пятно застройки — всего 45 кв. м, со всех сторон — соседские заборы и старые липы плюс деревянный домом 1930-х годов, принадлежащий родителям заказчика. Невелик и бюджет: 65 000 евро на всё, включая отделку и мебель. Но, как это часто бывает, ограничения обусловили неожиданно эффектные решения.

Вынужденно развивающийся по вертикали (и не имея на то готовых решений) дом, тем не менее, внятно зонирован. Особенно увлекательно (как и полагается в доме с тремя детьми) выглядит двусветная детская часть. Это игровая зона в первом уровне, здесь же, на втором этаже дома, мини-спальни и множество мест для хранения вещей.

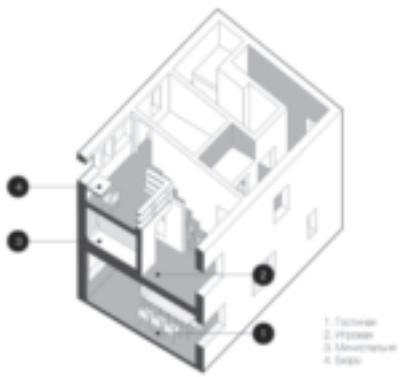
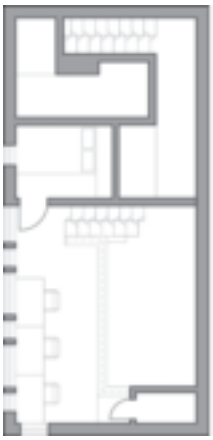
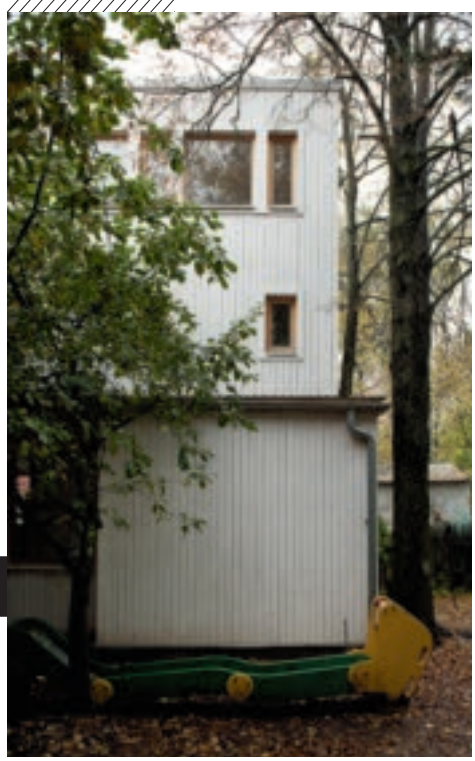


Фото: Людмила Толстова

А место для уроков — на самом верху, под скошенной крышей, у вытянувшихся лентой окон. Практически рабочая зона в офисе, безо всякого сюсюканья, то есть — на вырост, как дети и любят. Впрочем, они уже могут чувствовать себя полноправными соавторами проекта: именно они создавали орнамент на стене, отделяющей кухню от гостиной.

А кроме того, чтобы быть уверенными в удобстве лестницы на антресоль, авторы вначале сделали макет в натуральную величину — и только когда дети его утвердили, приступили к строительству. Для безопасности на ней были срезаны все острые углы, а срезы выкрашены в желтый цвет. Цветовое решение интерьеров вообще нестандартно: все стены белые, полы черные, а детские — зеленые (логично отвечая белым фасадам, на которых акцентировано лишь пятно входа). Нестандартна и мебель: почти вся она встроенная, сделана на заказ и служит достойным партнером архитектуры.





«ДубльДом»

BIO-architects
Архитектор:
Иван Овчинников

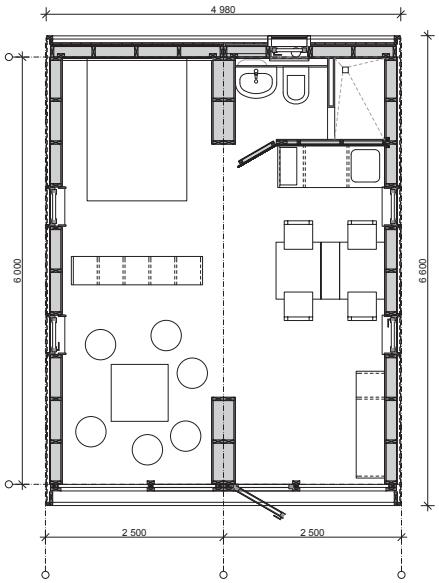
Победитель по версии народа

Многие века Россия «жила в типовом деревянном доме». Он, конечно, многообразно варьировался, но сохранял конструктивное (да и образное) решение. Советская власть пресекла это «избобезобразие», оставив только дачи. Зодчие продолжали думать над стандартизацией и типизацией («Стандартстрой» в 1920-е годы, Георгий Гольц в 1940-е), но к XXI веку Россия в этой сфере безнадежно отстала от Запада. Запрос же — на небольшой, недорогой и быстро собираемый дом — нарастал.

Первым ответом был FutteralHaus Максима Куренного (2013), а в 2014 году свой «ДубльДом» предъявил миру Иван Овчинников. Он давно и планомерно шел к нему (собрав за сутки «АрхПриют») и даже сформулировал его идеологию: «Я не могу позволить себе тратить время на удовлетворение потребностей каждого отдельного заказчика, поэтому создал систему модульных домов, где любой сможет выбрать нужную модель и размер. Загородная архитектура должна перестать быть набором бумаг, а стать готовым продуктом потребления, доступным и массовым».

«ДубльДом» — это серийный дом с заранее проведенными коммуникациями (электричество, водопровод, канализация). Изготовленный в заводских условиях (деревянный каркас с утеплителем), он перевозится на грузовике и за день устанавливается на любом участке, легко подключаясь к сетям. В комплектацию входит сантехника и мебель. Все дома — принципиально одноэтажные, отделка же варьируется. Заводское изготовление обеспечивает качество, а житель освобождается от хлопот по отделке и доделке, которые многократно увеличивают стоимость обычного щитового домика. «В моем доме все готово — купил и живи. Это как машина — сел и поехал».

Первый «ДубльДом» был действительно недорогим (800 000 руб.) и экстремально компактным: 25 кв. м. Но здесь было все, необходимое для жизни: прихожая, гостиная, кухня, спальня и санузел. Все издержки проекта автор честно проверял на себе, поселившись в нем в декабре 2013 года. В итоге к 2017 году число модификаций выросло до пятидесяти, размеры варьируются от 25 до 130 кв. м, а произведено уже почти двести домов!



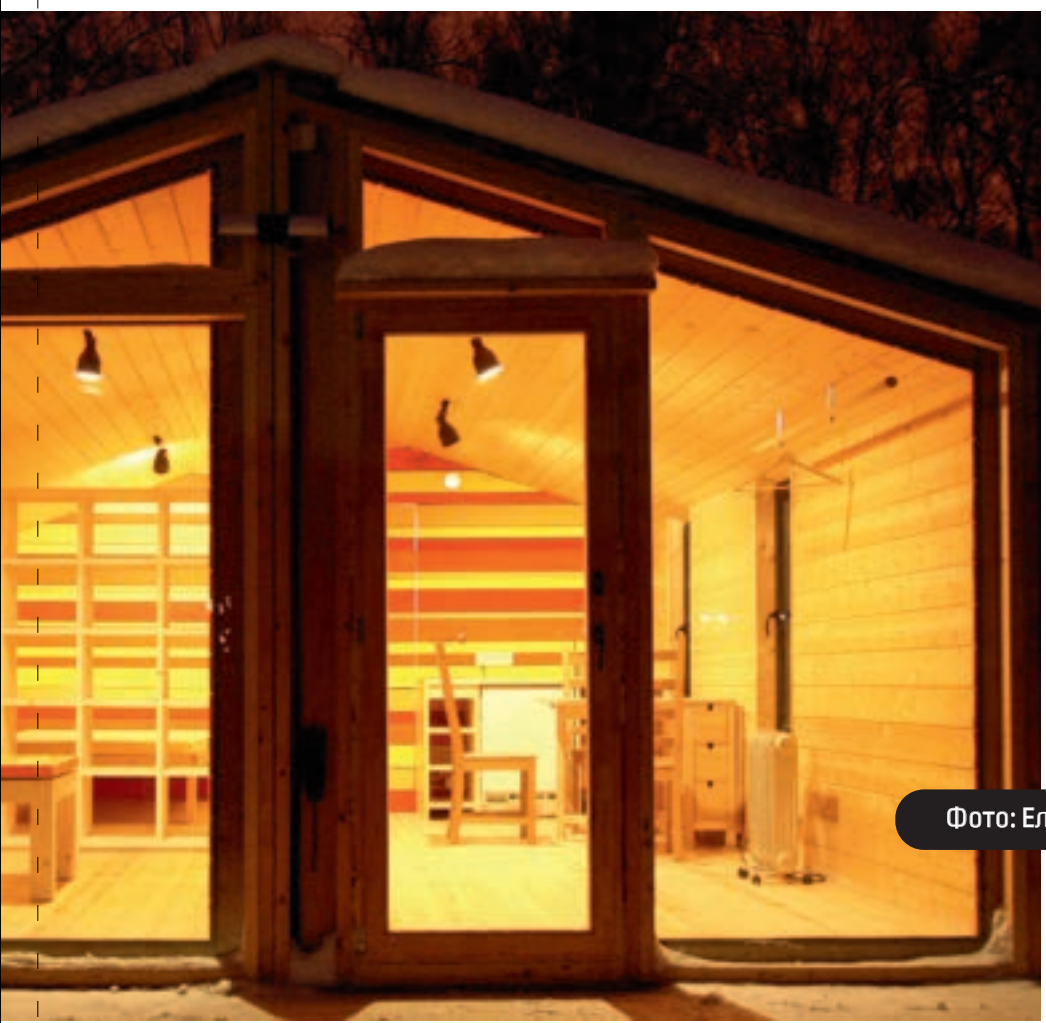


Фото: Елена Грусицкая, Иван Овчинников

Охотничье имение

«Архитектурная мастерская Белоусова»
Архитекторы:
Николай Белоусов,
Николай Соловьев

Рязанская область

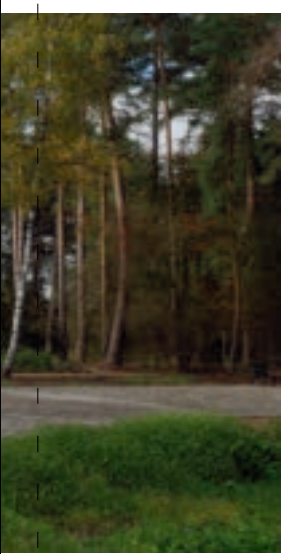
Шорт-лист

Фото: Алексей Народицкий

Как ни ратуют прогрессивные зодчие (а больше критики) за современную архитектуру, неизбывна в русском человеке тяга к барскому дому с колоннами. Все он знает, все понимает, ездит много, но как избыть ту травму, которую нанес ему 1917-й год? «Ведь могло бы быть мое, ё-моё!» — думает. И строит. Сложно сказать, сколько таких шедевров носит земля, — ведь о большинстве мы не знаем и вряд ли узнаем (до следующего семнадцатого года). Деревянных среди них не так много — хотя и их тоже строят, и строят такие профессионалы, как Михаил Тумаркин или Борис Уборевич-Боровский. А Олег Карлсон даже создал проект типового деревянного дворца и построил таковой в подмосковном Захарово...

Но Николай Белоусов пошел другим путем, можно даже сказать — обратным (хотя сначала долго сомневался, но потом решил все же «тряхнуть стариной»). Не используя арсенал современных средств, не применяя новейшие материалы, не разгоняя ордер на четыре этажа — он создал не просто аутентичный барский дом, а намеренно подчеркнул все трогательные особенности, характерные для провинциального классицизма. Которые, собственно, и придают его скромным шедеврам удивительное обаяние. И колонны тут аппетитно приземисты, и пилястры грубовато квадратны, и наличники простодушны... Но качество работ — ничуть не хуже, чем в восстановленном Михайловском.

Дом очень простой, одноэтажный, фасад его членят пилястры, точно отвечая разбивке помещений. Главное (да и единственное) украшение дома — парадный портик, которому на заднем фасаде отвечает такой же, но уже с пейзажем, сбегающим к реке. Над портиком — терраса, потому что где же еще барину чай пить. Рисунок люкарн рифмуется с полуциркульным окном фронтона, которое точно указывает адрес прототипа — ампир. Планировка столь же проста: на длинный коридор нанизаны комнаты, все квадратные в плане (не померкший за двести лет идеал комфортабельности), а поперек его пролегает анфилада, где и располагается галерея трофеев хозяина-охотника.

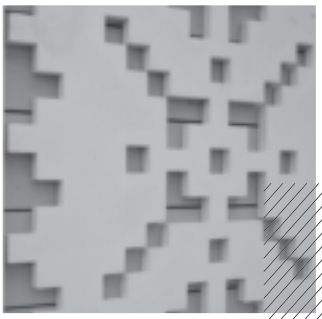


Deco Pattern House

Архитектор:
Петр Костелов

Тверская область,
Конаковский район

Шорт-лист



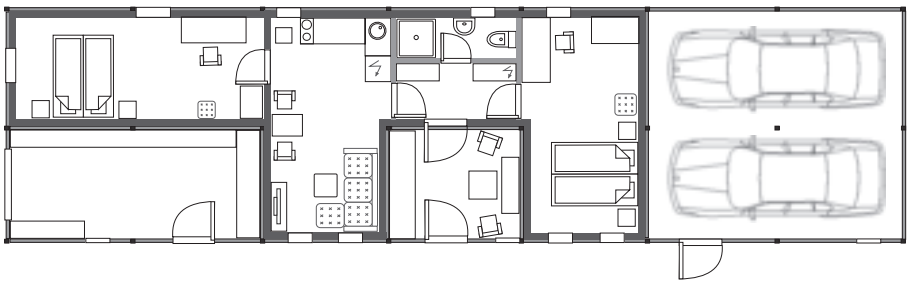
Принято считать, что, обращаясь к «русскому стилю», архитектор неизбежно впадает в дурновкусие. Это мнение прочно живет с тех времен, когда советская идеология боролась с «великодержавным шовинизмом». Было даже придумано разделение на «плохой» и «хороший» «русские стили». Первый — это декоративизм Гартмана и Ропета, спущенный сверху, насквозь фальшивый и приторный, а второй, «неорусский» — это уже шедший «от души», обращавшийся не к отделке, а к объемам; Васнецов и Шехтель.

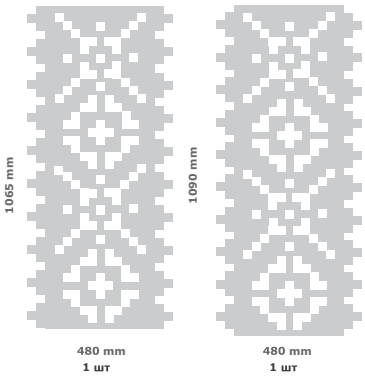
Конечно, любому мало-мальскому эстету кажется, что оба они хуже. Но чем больше историческая дистанция и чем меньше остается подлинных образцов «русского стиля», тем больше к ним оттаивает сердце. А сегодня, когда слова «национальное», «традиционное», «русское» произносить стало опять сложно, еще любопытнее видеть произведения, где есть современное прочтение темы.

Прием, на котором сделан дом Костелова, вызывающе, декларативно прост. Понятен без перевода, хоть сейчас на выставку. Но есть несколько важных моментов. Во-первых, он сопрягает резной декор с абсолютно модернистским параллелепипедом. То есть соединяет несоединимое, никогда раньше не дружившее (ведь если резьба где и возникала, то на чем-то близком по духу). Во-вторых, наличники эти — словно пропущенные через компьютер; как будто рушники превратились в пиксели.

Костелов абсолютно не смущается их декоративности. Наоборот, всячески ее подчеркивает и педалирует, утрируя, например, размеры ставней. И, как и мастера «неорусского стиля», обратившиеся к допетровской архитектуре, апеллирует к самой архаичной версии наличников — когда они состояли только из верхнего фриза и подоконной доски. То есть, вспоминает то время, когда резьба была не просто украшательством, а имела сакральный смысл — оберега. Логично, что и окна дома узкие — как в те времена, когда волоковые окна делали в двух соседних бревнах на половину каждого. Соответственно, они были горизонтальными, здесь же все наоборот, но горизонталь возвращается самим объемом дома.

План с расстановкой мебели





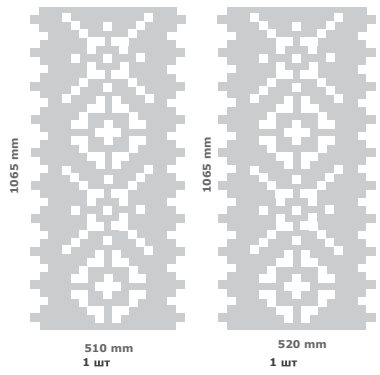


Фото: Зинон Разутдинов

Загородный дом в Химках

Архитектор:
Денис Таран

Московская область,
Химки, станция Водник

Победитель по версии народа

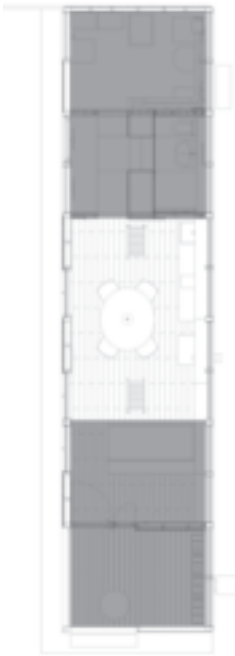
Остроугольная кровля, миниатюрный размер, открытость в природу, отсутствие украшений — собственный дом молодого архитектора демонстрирует, как из ограничений (а больше даже из самоограничений) вырастает образ, из этики — эстетика.

Дом маленький (71 кв. м), но в нем всё есть: кухня-гостиная, кабинет-мастерская, санузел и гардеробная, кладовка и бойлерная, спальня (романтично расположившаяся под двускатной кровлей) и даже терраса — которая не пристроена к основному объему, а, наоборот, изящно вырезана из него. Все необходимое и никаких понтов. При этом размеры дома определила кратность стройматериалов, что позволило обойтись без обрезков.

Определял их и размер участка, по границе которого дом аккуратно встал (забор при этом перетек в стену дома, как бы принимая нового соседа). Прижался же дом к забору, чтобы сохранить деревья на участке, включая старые сосны. То есть не стал выпячиваться, оставляя природу главной (дальше застройка будет также по периметру). На сад распахнуты большие окна дома и стеклянная дверь (мудро защищенные при этом сдвижными металлическими ставнями).

Продуманные узлы и качество строительства позволили обойтись без каких бы то ни было декораций в интерьере и экстерьере и оставить все стыки поверхностей открытыми. Внутри все тоже высокотехнологично: система внутрипольного отопления, вентиляция с рекуперацией, светодиодное освещение (класс энергоэффективности «В»). Сердце дома — дровяная печь с духовкой и теплообменником, избыток тепла от нее запасается в теплоаккумуляторе. Потолок из необработанной красками лиственницы регулирует влажность, остальные поверхности пропитаны бесцветным составом на основе льняного масла и пчелиного воска.

В доме много других приятных мелочей: подсветка шкафов, подогрев зеркала в ванной, возможность управлять светом с пульта. А все вместе рождает весьма нетривиальный образ — скорее голландского дома, чем русского (что вполне логично, если и рождается он из этики скорее протестантской).



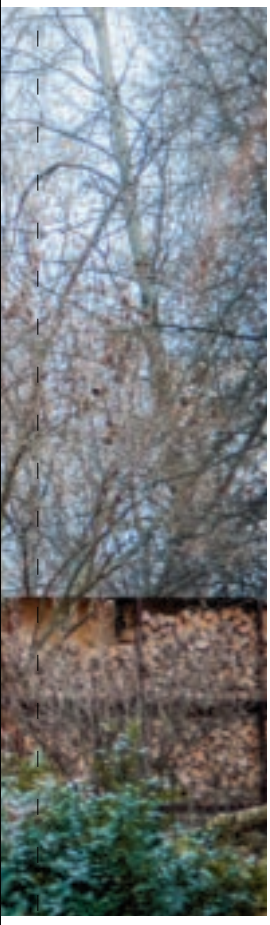


Фото: Анна Залетова

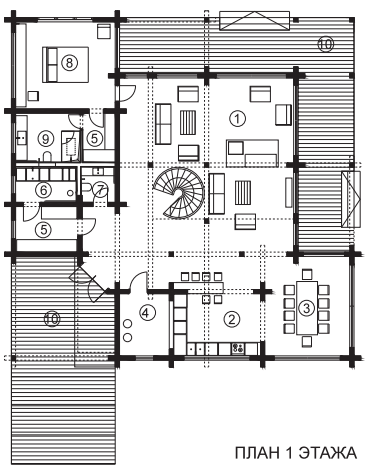
Antonhouse

Архитекторы:
Архитектурно-производственная лаборатория ARCHPOLE

Москва, поселок Президент

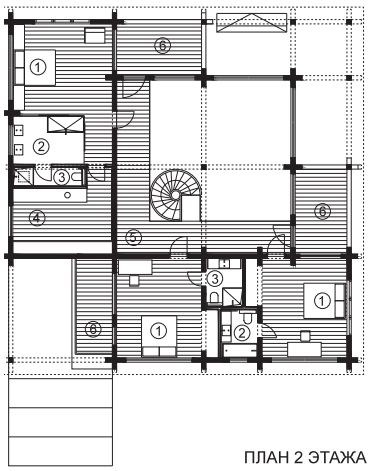
Шорт-лист

Прежде чем взяться за этот дом, бюро ARCHPOLE долго оттачивало (шлифовало, жгло и всячески мучило) деревянную мебель. Достигнув на этой стезе небывалых в отечестве высот, оно и к решению архитектурной задачи подошло с той же дизайнерской требовательностью. ANTONHOUSE выверен и выточен в каждой детали. С высоты его даже можно принять за большой черный стол. «Помню, незадолго до войны он показал мне чертеж какого-то грандиозного здания. «Что это за дом?» — спросил я. — «Это не дом, это стол, — отвечал Леонид Андреев», — вспоминал о писателе Корней Чуковский. И как стиль модерн, к которому относят знаменитую дачу Андреева, строил свои особняки «изнутри наружу», так и этот дом словно бы закручен вокруг громадной гостиной. Ее же центр отмечен еще и эффектной винтовой лестницей из бетона. Захваченный этим вихрем, дом теряет фрагменты, они выпадают из него, как ящики из стола, превращаясь в террасы, над которыми кружат удержавшиеся балконы... Раскрываясь на участок четырнадцатью громадными окнами, дом стремительно застегивается на все пуговицы и улице предстает сдержанным джентльменом, одетым в темно-серое. А накрахмаленную белую рубашку интерьеров можно подглядеть лишь через узкие окна спален. «Оказалось, что он заказал архитектору Олю проект многоэтажного стола: обыкновенный письменный стол был ему тесен и мал».



ПЛАН 1 ЭТАЖА

1. гостиная 2.столовая 3.кухня 4.бойлерная 5. гарбная 6.постирочная 7.с.у. 8. спальня 9. ванная 10. терраса



ПЛАН 2 ЭТАЖА

1.спальня 2.ванная 3.душевая 4.гардеробная 5.галерея 6.балкон

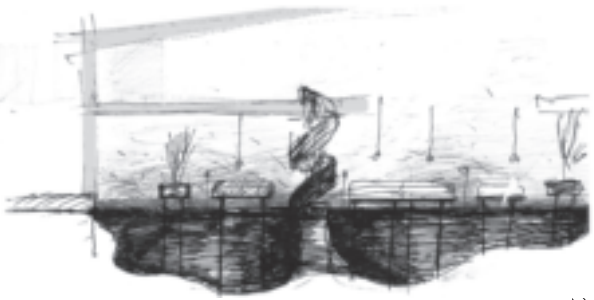


Фото: Михаил Нефедов, Анна Сажинова

Grace

«РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA),
архитектурное бюро
Архитектор:
Алексей Сколдинов

Санкт-Петербург, Курортный район, поселок Солнечное

Лонг-лист

Поселок HONKANOVA Concept Residence являет собой революционный проект для компании HONKA, привычно ассоциирующейся с большими домами из оцилиндрованного бревна или бруса под скатными кровлями. Здесь все наоборот: дома небольшие, кровли почти плоские, а «бревенчатость» избывается покраской и спрятанными в «пилоны» углами. То есть налицо не только европейские стандарты загородного жилья, но и европейские тенденции в архитектуре.

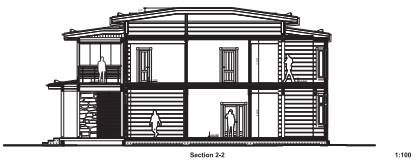
На территории в 10,6 га (из которых 1,5 га занимает ландшафтный парк) будет 46 домовладений. Всего разработано шесть вариантов домов (площадью от 345 до 467 кв. м), при этом каждый из них следует общим базовым принципам. Дома Grace (общая площадь – 350,5 кв. м) первым пошел в реализацию (в нескольких модификациях), подтвердив, что на основе точно найденного архитектурного алгоритма можно создавать и индивидуальные решения.

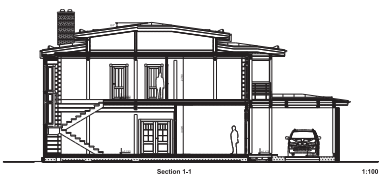
Самая интересная из архитектурных инноваций — это сочетание осаживаемых (брус MLL182) и не осаживаемых конструкций. Помимо более современного образа дома, это позволяет не только оставить максимальное количество внешних стен из цельного бруса и создать неповторимый микроклимат деревянного дома, но и использовать каркасные фронтонные конструкции там, где они более уместны, например, в максимально остекленных эркерах. Все внутренние стены также выполнены в каркасных конструкциях, что позволяет менять планировку, а также решает проблему разной осадки внешних и внутренних стен из бруса.

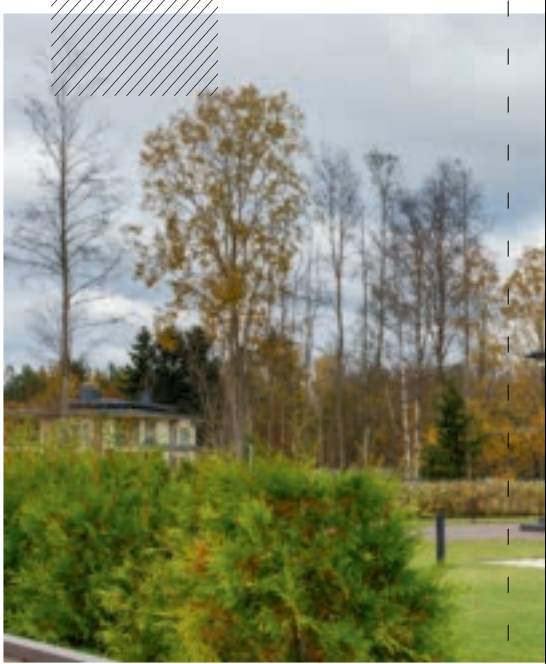
Также более современному облику способствуют укороченные врубки, зашитые коробом, и минимальный угол наклона фальцевой кровли. В то же время она не совсем плоская (8 градусов), что обеспечивает ее вентиляцию и сход снега. На создание нового образа работают и такие приемы, как сочетание больших видовых окон и небольших фрамуг для проветривания, безрамное остекление балконов и контрастная окраска фасадов.

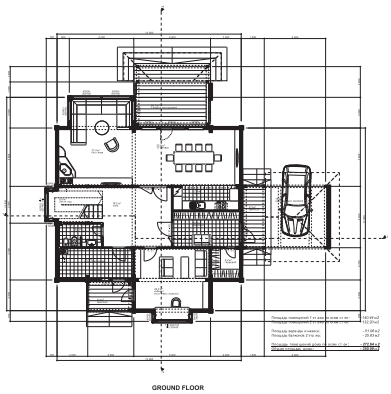
Планировка с боковым входом (с навесом для автомобиля) позволяет освободить главный фасад и развернуть на юг и юго-запад самые важные помещения. Главная терраса первого этажа и балконы второго этажа решены как комфортные лоджии, что позволяет «втянуть» внутрь окружающую природу. В целях более компактной планировки авторы отказались от привычного второго света, справедливо решив, что высоты потолков в три метра вполне достаточно для комфорта на обоих этажах.

В тех же (даже еще более острых) современных формах решена въездная группа в поселок, а равно и многие элементы благоустройства — как, например, беседка с «биоморфным» ограждением.

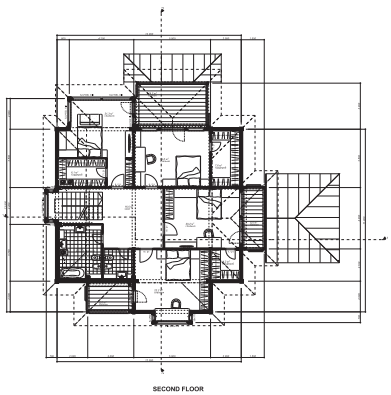








GROUND FLOOR



SECOND FLOOR

Фото: Иван Сорокин, Алексей Сколдинов

Дом «Успенский лес»

«Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева»
Архитекторы:
Тотан Кузембаев, Александр Первенцев, Кристина Разумова

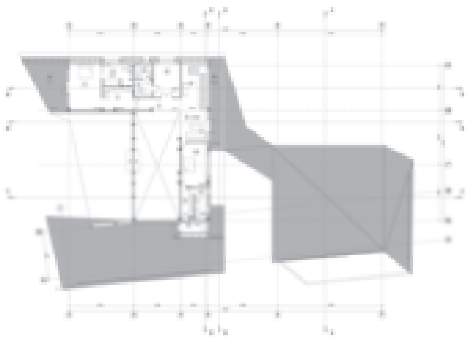
Московская область,
Одинцовский район,
2-е Рублево-Успенское шоссе,
поселок Успенский Лес,
деревня Молоденово

Шорт-лист

Как Чехов всю жизнь мечтал написать роман, так всякий архитектор мечтает построить небоскреб. Даже если он мастер короткого рассказа (как Чехов) или маленького дома (как Кузембаев). Громадные дома последнего в Пирогово (Домомост, Дом «К.») десять лет назад были для деревянной архитектуры такими же небоскребами (о настоящих она тогда только помышляла). Но прежних восторгов они не сыскали, недаром Евгений Асс повторяет, что «постройка из бревен всегда сомасштабна человеку — словно природа сама нам подсказывает, какого размера должен быть наш дом, не больше и не меньше».

Но как бы архитектор не прислушивался к природе, еще внимательнее он слушает заказчика — и тогда находит иные пути ответа на запрос. В следующем огромном доме Кузембаев лихо «поженил» дерево с железом. В России на сей счет есть некоторое предубеждение: считается, что деревянный дом должен быть деревянным. Хотя и в XIX веке городской деревянный дом ставили на каменный низ, и Алвар Аалто гениально совмещал дерево с камнем и железом, да и у самого Кузембаева железо регулярно переползало с крыши на фасад — в Доме с причалом, Доме-скате, собственном доме.

Здесь же оно не просто сползло, но практически целиком обернуло дом — как одеялом. Фальцевая кровля вьется по всему комплексу, эффектно перетекая с дома на навес, дальше на гараж, и затем превращается в забор. Этот формальный ход стал страшно популярен с легкой руки Захи Хадид, но все же — в архитектуре бетонной, где буквально видишь, как бетон льется по затейливой форме. Возможно ли это в ином материале? Смело экспериментируя, автор наклоняет стены, и кровля ложится складками; в такт ей «ползет» геометрия: балкон выдвигается, флигели разбегаются, а между ними возникает громадный провал террасы, который накрывает все та же кровля. А держит ее мощная деревянная ферма, демонстрирующая, что и дерево сегодня — не архаика, а самый что ни на есть модернизм.



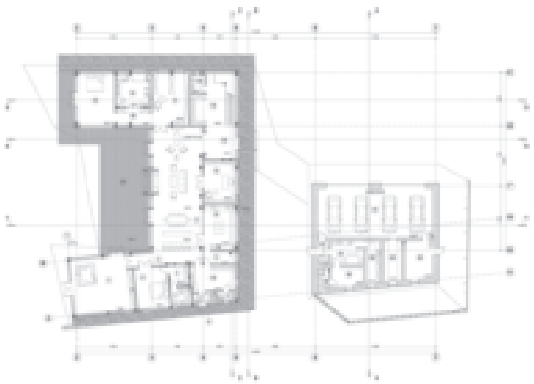


Фото: Илья Иванов

Ranis

Сообщество АРХИWOOD
Архитектор:
Алексей Тарашевский

Московская область

Лонг-лист

Двухэтажный дом, спроектированный архитектором Алексеем Тарашевским, построен на Рублево-Успенском шоссе. Этот дом для семьи с двумя детьми, его конструкция позволяет практически полностью избежать теплопотерь.

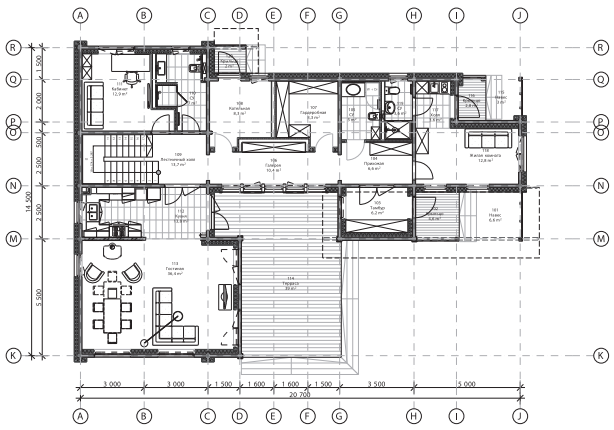
В деревянном доме с частично оштукатуренными стенами общей площадью 343,2 кв. м (теплая площадь дома — 309,5 кв. м: первый этаж — 171,5 кв. м, второй — 138 кв. м) избежать энергопотерь помогает не только дополнительное утепление стен, но и специальная конструкция кровли и энергосберегающие окна. А конструкция оконного профиля позволила сделать окна с большой площадью остекления — в результате в жилом пространстве дневное освещение используется максимально эффективно. Кроме того, дом будет иметь освещение на светодиодах, позволяющее экономить электроэнергию, а так же будет оснащен сантехникой с системами экономии воды.

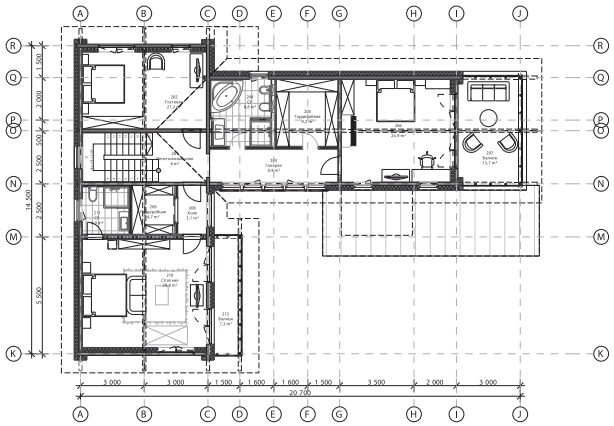
Архитектурное решение дома, по словам его заказчика, можно определить как уютный минимализм. Графичность фасадов подчеркивают деревянные решетки на окнах, которые, помимо декоративной, несут еще и практическую функцию: создают интересные переливы света в помещении, а также защищают личное пространство от посторонних взглядов.

Экологичность материала — натурального дерева, архитектурные и планировочные решения создают уникальную атмосферу уютного личного пространства, жилого дома, расположенного в лесу вдали от городской суеты, и вместе с тем оснащенного всеми благами цивилизации. Но поскольку одним из условий проекта было максимальное сохранение деревьев, растущих на участке, — решено построить дом в центре участка: деревья будто защищают его. Кроме того, одна из стен дома — звукопоглощающая, с маленькими окнами. А большие окна выходят во внутренний дворик: здание спроектировано так, что звук как бы обтекает дом, и внутри дворика тихо и уютно.

«Нам очень приятно работать над этим проектом, один из первых энергосберегающих частных жилых домов в России, поистине уникальный опыт, и я очень рад, что российские заказчики все чаще обращают внимание на экологичность и бережное отношение к природным ресурсам»,— говорит Алексей Тарашевский.

Фото: Саша Мановцева





Дом «Ловушка для солнца»

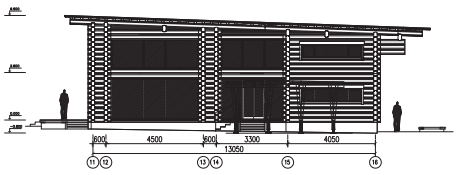
«Архитектурная мастерская Белоусова»
Архитекторы:
Николай Белоусов,
Николай Соловьев

Московская область,
поселок Зеленая Роща

Победитель по версии жюри

Николай Белоусов долго и последовательно гнул (а точнее — рубил) свою линию, сопрягая традиционные технологии и современную форму. Постепенно избывая избу, он насыщал деревянный дом светом (ему не свойственным), не теряя при этом тепла (ему свойственного). Десять лет он уверенно двигался к своему лучшему (на сегодняшний, конечно, день) сооружению. Но любопытно, что практически весь этот дом уже содержится в другом, построенном на три года раньше. Там, в деревне Совьяки, уже был и Т-образный план, и большая двусветная гостиная, и мощный вынос крыши. Но все-таки в архитектуре всё решают пропорции — и тот дом не снискал такой любви экспертов и критиков, как «Ловушка для солнца». А тут, сохраняя Т-образный план, Белоусов довел идею до совершенства: сделал план строго симметричным, а главную ось вывел на свет. Получился практически храм, но это храм семьи и природы, поэтому роль кафоликона играет громадная залитая солнцем гостиная, а центральный проход устремляется на свет и дальше — в лес. Сама же гостиная стала больше и выше — и крыша теперь логично взлетает в ее направлении (а не падает к ней, как в первом доме).

Больше стали и окна, поэтому утреннее солнце пронзает дом насквозь и зимой и летом. Это, конечно, необычно для русских широт (хотя технологии давно сделали это возможным), но еще больше такая прозрачность непривычна психологически. Хотя как раз именно в этом умысел: не только ты смотришь на природу во все глаза, но и она смотрит на тебя — не сверху, но со всех сторон. Главный фасад (который теперь четко обозначился) стал пластически более выразительным — за счет увеличившегося выноса бревен, возникшей рельефности и светотени, но также и за счет эффектных стропил, которые стали хорошо видны, когда крыша «взлетела». В интерьере дерево утончается, становясь книжными полками до самого потолка, но тут же и мощная барная столешница на консоли лафета... Дом не стал менее уютным, чем его прообраз, но приобрел какое-то почти героическое выражение лица, превратился в гимн свету (который, возможно, и есть Бог).



Фасад в осях 11-16

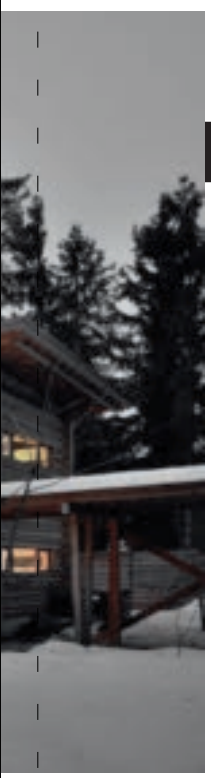
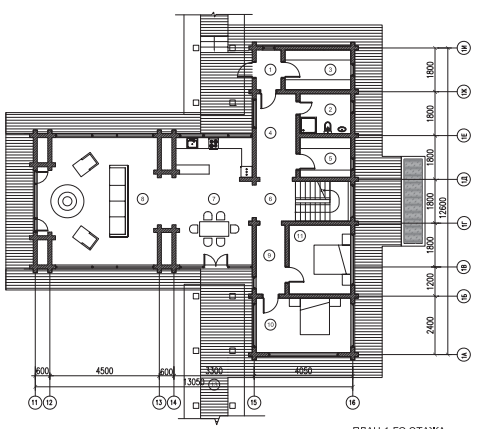
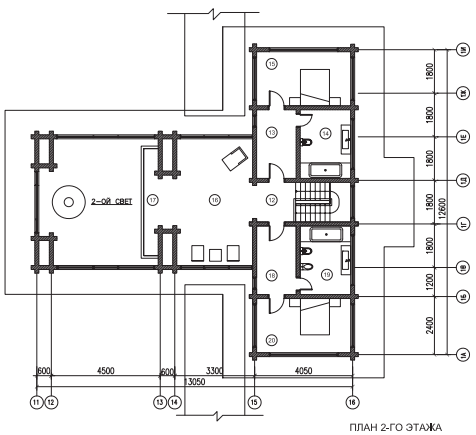


Фото: Алексей Народицкий



ПЛАН 1-ГО ЭТАЖА



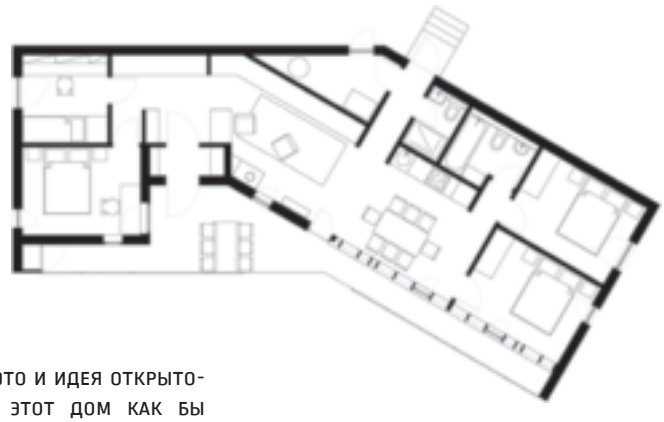
ПЛАН 2-ГО ЭТАЖА

«Дом-ковчег»

«АрхПроект-3»
Архитектор:
Владимир Юзбашев, Екатерина Юзбашева, Наталия Брайловская

Московская область

Шорт-лист



Этот проект возник в результате поиска ответа на вопрос: «Какой бы нам хотелось видеть жизнь в современной России?»

Нам не нравится, то, что мы видим вокруг. Старосоветские дачи, новорусские замки. Нам это не близко: идеологически все это — возврат в прошлое. Поэтому наш дом назван «Ковчегом»: Ною тоже не нравилось то, что его окружало, он искал какой-то другой способ жизни, и потому стал строить дом в форме корабля.

Так же и мы хотели бы построить дом, устремленный к миру будущего — к миру, который был бы современным, открытым, экологичным, недорогим и элегантным.

Но в чем специфика этого дома как представителя российской архитектуры?

Россия — северная страна, географически мы близки Скандинавии. Поэтому современный русский дизайн (если бы он существовал), скорее всего, был бы близок лаконичному, спокойному скандинавскому дизайну. Отсюда простота этого дома — он построен на основе прямоугольной коробки и у него всего лишь один скат кровли.

Россия — страна просторная, у нас много горизонтального пространства. Нам всегда казалось странным, что в наших городах столько многоэтажных зданий, и даже загородные дома, как правило, двух-трехэтажные. Это какая-то ошибка. Наши дома должны быть одноэтажными, у нас же много земли — не Сингапур все ж таки.

Идея простора — это и идея открытости вовне. Поэтому этот дом как бы открывает объятия, стремится вобрать в себя как можно больше света при помощи панорамного остекления.

Дом будто растворяется в природе — он состоит из череды промежуточных пространств: от закрытых жилых комнат — к общему пространству гостиной с большими окнами, затем сквозь открытую террасу — к придомовому участку, который, в свою очередь, является промежуточным пространством между домом и центральной улицей поселка.

И наконец, Россия — страна лесов. Конечно, наши дома должны быть деревянными. Нужно продолжать великую традицию деревянного зодчества, насыщая ее новыми технологиями.

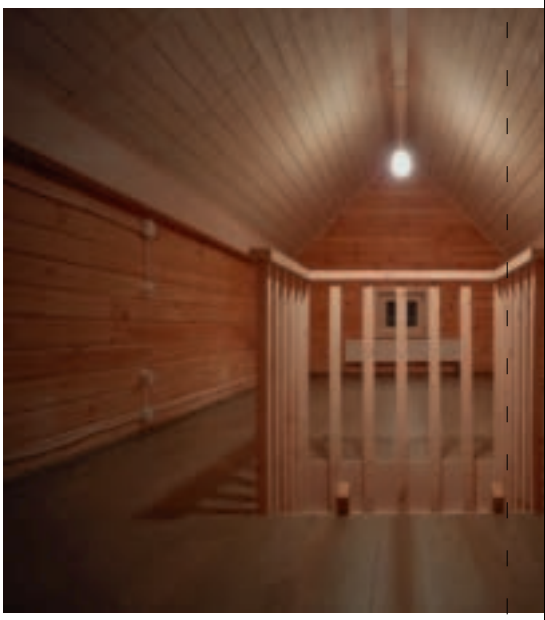
Фото: Владимир Юзбашев

Дом в Кратово

«Архитекторы Асс»
Архитекторы:
Евгений Асс, Григор Айказян,
Анастасия Конева

Московская область,
поселок Кратово

Шорт-лист

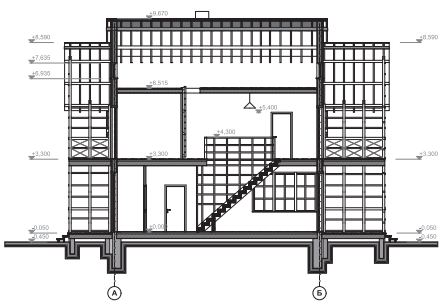


Зинаида Шаховская уличала Владимира Набокова в том, что он «никогда не знал запаха конопли, нагретой солнцем, дыхания земли после половодья, стука молотилки на гумне». И что «сияющие, сладкопевные описания его русской природы похожи на восторги дачника, а не человека, с землею кровно связанного». Но дача действительно и возникла как совершенно новое явление, обусловленное появлением нового класса — среднего. Который не хотел ассоциироваться с крестьянином (то есть — с избою), а с барином (то есть — с усадьбой) хотел бы, да не мог.

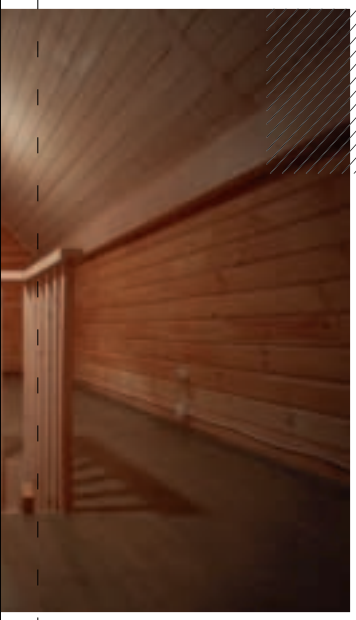
И главным архитектурным элементом, отличающим дачу от избы, становится терраса. Она появляется много позже, чем балкон (статусная деталь в крестьянском доме) или веранда (застекленная пристройка, наследница сеней). Даже слова эти — терраса и веранда — часто путают, хотя из этимологии ясно, что «терраса» (terra) — это скорее «земля», чем «дом», а по сути — переходная зона между ними, элемент, объединяющий дом и окружающий ландшафт. И это промежуточное положение (вроде как в доме, а вроде как и на улице) точно характеризует идеологию «дачной жизни»: на природе, но не в огороде.

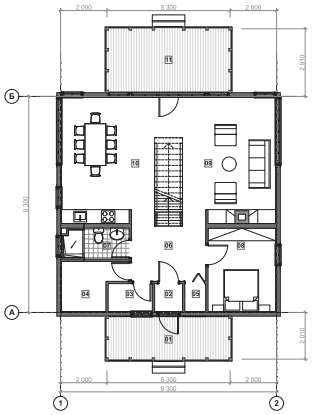
Тогда казалось, что терраса — это для бездельников: гонять чаи да разговоры разговаривать. Но спустя сто лет разговоры за чаем становятся частью профессиональной жизни русского интеллигента. Соответственно, повышается и статус террасы. И логично, что дом для интеллигентной семьи (да еще в стародачном поселке) строится как оммаж даче вообще. И утрируется в нем именно главная особенность дачи — терраса. Она возведена в культ и повторена тут (с вариациями) четырежды. «Белоснежная, ажурная и воздушная, как кружевная скатерть на круглом столе, за которым пили чай дачники Чехова и Горького».

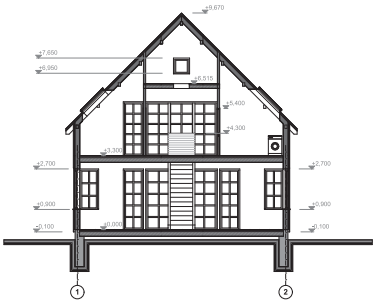
Впрочем, не менее остроумно решено и внутреннее пространство дома, с зонированием которого блестяще справляется парящая ровно посередине лестница. Дом построен из деревянного клееного бруса, а угловые стыки наружных стен выполнены по технологии «ласточкин хвост» во избежание использования угловых нащельников.

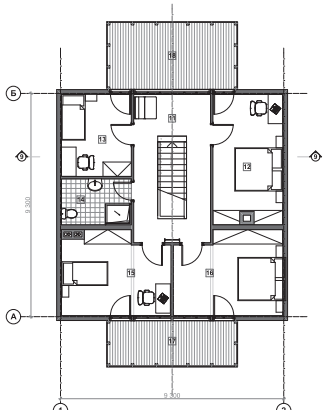


РАЗРЕЗ 1-1









РАЗРЕЗ 2-2

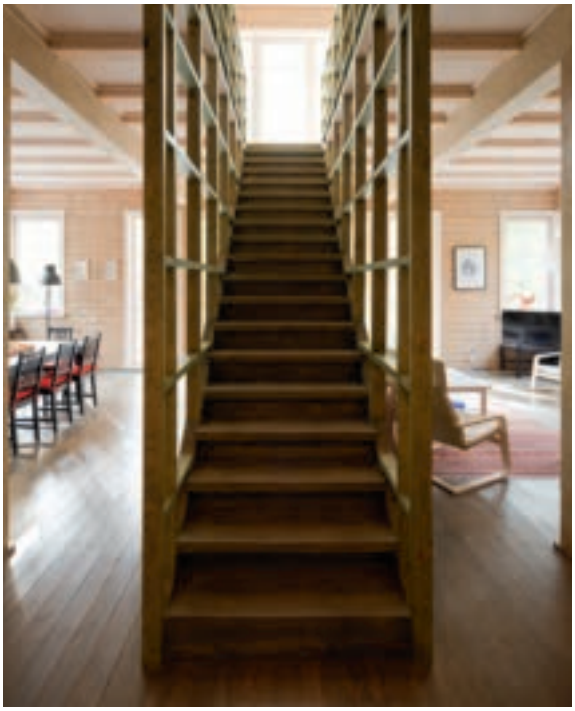


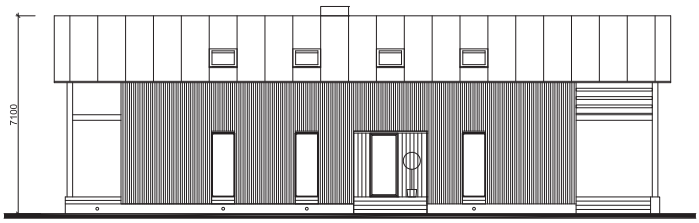
Фото: компания PINO

«Дом в себе»

Архитектор:
Алексей Ильин

Московская область,
Пушкинский район

Шорт-лист

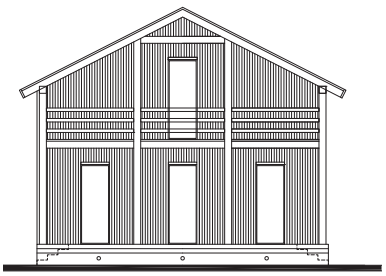


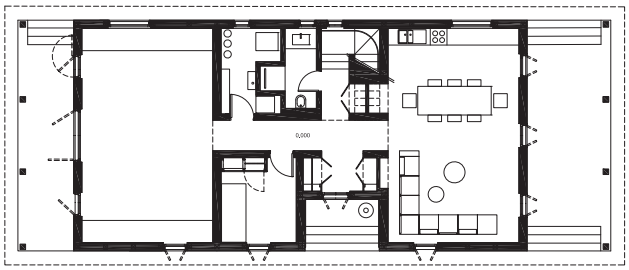
Прямоугольный дом разместился поперек небольшого участка и делит его на две части, воспроизводя характерную для русской деревни планировку. Перед домом — парадный палисадник и газон, за домом — скрытые от посторонних взглядов огород и сад.

С продольных сторон двухуровневый дом выглядит одноэтажным и не давит своим объемом. Небольшую высоту обеспечивают мансардные окна второго этажа и минимальный уклон кровли. Светло-серые фасады, «заштрихованные» деревянными рейками, полностью закрываются ставнями из того же дерева, визуально скрывая жизнь внутри и окончательно сбивая масштаб.

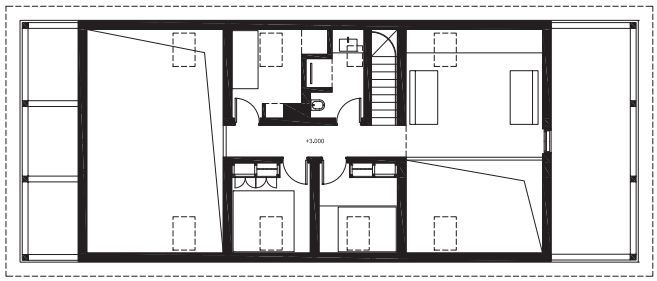
Темы монохромного решения фасадов и открытости/закрытости продолжаются в интерьере. В отделке помещений доминирует все тот же светло-серый цвет — идеальный фон для картин и ярких цветных деталей. При солнечном свете ставни создают игру света и тени, добавляя «штрихи» в и так полосатый интерьер.

Большие двусветные общественные пространства гостиной и мастерской соседствуют с минимальными практичными спальнями. А в том, что именно пространство здесь главное, сомневаться не приходится: ни одной лишней детали. Самым сложным в практической реализации этого замысла было добиться примыкания досок стен, пола и потолка без использования традиционных и неотъемлемых для любого деревянного интерьера бесконечных плинтусов, планок, карнизов и наличников. Все подобные сопряжения решены при помощи специально подготовленных угловых брусков с четвертью. Реализовать идею свободного пространства помогла также встроенная мебель. Встроенные в стены многочисленные шкафы избавляют от отдельно стоящих предметов и беспорядка.





1 этаж



2 этаж

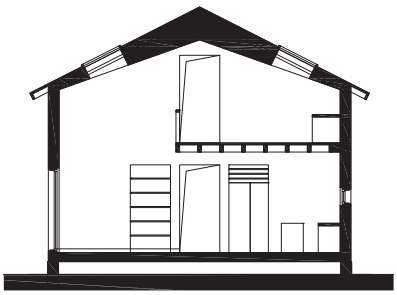


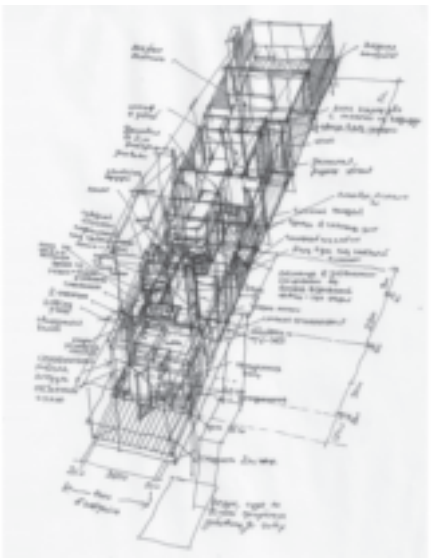
Фото: Дмитрий Чебаненко

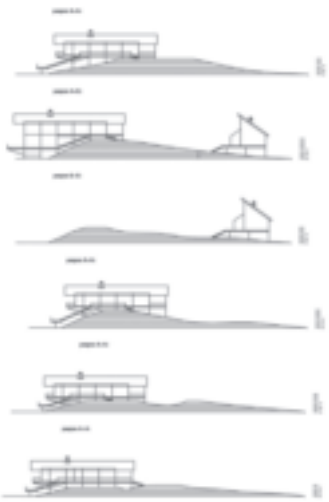
Экологическое поселение «Дэй Гилберт» («Шведские дачи»)

Архитекторы:
Сергей Малахов, Кирилл Никонов, Дмитрий Макаренко

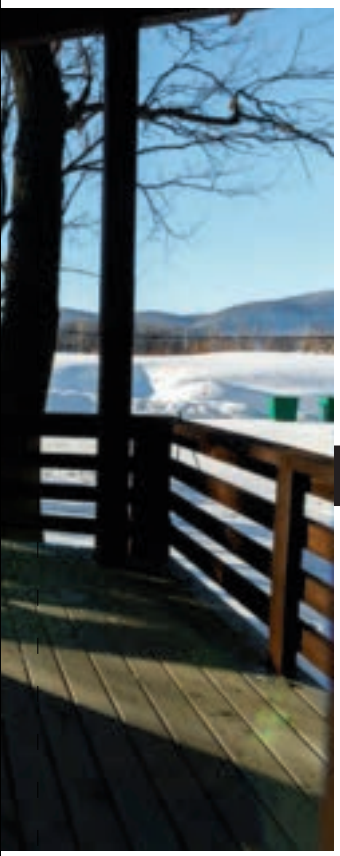
Самара, поселок Волжский (Царевщина)

Победитель по версии народа





Деревянные экономичные рамные дома выходят на берег протоки, построены на опорах, чтобы не повредить природный покров; при строительстве нужно было пройти между деревьями и сохранить красивые дубовые ветки. Ассоциативный прототип — деревянные корабли. Во время весеннего разлива можно на лодке подойти к крыльцу. Дома могут различаться, но существует базовый модуль Johnny. Одна терраса выходит на берег, вторая — на пешеходную тропу. На втором этаже — спальня и кабинет («капитанский мостик»). На участке нет заборов. Обитатели поселка — ценители природы и толерантных соседств. Жизнь — круглый год.



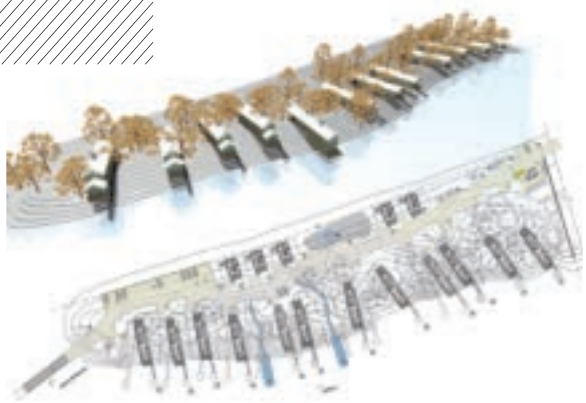
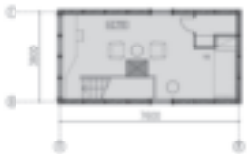


Фото: Сергей Малахов, Сергей Макаров



Гостевой дом

Архитектурное бюро FAS(т)
Архитекторы: Александр Рябский и Ксения Харитонова; при участии Кирилла Козлова, Григория Суздалева, Яна Тихоненко

Московская область

Победитель по версии жюри

За что мы любим деревянную архитектуру? За тепло и уют, за ощущение рукотворности и человечности, за то, что она близка земле, природе (из деревьев которой и выросла). За что мы любим современную архитектуру? За простор и море света, за качественную технологичность, за ощущение полета. Казалось бы, ценности абсолютно противоположные. Однако авторам этого дома удалось сопрягнуть их, почти не моргнув глазом.

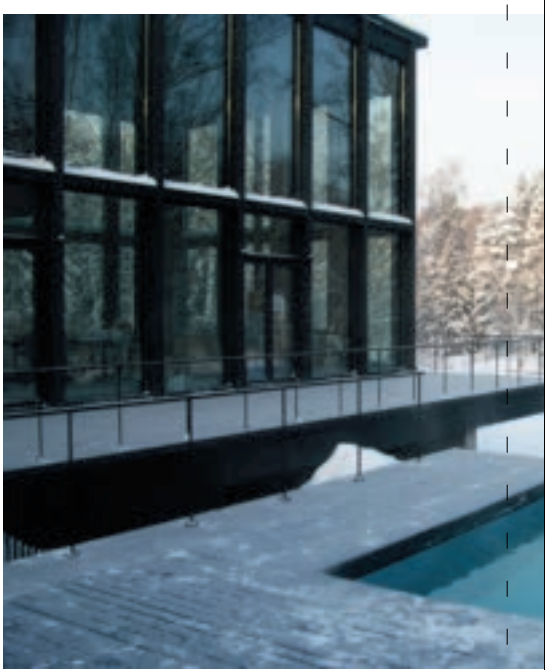
Поверить в то, что этот дом деревянный, издалека невозможно. Его конструкции настолько легки и выверенны, что он кажется собранным из металлического каркаса (а наружные его ребра выглядят и вовсе как знаменитые двутавры Людвига Мис ван дер Роэ). Естественно, авторы намеренно пестуют образ чуда, подчеркивая эту иллюзию еще и черным цветом (хотя и уверяют, что «черный был выбран как самый абстрактный и индифферентный цвет»). В реальности же это деревянный каркас, собранный из длинных мощных деревянных балок и высоких узких деревянных столбов. А для того чтобы все держалось, применены оригинальные конструкции с защемлением.

Прозрачность дома ошеломляет не меньше. Конечно, она обусловлена как местом (природа и виды на нее), так и функцией (здесь располагается гостиная с кухней). Однако такого количества стекла в современной русской деревянной архитектуре еще не было (есть в работах Николая Белоусова, но у него дома рубленые, крепкие, массивные, где стекло все же не отменяет настолько материальности сруба). А тут — действительно «павильон», проницаемый с ног до головы, однозначно отсылающий к знаменитым «стеклянным» домам Миса и Филиппа Джонсона.

Однако те дома (при всей их «воздушности») прочно стоят на земле — этот же парит. Конечно, это тоже можно объяснить рельефом участка и заботой о «видах», что авторы и делают («повисая» над рельефом, такое решение обеспечивает преимущество видовым характеристикам интерьера»), но это снова лукавое самоуничижение (или «след» той «литературы», которая необходима для продвижения проекта заказчику). На самом же деле это полный и удивительный отрыв от реальности, обеспеченный абсолютно реальным железобетонным фундаментом и закрепленными в нем консолями (которые, собственно, и несут павильон).

Эти консоли — то единственное «почти», которое чуть демистифицирует всю эту волшебную иллюзию. Образ «парящего пенала» очень популярен сегодня в мировой деревянной архитектуре: дом UTRIUOSE под Клайпедой бюро Natkevicius G. and Partners (2006), Trojan House под Мельбурном бюро Jackson Clements Burrows (2008), Little Big House в Тасмании бюро Room 11 (2009). Эти объекты «парят» еще более экстремально — впрочем, они и менее «стеклянны»: русский же «пенал» добирает «воздушности» именно за счет обилия стекла.

Кроме того, по функции это гостевой дом с баней (она находится в примыкающем объеме), а нет, как известно, лучшего способа воспарить, чем попариться.



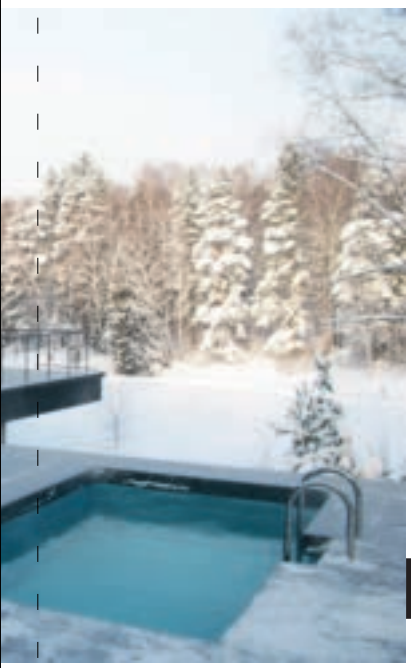


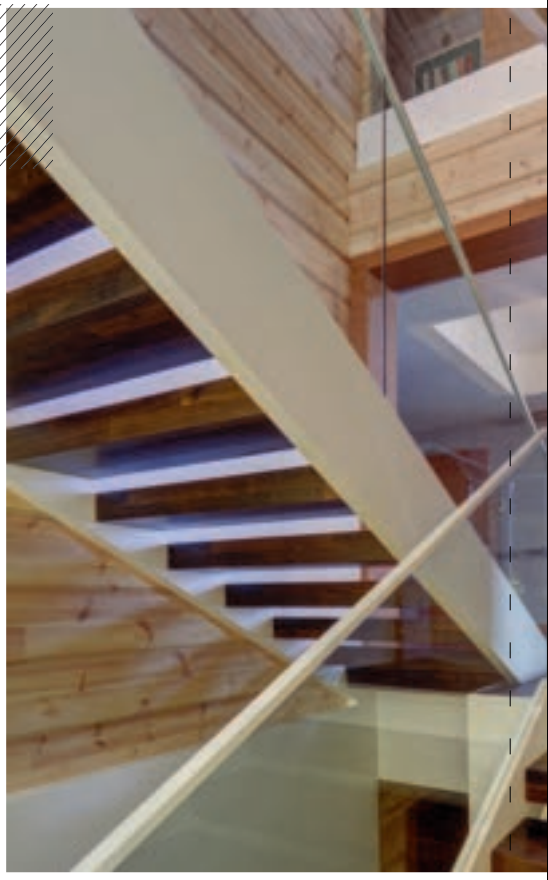
Фото: Ксения Харитонова, Ян Тихоненко

Дом в стиле Райта

«РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA),
Архитектурное бюро
Архитекторы:
Иосиф Бельман, Владимир Шорохов
Интерьер:
Валерия Маслова

Московская область,
Пушкинский район

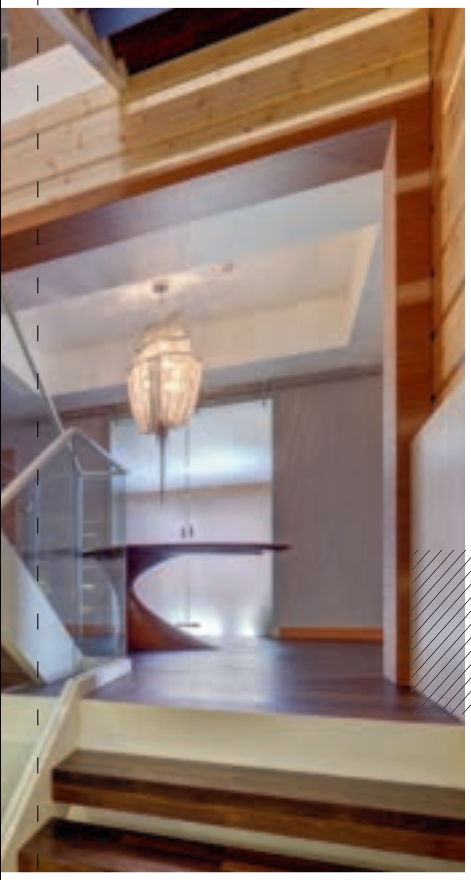
Шорт-лист



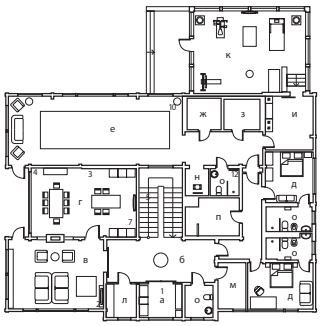
Есть интерьеры, о создании которых авторы вспоминают с большой теплотой. Архитекторы Владимир Шорохов и Иосиф Бельман рассказывают, что общение с заказчиками проходило в атмосфере теплых, дружеских встреч, на которых обсуждался дизайн будущего здания. Без этого архитекторам было бы непросто создать пространство для жизни молодой и динамичной семьи, увлеченной здоровым образом жизни, любящей активные виды досуга. «По пластике и объемному решению архитектура дома восходит к традициям американской классики тридцатых годов прошлого века, — говорит Владимир,— когда в моду начали входить функционализм и органическая архитектура, а в классицистических особняках появились двусветные пространства, сложная геометрия, пошел отказ от декора. Учитывая, что основной материал — дерево, клееный брус, мне было особенно интересно работать над такой сложной задачей. Центральным элементом внутреннего пространства стала лестница с зенитным окном — своеобразная вертикаль, связывающая три этажа дома. Помимо парадных и жилых помещений в доме есть большая спа-зона, состоящая из бассейна, сауны, хамама, массажной комнаты, спортзала, а также библиотека — редкость в сегодняшнее время».

Большой творческой удачей считает объект и дизайнер Валерия Маслова, занимавшаяся интерьером. «Проект сложился так удачно и в достаточно короткие сроки благодаря активному участию заказчиков, с которыми было легко и приятно работать. Им хотелось получить изящный, не перегруженный деталями интерьер. Мне как дизайнеру такая стилистика оказалась очень близка. Ведущий мотив интерьера — фактура дерева, теплый натуральный оттенок которого подчеркнут специальным составом. Пол отделан более темной древесиной — мореным дубом, который хорошо контрастирует со светлыми стенами и потолком. Специально подобраны двери: их оригинальный дизайн (обработка «под рубанок») поддерживает природную тему. Главным стилистическим маркером стал свет. Мы нашли интересные современные системы от VIBIA, которые сделали интерьер более динамичным. Экспрессии добавили живопись и дизайнерская мебель. Получился легкий, артистичный, современный интерьер».

Ольга Вологдина



I этаж



II этаж

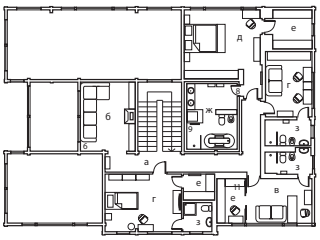


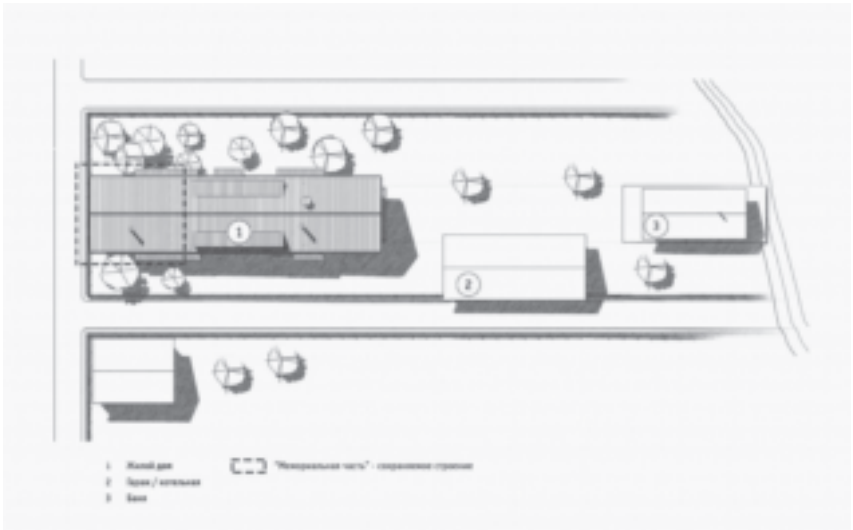
Фото: Маргарита Федина

Дом художников

«Поле-Дизайн»
Архитекторы:
Владимир Кузьмин,
Николай Калошин

Тверская область,
Кафтинский городок

Шорт-лист



Отправной точкой для проектирования послужило главное условие заказчика: сохранить (а значит, восстановить и реконструировать) существующий на участке сруб — традиционный деревенский дом середины прошлого века. Дом был ценен прежде всего как семейная реликвия, «родовое гнездо». В то же время для большой семьи требовалась значительная площадь. Было решено пристроить новый объем к восстановленному строению в основных осях — так «новый» дом стал продолжением «старого».

Геометрия участка продиктовала пропорции постройки в плане. Двухэтажный объем сруба вытянулся на 36 метров по слабовыраженному уклону продолговатого участка. Сохранение в качестве «мемориальной зоны» старой части подтолкнуло к выбору традиционной для русского Севера технологии строительства (рубка в чашу), но в то же время в проекте эта традиция была переосмыслена и приспособлена к современным условиям.

Символичным выглядит характерный контраст между «старым» и «новым» фасадами, где первый сохранен в максимальном приближении к тому, как выглядел изначально, что позволяет дому по-прежнему оставаться частью ансамбля на своей улице. «Новый» же фасад, выходящий в сторону долины реки, — подчеркнуто современный; стеклянные витражи в пол раскрывают его в природу, а намеренно «небрежно» оборванные выпуски бревен придают всему объему в целом дополнительную динамику.

Боковые фасады прорезаны множеством волоковых окошек, создающих «спонтанную» композицию на фасаде и интересную игру света в интерьере.

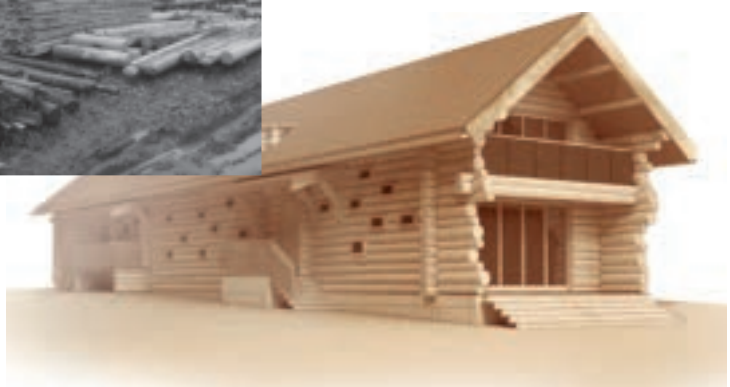
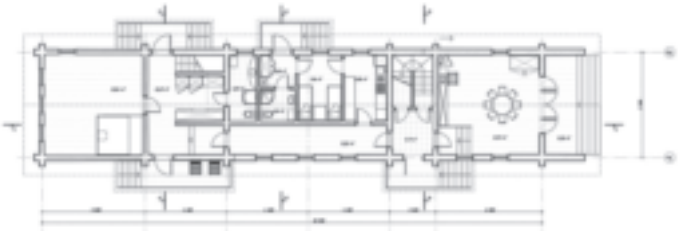
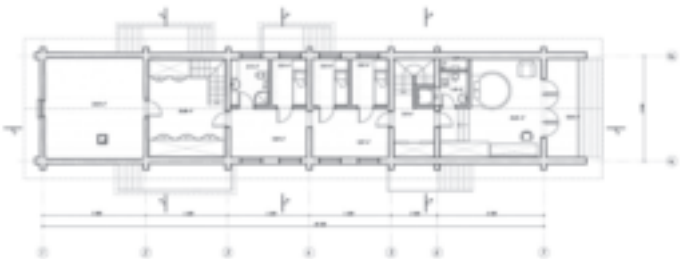


Фото: Владимир Кузьмин, Лиза Бычкова, Александр Антонов



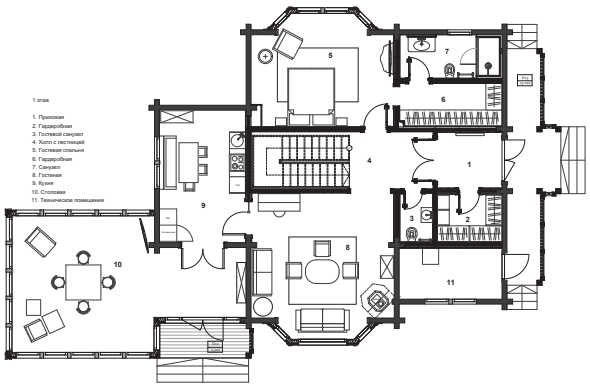


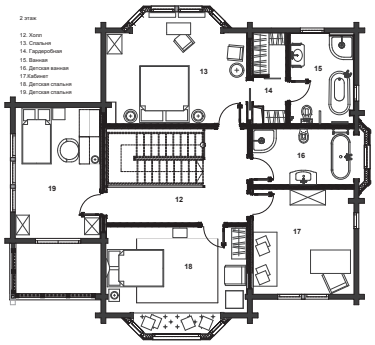
Писательская дача

«РОССА РАКЕННЕ СПБ» (HONKA),
Архитектурное бюро
Архитекторы: Светлана Беднякова, Маргарита Дербанова
Руководитель проекта: Анна Петрова
Дизайнер: Анна Русецкая
Ландшафт: Ольга Автухова

Московская область

Лонг-лист





Идея дома заключалась в создании атмосферы старой дачи. Поэтому главными составляющими архитектурного образа стали эркеры и остекленная по периметру веранда. Фасады украшены реечным узором, характерным для рубежа XIX–XX веков. «Хозяева коллекционируют старинную мебель, и мы изначально знали, что это будет дом с историей», — говорит дизайнер Анна Русецкая. Антикварные вещи органично вписались в интерьер, выдержанный в стиле чеховской дачи.

Планировочное решение (общая площадь дома 287 кв. м) учитывало все пожелания хозяев. Например, не было необходимости в просторной кухне, зато принципиальным было наличие большой столовой. Помимо кухни и столовой на первом этаже расположены гостиная, гостевая спальня с ванной и гардеробной, гостевой санузел и гардеробная. На втором этаже — спальня хозяев с ванной и гардеробной и две детские комнаты с общей ванной.

Стены во всем доме имеют медовый оттенок, но в каждой комнате своя цветовая гамма: хозяевам хотелось подчеркнуть уникальный характер каждого помещения. «В доме четыре спальни, и все они решены в разных цветах, — продолжает дизайнер. — Хозяйская спальня в черно-золотой гамме с фиолетовыми акцентами, гостевая спальня на первом этаже — в бирюзово-коричневых тонах, комната девочки в оттенках нежно-лилового, а комната мальчика — коричнево-зеленого».

Образ старинной дачи неизменно связан с большим количеством дерева в отделке. Поэтому на пол постелили дубовую паркетную доску, а потолок оформили крашеной белой вагонкой с брашированием. Потолок в гостиной дополнили декоративными балками, а стены во всех помещениях тонировали лессирующей натуральной краской. В таком же стиле сделали двери — классические с филенками и эффектом старины. Плитку в интерьере использовали минимально — только там, где в этом была необходимость. Например, на полу в кухне положили плитку, имитирующую терракоту, а на стене выложили яркий декоративный фартук.

Кроме того, архитекторам удалось сохранить на участке старые деревья, образующие небольшой заросший парк. Они создают ощущение, что дом стоит здесь уже много лет.

Екатерина Сидорова

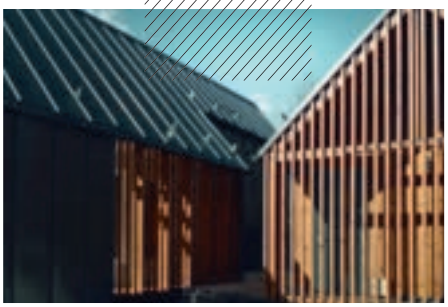
Фото: Маргарита Федина

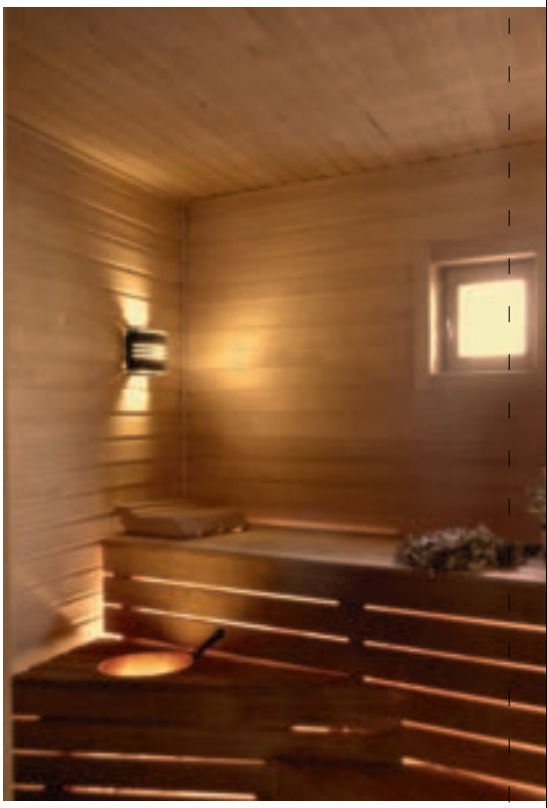
Зимний дом с баней

«Тандем»
Архитекторы:
Денис Чернов,
Татьяна Панченко

Московская область,
Истринский район

Победитель по версии народа



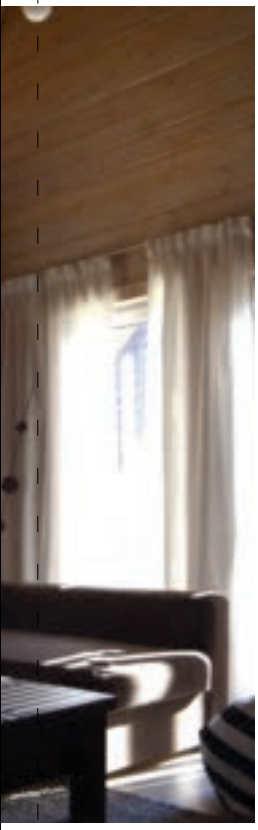


Эта история начиналась как проектирование бани и сарая для садового инвентаря. Но баня быстро стала превращаться в нечто большее. Да и неслучайно: ведь «баня для русского человека, как вовремя сообразили авторы, — это не просто «помыться», это образ жизни, очищение не только тела, но и души, особое место силы». Недаром с фасада — особенно вечером, когда конструкции подсвечены, — баню можно принять и за часовню (правда, протестантскую).

Баня часто была первым строением, которое ставили на участке, — раньше жилого дома. Тут, правда, дом уже был — но проживали в нем не постоянно, а чтобы отопить его, требовались сутки. Поэтому альтернативой ему — для кратковременного пользования в зимний период — и стала баня. Которая не только прогревается за два часа, но и с легкостью вбирает в себя все необходимые функции: на втором этаже разместилась спальня, внизу — двусветная гостиная с печью-камином. От сплошного ее остекления отказались, дабы избежать теплопотерь, но три окна в пол обеспечивают море света.

Окна (они же двери) выводят на террасу, которая ровно наполовину забрана рейкой — для создания тени, которой на участке без вековых деревьев было немного. Этот же прием (частокол рейки на всю высоту фасада) распространяется и на второй объем (сарай-мастерская), который, к тому же, является геометрическим подобием первого. А обрешетка продолжается и на боковых фасадах, даря эффектные тени. Учитывая, что у террасы общая крыша с домом, это создает приятную цельность всей композиции, которая еще и неожиданно видоизменяется в сумерки.

Но при всей традиционности силуэтов выглядит комплекс динамично и современно: два подобных объема сдвинуты по отношению друг к другу, симметрию фасада бани разрушает проход к купели, а сплошной белый цвет террасы (в контрасте с серым антрацитом крыши) делает ее похожей на зал музея современного искусства (где самое место обнаженным телам). Кстати, сама парная — тоже непривычно светлая, а еще и пространственно остроумная (хотя, казалось бы, что тут можно придумать). Впрочем, и эта геометрия — не художественный жест, а ответ на трапециевидность участка, к забору которого она примыкает.



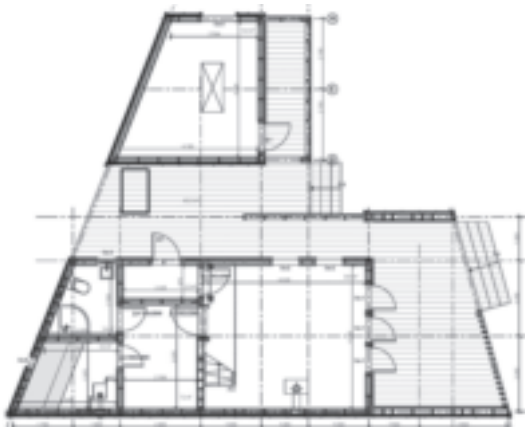


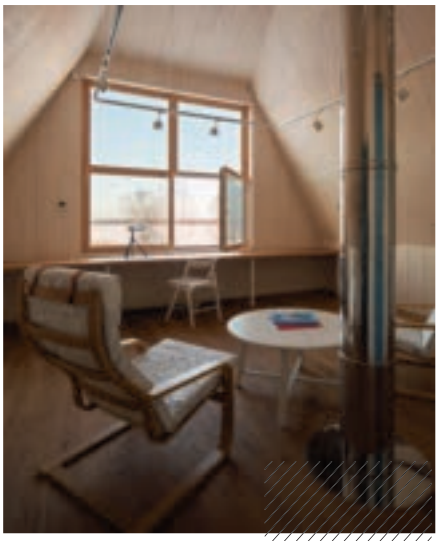
Фото: «Тандем»

Дом в Прибылово

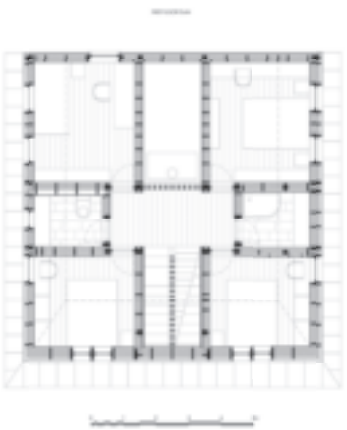
Архитектурное бюро «Хвоя»
Архитектор:
Георгий Снежкин

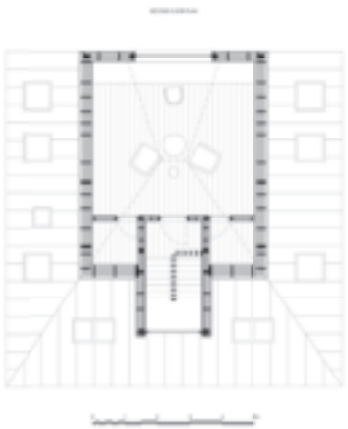
Ленинградская область,
поселок Прибылово

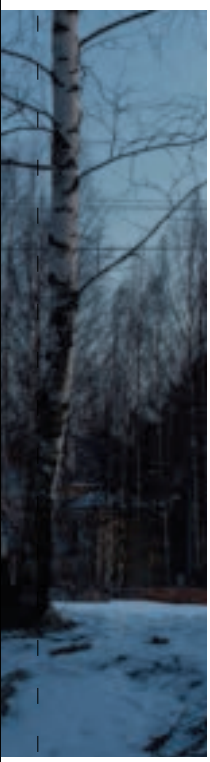
Победитель по версии жюри



Свой самый знаменитый дом, первый в мире образец постмодернизма (1964) Роберт Вентури построил для собственной мамы. Георгий Снежкин (и бюро «Хвоя») тоже строил этот дом для родителей — но это не единственное, что объединяет два этих объекта. Есть еще «фасад как срез», отсутствие свесов и точки схода скатов, подобие двух квадратных окон, элементы панорамного остекления, сдвижные ставни, фрагментарно двусветная гостиная... При этом очевидно, что эти «цитаты» ничего не определяют в объекте бюро «Хвоя»: образы домов слишком разные. Один открытый, другой закрытый, один «рваный», другой — цельный, тот — приплюснут, этот — возвышен, у Вентури — намеренная усложненность, у «Хвои» — столь же декларативная простота (что особенно очевидно в планах: у последнего это крест 10×10 с ровными квадратами комнат). При этом Вентури всячески отбрыкивается от звания «отца постмодернизма», говоря, что его не так поняли: он-то боролся с обезличивающей индустриальностью «коробок» модернизма, а его последователи стали «приляпывать» арки и колонны куда ни попадя. Снежкин тоже уверяет, что «сначала дом выглядел совершенно иначе — длинная палка поперек участка с видом на море. Но когда проект был готов, автора посетил образ дома-башни-маяка с фонарем мастерской». То есть он тоже боролся с модернизмом (в себе), но одолел все «сложности и противоречия» и выстроил очень цельный, ясный и гармоничный дом-маяк. Который радостно поблескивает в панораме не только прибрежного поселка, но и всей русской архитектуры. Но при этом вряд ли укажет ей ложный курс.







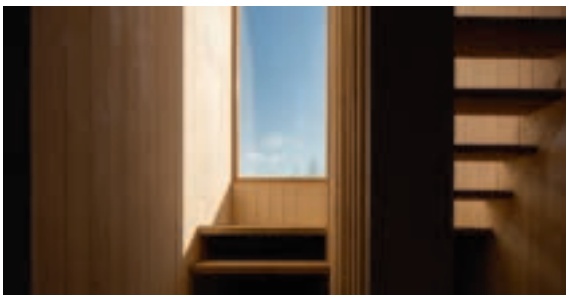


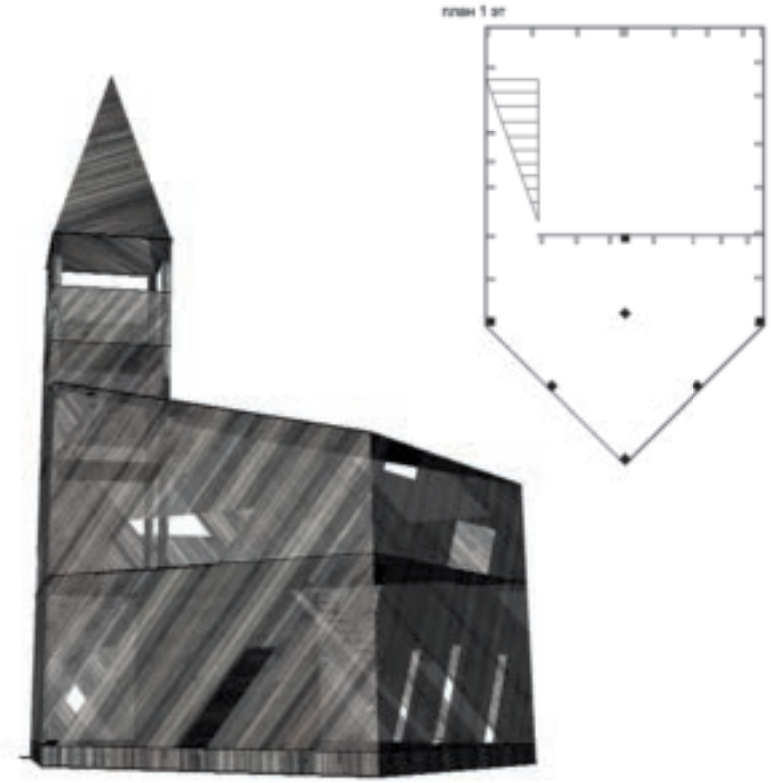
Фото: Дмитрий Цыренщиков

Малый объект

Номинация

Главные герои этой номинации — беседки, бани, гаражи, сараи. Казалось бы, «хозпостройки», но сколько поэзии в любом старом сарае! Порой больше, чем в ином доме — именно за счет камерности объема, скупости декоративных средств, простоте приемов.

Дача архитектора Валерия Филиппова. Главный дом и чум (барбекю-хауз)



Архитектор:
Андрей Чернов

Новосибирская область,
станция Издревая

Шорт-лист

«Филиппов Валерий Николаевич — друг мой, теперь сосед по даче. Это реконструкция постройки бывшего хозяина. Чертежи не делал, всё по месту. Пристроил башню — в плане 2×2 м под углом 45 градусов к дому. Высота — 9 м, четыре колонны из 50-й доски. Хотел отдельно, потом объединил с домом (Сибирь!), зашил всё доской. Строили два человека десять дней. Пришлось, чтобы не городить леса, обшивать под 45 градусов. Оказалось удобно, быстро и без отходов, к тому же связи не нужны! Короче, удачно. Через год вырезаешь проемы в нужных местах («плавающие окна» — я так называю), окна, двери... Сейчас пока внешний контур готов — оболочка, этим летом закончу. С окнами не решено, пока думаю, варианты смотрю. Какой концепт? А просто чтобы любоваться сверху! Рядом река, просторы открываются, то, что с земли не видно. И тут же построили барбекю-икосаэдр. Размер ребра — 2 м! Конструкцию, каркас (это теплица) приобрел в 1991 году еще. Подарил Филиппову на день рожденья: шашлыки готовить. Сами и собрали. Быстро — минут за сорок! Там очаг в центре кирпичный, по всему периметру скамья-лежанка, пол — деревянная решетка. Филиппов хотел только крышу добавить, но я понял — в Сибири надо глухо, иначе плохо: ветер-дождь-снег. Обшил необрезной доской, и хорошо получилось! Тепло зимой, и летом не жарко! Дерево!»

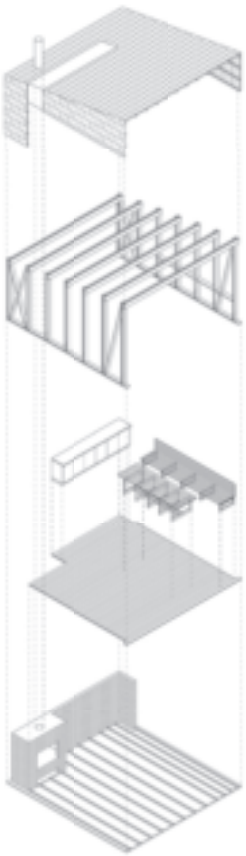
Фото: Александр Ложкин, Николай Малинин

Павильон летней кухни White Steamer

Gikalo Kuptsov Architects
Архитекторы:
Сергей Гикало, Александр Купцов

Московская область

Победитель по версии народа



Человек позвонил на телевидение, в программу «Дачный ответ», и попросил, чтобы на его дачном участке что-нибудь построили. Денег платить было не нужно, условием было лишь отсутствовать весь период строительства (недолгий) и не вмешиваться в творческий процесс. Телеканал поставил задачу: создать место для приготовления шашлыков, отдыха и приема гостей, где стоял бы большой стол, была бы оборудованная кухня и где можно было бы собираться вне зависимости от погодных условий. Откуда-то, видимо, из советской парковой архитектуры, родился образ летней эстрады: простой односкатный объем, высокой своей частью раскрывающийся на участок, низкой же, ограниченной стеной-кухней, обращенной к забору. Таким образом вся дачная кулинария, закрытая от глаз соседей, обретает здесь парадное и даже «эстрадное» прочтение, открываясь «сценой» к основному дому. Конструктивно павильон представляет собой ряд дощатых рам разной высоты, связанных между собой обрешеткой из бруска с настилом из доски и фанеры под ковром из мягкой черепицы. Жесткость конструкции обеспечивают диагональные укосы из той же доски, а также кирпичная диафрагма-стенка с устроенной в ней печью-барбекю. Большой тяжелый дощатый стол и широкая скамья позволяют разместиться здесь любой компании. Готовить, есть, выпивать, петь, плясать, представлять домашние спектакли — вмещая столько функций, павильон не забирает объем у участка, включая свой интерьер в его пространство.

Фото: Илья Иванов

«АрхПриют»

Архитекторы:
Иван Овчинников, при участии Евгения Югая, Ольги Шаниной, Ольги Штыньковой, Олега Волкова, Антона Ценципера, Павла Терещенко, Андрея Ищенко, Артема Терехина, Елены Чикановой, Петра Климова, Никиты Ушакова, Александры Ушаковой, Марии Смольяниновой

Московская область, курорт Шуколово

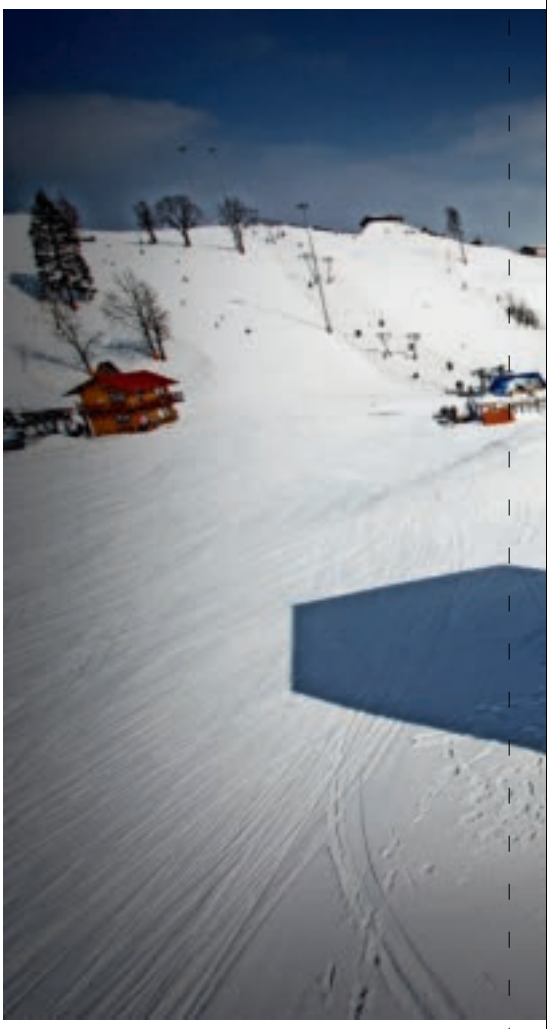
Победитель по версии жюри

В 2000-е годы в России очень любили слово «хай-тек», подразумевая под этим любую дешевку, лишь бы она поблескивала металлом. Но настоящего хай-тека — искусства как производного от технологий — здесь так и не случилось. Но парадоксальным образом признаки этого стиля демонстрируют отдельные деревянные объекты, которые спроектированы с расчетом на стандартизацию, модульность и точное воплощение — причем именно эти особенности и определяют художественный образ.

Первым и самым ярким из них стал «АрхПриют», возведенный на горнолыжном курорте за одни сутки (да еще на тридцатиградусном морозе). Такая скорость как раз и была обусловлена предельной технологичностью проекта. Форма куба была принята как наиболее энергоэффективная (минимальная площадь внешней оболочки при максимальном внутреннем пространстве), размеры же куба (6×6×6 м) определил стандартный размер пиломатериалов (он же помог достичь и стопроцентной безотходности производства).

При четырех этажах и общей площади 100 кв. м приют содержит восемнадцать жилых ячеек, вполне годных для временного проживания (что сами авторы тут же и подтвердили). Размер каждой ячейки — 1050×950×2000 мм, что позволяет разместить в ней походный коврик или матрас, полки для вещей и индивидуальное освещение. Ячейки могут преобразовываться в семейные (объединяясь) или даже в релакс-зону; кроме того, в кубе есть душ, туалет и кухня (площадью 2×2 м). Каркас и большинство внутренних элементов выполнены из деревянного бруса (100×100 и 150×50 мм) и обрезной доски (40×100 и 25×150 мм). Глухие фасады собраны из готовых утепленных панелей, а стоимость всех материалов не превысила 200 000руб.

Светопрозрачный фасад, работающий как реклама альтернативного образа жизни, собран из сотового поликарбоната толщиной 25 мм, а все соединения несущих конструкций сделаны на болтах, что позволяло свободно трансформировать пространство, добавляя или удаляя настилы между несущими элементами конструкции. И действительно дом был разобран, перенесен и собран на новом месте.



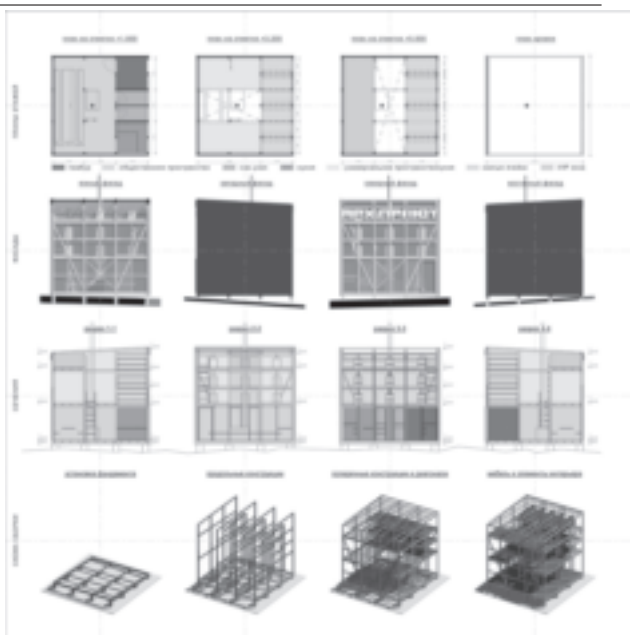


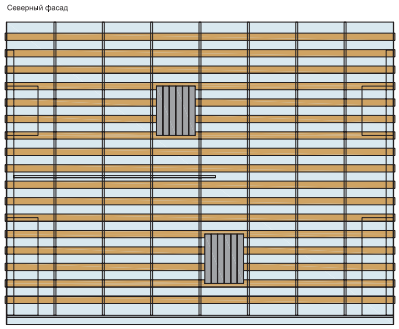
Фото: Иван Овчинников, Ольги Штынькова

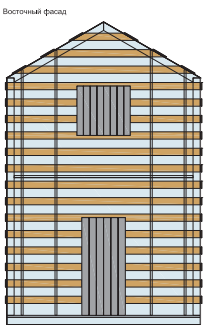
Офис удаленного доступа

Архитектор:
Александр Константинов

Калужская область,
Никола-Ленивец,
Фестиваль «Архстояние-2010»

Победитель по версии народа

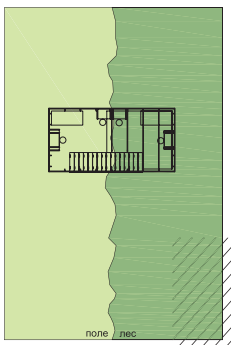


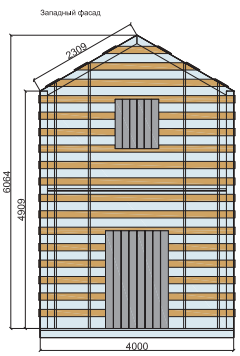


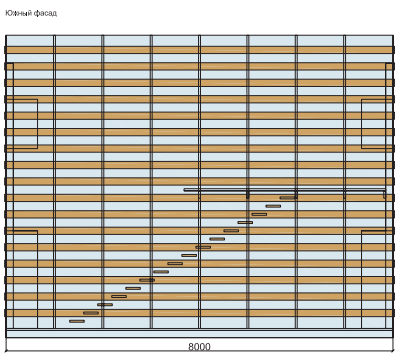
Цель проекта, созданного в рамках программы «Офис будущего» компании Solo, заключалась в создании прототипа офиса, расположенного среди дикой природы в удалении от цивилизации. Удаленный офис — нечто среднее арифметическое между башней из слоновой кости западного архитектора, работающего у себя в суперсовременной студии, и избушки отшельника, размышляющего в глуши над судьбами мира и отправляющего плоды своих изысканий по интернету.

Постройка представляет собой двухэтажный домик, расположенный на границе леса и поля, так что половина дома находится в лесу, половина — в поле. Структура офиса позволяет перемещаться от одного рабочего места к другому, меняя открытый вид простора поля на камерность лесного шатра. Всего офис имеет четыре рабочих места. Одно, западное, смотрит на поле, другое, восточное, на втором этаже, смотрит вглубь леса. Эти два основных рабочих места оборудованы триадой: стол, стул и диван для отдыха и размышлений. Широкие столы-подоконники расположены в оконных нишах, в которые «поворачивает» горизонтальный рисунок фасада, так что вид из окна становится картиной с элементами обратной перспективы. Человек, сидящий со своим ноутбуком за таким столом, сам становится частью пейзажа. Он одновременно и внутри, и снаружи.

Материал постройки — неструганная обрезная доска и молочный поликарбонат. Площадь 1-го этажа — 24 кв. м, площадь 2-го — 12 кв. м. Пол 2-го этажа не примыкает к стенам, обеспечивая естественную вентиляцию и привнося ощущение полета, которое усиливается отсутствием углов в ограждении. Внешняя конструкция постройки состоит только из горизонталей, внутренняя — только из вертикалей. Между вертикалями и горизонталями «зажаты» стены и крыша из молочного поликарбоната, который аккумулирует свет так, что внутри дома едва ли не светлее, чем снаружи. Парниковый эффект поликарбонатной кровли создает чрезвычайно эффективную естественную вентиляцию, что было апробировано во время жары 2010 года.







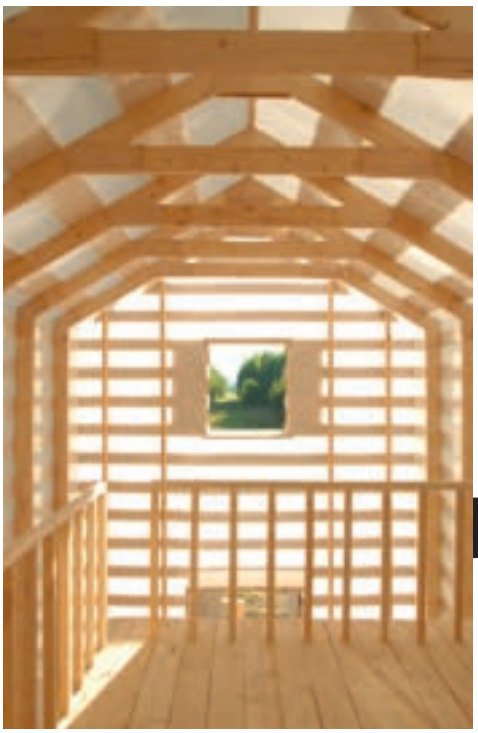


Фото: Александр Константинов

Мини-спа

Архитектор:
Дмитрий Кондрашов
Конструктор: Сергей Пенский
Инженер: Вадим Шалимо

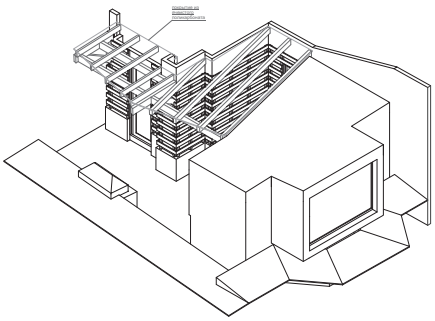
Москва

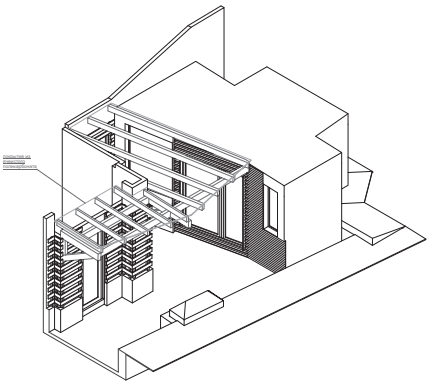
Шорт-лист

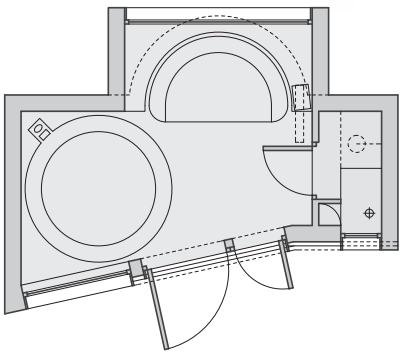
Пристройки и надстройки были в архитектуре всегда, но только в начале XXI века возникает новая тенденция, которая лучше всего описывается известным анекдотом про лягушку и бегемота. То есть главным героем оказывается именно лягушка, всячески эстетизируемая и дизайнируемая, но при этом название явления (parasite) указывает на то, что прилипла все-таки она. Ибо при всей своей образной независимости и обособленности подключается такой parasite к сетям и коммуникациям существующего здания-бегемота. Первый parasite проклюнулся в 2001 году на крыше промздания в Роттердаме — зелененький Las Palmas. Затем в том же городе приземлился голубой Didden Village от MVRDV, более заметен с улицы Legal Illegal Мануэля Херца в Кельне, ресторан Паскаля Грассо на крыше Пале-де-Токио в Париже (2009) фиксирует это уже как модный тренд.

В Москве такое тоже, конечно, случается, но по известным причинам редко афишируется. Но еще реже подобный parasite становится архитектурным явлением. В этом смысле деревянная мини-спа, явившаяся на крыше жилого дома в Замоскворечье, абсолютна уникальна. Во-первых, конечно, площадью — всего 11 кв. м. Каковых вполне хватило для размещения гидромассажной ванной и сауны с душевой кабиной (да и зачем больше, когда вся Москва отсюда как на ладони). Во-вторых, это стильный модернистский объем, хотя и слегка «недожатый» (в сравнении с авторскими эскизами).

В-третьих, нетривиальна история строительства. Обычно «объекты контейнерного типа» монтируют на заводе, привозят на место и подсоединяют к коммуникациям. Здесь же все пришлось монтировать на крыше с самого начала... Каркас спа — из бруса, кровля выполнена по деревянным балкам, покрытие — кровельное железо. Фасады отделаны влагостойкой фанерой, брусом и тем же железом. Окна — двухкамерный стеклопакет с деревянным профилем. Утеплитель — минвата и пенополистирол. Внутренняя отделка из лиственничной доски, частично из липы.







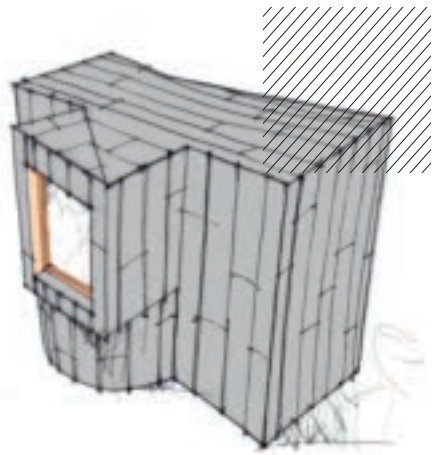


Фото: Илья Иванов

Летний домик

Metatecture
Архитекторы:
Евгений Морозов,
Анастасия Измакова

Московская область,
Поселок Зеленоградский

Шорт-лист

Тема надстроек (пристроек, достроек, обстроек) никогда не теряла в России популярности, особенно — в частном секторе, где вообще законы мягче. Однако мало какое здание можно было бы назвать сильно выигравшим в результате надстройки (разве что башни Кремля). Чаще наоборот: всякая надстройка с головой выдает сугубо экономические резоны, за ней (а точнее, под ней) находящиеся. Так что неудивительно, что молодые русские зодчие апеллируют не к советской надстройке, а к европейскому parasite: «Подобно растению-паразиту, которое приживается на дереве и питается его соком, дом располагается на крыше уже существующего строения, подключается к его коммуникациям и обвивает его своей оболочкой». Причастность же эту авторы доказывают делом, остроумно обыгрывая все вводные. Они не отстраняются от базиса (бывшего гаража), но втягивают его в игру, зашивая поверх бетона той же крашеной доской, что и надстройку. Сама же надстройка деревянная — как и роттердамский Las Palmas, но куда более очевидно, даже декларативно. Она не просто из дерева, но использует три разных его типа: каркас из деревянного бруса, обшивка фанерой и крашеная доска поверх. Но традиционность материала ловко оттенена тремя вполне авангардными ходами: цветом (красным), линией (диагональной) и объемом (консолью). Объем пересекает крышу гаража по диагонали, создавая весьма неожиданное пространство — конгломерат балкона и террасы: половина его под крышей, половина — нет. Скатная кровля вторит этому плану (полезная площадь — всего 23,4 кв. м!), падая к спальне и взлетая в направлении кабинета, который, к тому же, смело шагает за пределы гаража.

2010

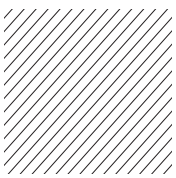


Фото: Metatecture

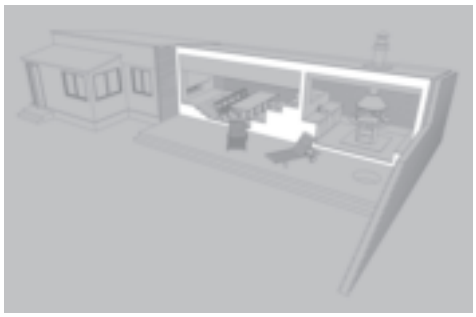
Беседка-разрез

Архитектурная лаборатория Дмитрия Александрова и Веры Гапон

Архитекторы:
Вера Гапон, Дмитрий Александров

Московская область, садовое товарищество «30 лет победы»

Шорт-лист



Самый модный формальный ход в мировой архитектуре середины 2000-х — «здание в разрезе». Архитектор как бы снимает одну из стен здания, демонстрируя, как оно сделано и что там внутри. Порыв не нов: весь XX век архитектура последовательно сбрасывает с себя лишние одежды. Но если конструктивисты просто и честно обнажали каркас здания, деконструктивисты кичились его устройством, то у нынешних мастеров силен привкус театральности (или вуайеризма). На этом приеме Бернар Чуми строит концертный зал Le Zenith в Руане (2004) и мануфактуру Vacheron в Женеве (2006), Ричард Мейер — юбилейную церковь в Риме (2005), в Москве его использует Александр Асадов (здание Союза архитекторов в Гранатном переулке, 2003).

Однако в «большой» архитектуре этот ход может воплотиться лишь как фрагмент здания, а здесь габариты сооружения позволил «разрезать» его целиком. Но не «одним росчерком пера», а широкой белой лентой из фанеры, которая логично утолщается на ступеньках и диване. Усиливает эффект разреза гомогенность внутренней отделки: все поверхности обшиты лиственницей. Эффектный формальный прием ничуть не противоречит функциональности, которая почти безбрежна (впрочем, и размер беседки не мал — 40 кв. м вместе с террасой), разве что оттеняет ее своей лаконичностью. Здесь две зоны: в одной — летняя кухня с барбекю, в другой — обеденный стол (он же рабочий), летний кинотеатр (он же — театр с небольшой сценой), зрительский амфитеатр в три уровня (он же — место, где можно просто поваляться).

Естественно, вся эта стильная композиция была продиктована ограничениями: беседка стоит по границе участка, с двух сторон окружена заборами, а с третьей — примыкает к существующей постройке (на стене которой и установлен киноэкран). Кроме того, архитекторы сохранили существовавшее дерево, пропустив его сквозь пол террасы, а свет — пропуская сквозь поликарбонат, забранный горизонтальной обрешеткой. Бюджет проекта — 1160 000 руб., довольная семья Савиных исправно жарит шашлыки.

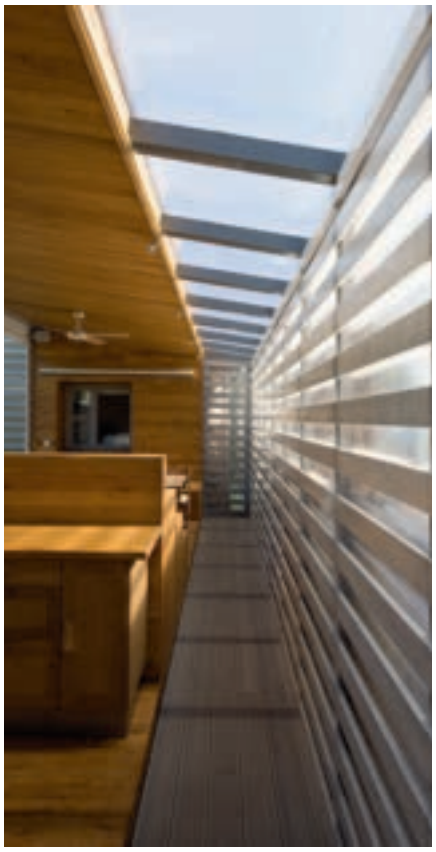


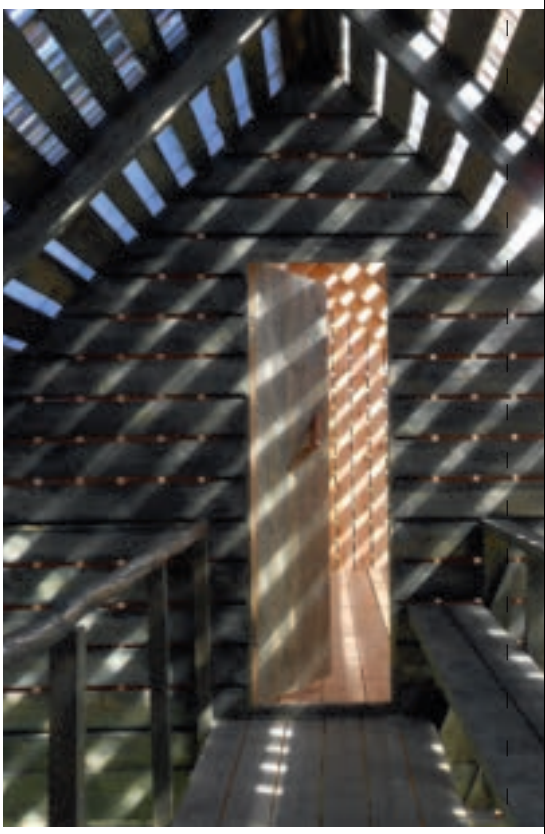
Фото: Илья Иванов

«Сарай сараев»

Manipulazione Internazionale,
Арт-группа Mississippi
Архитекторы:
Алексей Клинских, Олег Жуков,
Олег Поддубный, Михаил Скворцов

Калужская область,
Никола-Ленивец.
Фестиваль «Архстояние-2011»

Шорт-лист

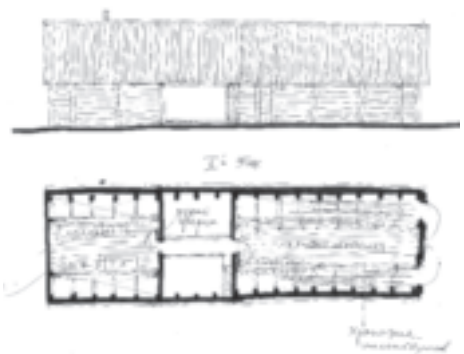


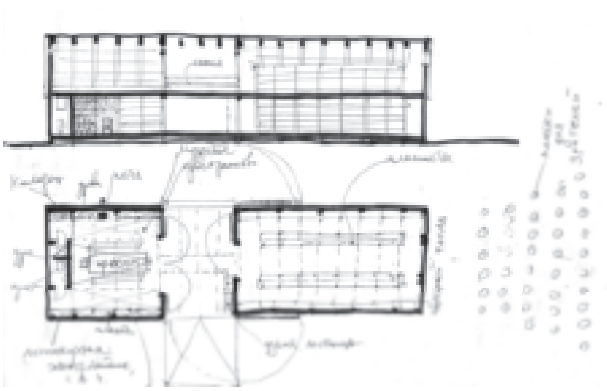
Борьба за простоту деревянной архитектуры венчается в 2011 году конкурсом «Архстояния» на проект сарая. Кураторы Петр Виноградов и Антон Кочуркин собирают в жюри главных адептов аскетизма (Александр Ермолаев, Евгений Асс, Александр Бродский, Юрий Григорян) и получают со всей страны 322 проекта! Вдохновленные результатом, организаторы строят не один, как планировалось, а шесть объектов.

Функционально «Сарай сараев» — это все что угодно, как сараю и полагается. Хранилище, мастерская, ночлег для гостей и даже штаб-квартира фестиваля. Для этого «всего» есть печка, колодец, стеллажи, полати, столы. Свет обеспечивают щели между досками, от дождя защищает слой поликарбоната.

Но главное здесь, конечно, образ: этот сарай как будто бы был тут всегда, для чего доски искусственно состарены лессирующими составами, а рисунки на фасадах предъявляют образы «бывших» вещей — не в платоновском, но в андрей-платоновском смысле. «Жизнь сарая — это застывшие и забытые предметы внутри и снаружи него. Солнце выжигает стены сарая, оставляя на них отпечатки предметов и людей, деревьев и кустов, колес и бревен — всего того, что стояло и сидело вокруг сарая и чего сейчас нет».

Образ оказывается слишком мощным для того, чтобы быть только про архитектуру или даже про «протоархитектуру». Критик Роман Должанский пишет: «Самый пафосный объект фестиваля вызывает не только возвышенные размышления о корнях и традициях. Слишком уж похожи стеллажи внутри него на нары, и сама собой является мысль о том, что в наших благословенных краях одна из самых распространенных функций сарая — это лагерный барак».





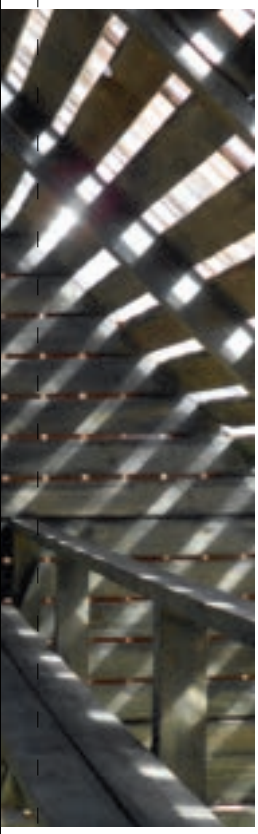


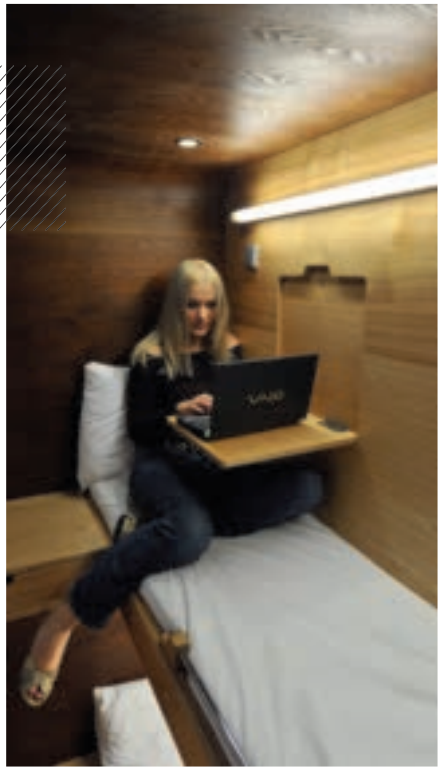
Фото: Manipulazione Internazionale, Николай Малинин

Sleepbox

Arch group
Архитекторы:
Михаил Крымов, Алексей Горяинов

Москва,
аэропорт Шереметьево

Шорт-лист



Герой притчи Льва Толстого «Много ли земли человеку нужно?» погнался (в прямом смысле — бегом) за увеличением жилплощади и упал замертво. И все, что ему оказалось нужно, — это три аршина земли. В рассказе «Крыжовник» Чехов с Толстым спорит: «Три аршина — это мертвецу нужно! А человеку — ему весь земной шар нужен!» Спор классиков разрешился вроде как сам собою: земной шар стал куда доступнее, а прогресс методично уменьшает размер нужных нам вещей, а соответственно — и необходимое количество пространства. Sleepbox при этом гениально отвечает на оба запроса: он и про «весь земной шар», потому что предназначен именно для путешественников, и про «три аршина» — потому что площадь его 4 кв. м.

Имея долгую и славную предысторию (всевозможные туристические мини-дома и кабины, японские капсульные дома и мини-отели) Sleepbox, тем не менее, был для России абсолютным прорывом: мини-жилища такого дизайнерского качества, заточенного при этом на тиражирование (с возможными модификациями), здесь никогда не было. Это не просто суперкомпактное жилище (2,5×1,6 кв. м, высота от 2,5 до 3 м), но и высокотехнологичное: здесь есть система вентиляции, розетки, встроенные LED светильники для чтения (помимо общего освещения), на окнах — шторы с электроприводом, что позволяет установить оптимальный режим приватности. Возможны также матирующая пленка на стеклах с изменяемой прозрачностью, mood lightning (светодиодные светильники с изменяемой цветовой гаммой света), встроенный медиаблок (телевизор, touch-screen монитор), Wi-Fi-роутер, будильник, интерком, сейф, встроенный универсальный терминал оплаты с выдачей магнитных ключей.

При всей своей универсальности Sleepbox вполне отвечает и национальным представлениям о пространстве («В тесноте, да не в обиде», «Не красна изба углами, красна — пирогами»), где первостепенное значение всегда придавалось не количеству пространства, а его качеству. Первый Sleepbox был установлен в августе 2011 года в терминале аэропорта Шереметьево. Это была базовая комплектация двухместного варианта, выполненная из МДФ, шпонированного натуральным ясенем. Потом около Белорусского вокзала открылся целый отель, весь составленный из Sleepbox'ов. Однако затем стало понятно, что широкой русской душе Sleepbox все-таки мал (точнее, конечно, дорог — как всякий золотник)... И в 2016 году проект переехал в США, а первый обновленный модуль был произведен и установлен в Бостоне в 2017 году. Был также разработан новый компактный дизайн, который больше подходит для установки в офисах. Американская пресса с энтузиазмом приняла новый продукт, и сегодня команда Sleepbox Inc. успешно работает с крупными корпорациями и над созданием отельных проектов в аэропортах.

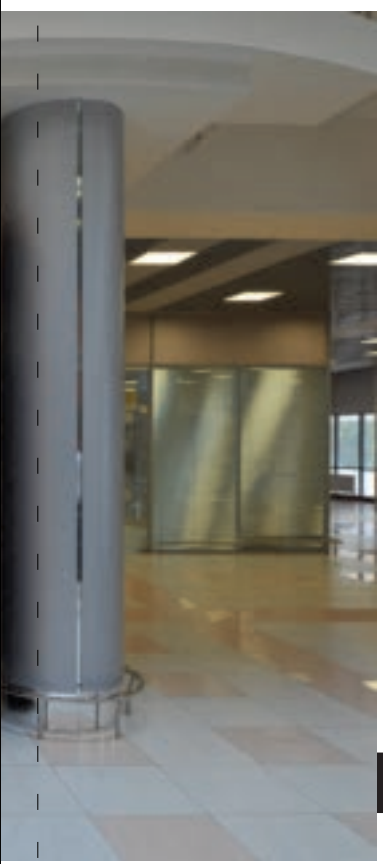


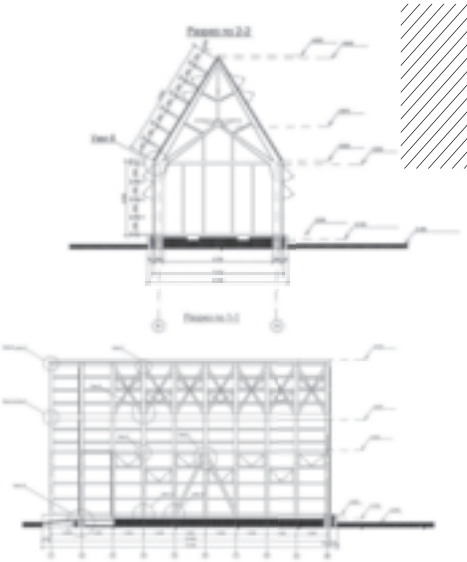
Фото: Илья Иванов

Оранжерея

«Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева»
Руководитель проекта:
Тотан Кузембаев
Главный архитектор проекта:
Александр Первенцев
Архитектор:
Анастасия Измакова
Конструктор:
Сергей Пенский

Московская область, курорт Пирогово

Победитель по версии жюри



Вытесненная после войны железобетоном клееная древесина применяется в СССР лишь в сельском хозяйстве: из КДК строят склады солей и минудобрений, коровники и курятники. «Мы в прямом смысле метали бисер перед свинками», — с грустью скажет конструктор Станислав Турковский. При этом инженерная мысль крепнет, в 1972 году строится завод КДК в Волоколамске, индустрия потихоньку расцветает, но тут кончается Советский Союз, а с ним и все сельское хозяйство. И логично, что сделанная из клееной древесины оранжерея в Пирогово апеллирует не к советским курятникам, а к европейским теплицам.

Оранжерея состоит из основного помещения, тамбура, в котором расположены датчики инженерных систем, и крыльца. Прозрачный кожух «натянут» на каркас из клееной древесины, состоящий из несущих рам и соединяющих их раскосов и укрупненной фермы. Все конструктивные узлы спроектированы со скрытыми крепежными элементами, а некоторые элементы фермы являются неотъемлемой частью несущей рамы, благодаря чему деревянный скелет этого здания кажется хитроумно составленным пазлом.

Стены и крыша оранжереи собраны из витражной системы RAICO, внутренний каркас сооружения — полностью из дерева. Благодаря этому создается интересный визуальный эффект: графитовые штрихи наружных конструкций словно подсвечены медовым оттенком повторяющих их изнутри деревянных балок. Усиливается эффект вечером, когда включаются фитолампы, выявляя двухчастную структуру объема, где в прозрачный домик побольше словно бы вставлен деревянный домик поменьше.

При всей внешней простоте сооружения это сложное техническое устройство: приборы обеспечивают температуру и увлажнение теплицы, автоматический полив растений и подогрев почвы. Фактически сюда интегрирована система «умный дом», только следит она за комфортом не людей, а рассады, причем управлять этой системой можно удаленно.

А еще оранжерея производит впечатление сказочного домика. Такими часто делают рождественские подсвечники: поставил внутрь маленькую свечку, и окошки уютно светятся, преумножая уют домашнего очага. Построенный в натуральную величину, «подсвечник» символизирует красоту простых экологичных решений, ставших стилем жизни Пирогово.

Анна Мартовицкая

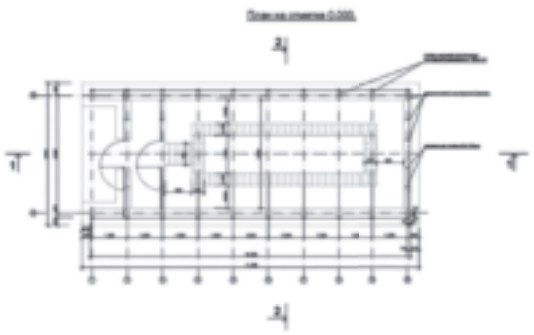


Фото: Илья Иванов

Детский домик на дереве

«АИ-студия»
Архитекторы:
Иван Колманок,
Петр Федосеенко,
Александр Томашенко,
Ксения Воробьева, Василий Сошников (руководитель бюро)

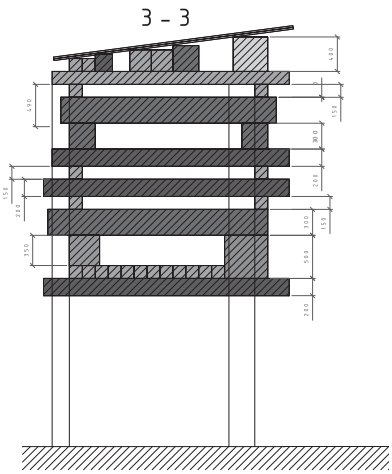
Московская область,
поселок Чигасово

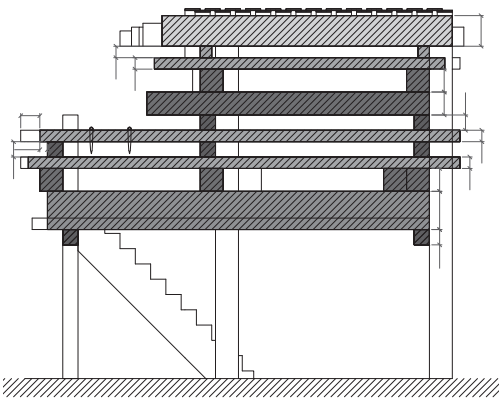
Победитель по версии жюри

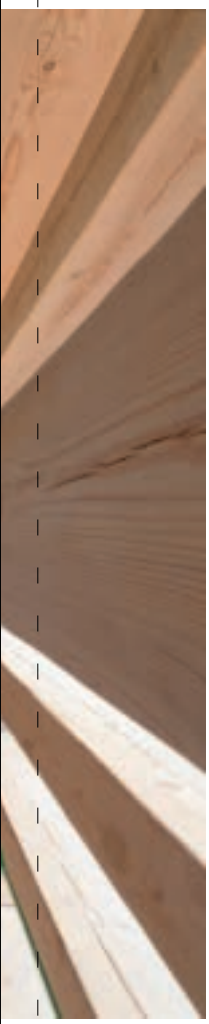
Кажущееся с виду экстремальным упражнение на тему «брус и его сортамент» еще более вызывающе выглядит в сочетании с функцией «детский домик». Однако с точки зрения реальной безопасности здесь все продумано и просчитано, тогда как привкус опасности есть дело совершенно необходимое в развитии всякого подростка. Кроме того, объект являет собою пропедевтически ценный образ конструктора — в ненатуральную, так сказать, величину. Ностальгическая забава по складыванию спичек в устойчивую конструкцию метафоризирована и отлично иллюстрирует другой важный для развития воображения текст — про Гулливера и великанов.

Домик на дереве проектировался на конкурсной основе для маленькой частной школы — как летний класс. Правда, реализацию себе нашел на частном участке более отважного многодетного хозяина. По задумке, сортамент подбирается под функцию: то есть лавка сформирована цельным брусом 500×500 мм, стол — это два бруса 300×300 мм, лежащие на лавке; пол (брус 150×150 мм) не нуждается в лагах; а лестница — кругляк D 600 мм, потому что бруса такого не нашли. Весь материал — ветровал или неликвид, оставшийся после массовой вырубки.

Своей неочевидной прагматикой домик напоминает «временные монументы» Юрия Аввакумова — деревянные оммажи русскому авангарду, но в сочетании с реальным брусом выглядит уже как объект брутализма. Подобного «брусализма» в русской архитектуре дотоле не было, но этот опыт пригодится авторам, когда они будут в страшной спешке проектировать и строить пешеходный мост на ВДНХ — столь же эффектный и тоже с цветным поликарбонатом, но уже переводящий игру на следующий масштаб.







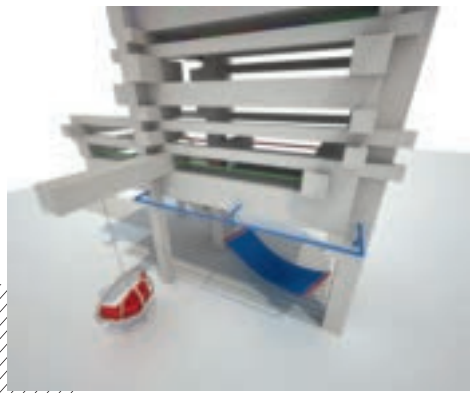


Фото: Алексей Народицкий

Дачное оригами

Архитектор:
Петр Костелов

Московская область,
Деревня Зенькино

Шорт-лист

Один из самых ярких авангардных экспериментов, практически наизнанку выворачивающий типологию загородного объекта и оформляющий привычные функции непривычными формами, он и сооружен мог быть, конечно, только по заказу телепрограммы «Дачный ответ». Которая берет на себя все расходы по проектированию и строительству, но за это требует от клиента полной покорности архитектору. Постфактум, впрочем, предоставляя и первому право высказаться о работе второго...

Семья Желановых, старшие — в прошлом спортсмены, и их такие же спортивные взрослые дети хотели получить максимум разных форм активности в ограниченных пределах участка. От волейбольной площадки до барбекю, включая летний кинотеатр, турники и купель. Все эти пожелания архитектор разделил на пять зон («водные процедуры», «отдых и загар», «тренажерный зал», «кухня и столовая» и «смотровая площадка») и лихо вогнал в 50 кв. м. Для чего пришлось сделать пространство многоуровневым и в итоге бесконечно меняющимся — автор назвал концепцию «книжкой-раскладушкой», имея в виду, что за счет прорезей все время образуются новые объемы и формы. Вертикальные и горизонтальные плоскости все время чередуются, открытые и закрытые части ведут свой диалог: дом максимально открыт природе, но при этом всегда готов и защитить от ветра, дождя и солнца. Граница между частями условна, перепады уровней завораживают, весь дом — сплошное приключение.

И конечно, радикальность этого эксперимента повергла клиента в некоторое изумление. «Первое впечатление было шокирующим: белый цвет, низкие потолки, постройка похожа на лабиринт. Обеденная зона маленькая, потолок давит». Впрочем, в реакции семьи Желановых нет ничего нового: также реагировали клиенты Райта, Миса, Корбюзье и даже Гауди. Одна из заказчиц последнего тоже возмутилась размерами музыкального зала и усомнилась, войдет ли туда рояль. На что Гауди ответил: «Тогда вы играйте на скрипке».

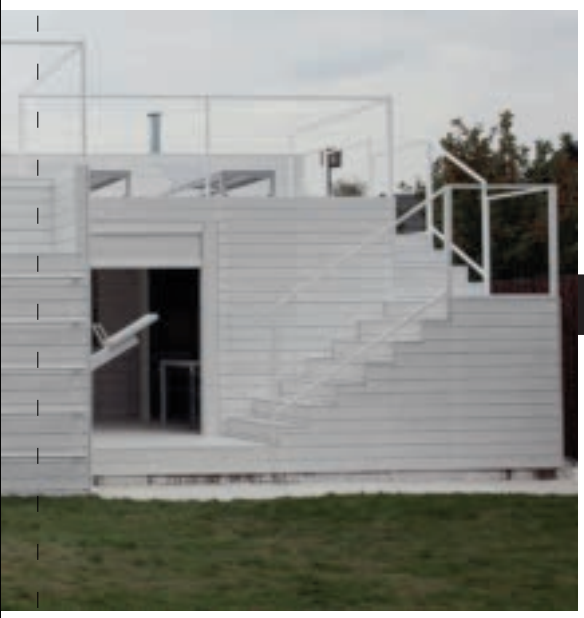
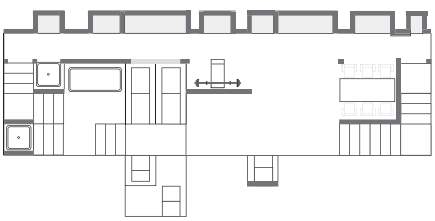
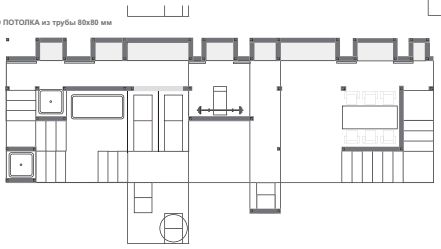


Фото: Зинон Разутдинов

ПЛАН СТЕН



ПЛАН СТОЕК ДО ПОТОЛКА из трубы 80х80 мм



Бассейн «Волна»

Архитекторы:
Александр Эрман,
Дмитрий Михейкин

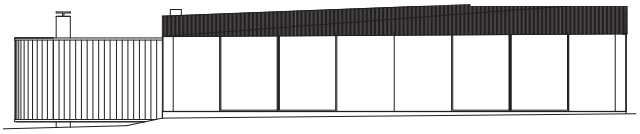
Московская область

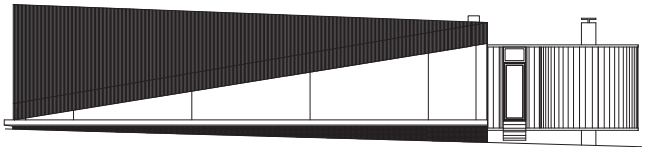
Шорт-лист

В 1950–1960-е годы архитекторы увлеченно экспериментировали с деревянными оболочками двоякой кривизны, из которых самой эффектной был гипар — с отрицательной гауссовой кривизной. Его ярко выраженная тектоничность рождала яркий образ, отлично соответствовавший выставочным, культовым и спортивным зданиям. Инфопавильон ЭКСПО в Брюсселе (Л.-Ж. Боше, Ж.-П. Блондель, Р. Саржер, 1958), коттедж в Хегенхайме (бюро «Шварц/Гутманн», 1961), церковь в Ровайтоне (Дж. Салерно, 1962) — на эти объекты молились советские инженеры, но сами ни одного гипара так и не соорудили.

Но Дмитрий Михейкин не зря пристально смотрит в ту эпоху, исследуя ее как историк. Получив возможность построить бассейн в частной загородной усадьбе, он сопрягает две свои ипостаси и смело венчает стеклянный объем деревянным гипаром. Кровля из брусьев лиственницы взлетает на 3,5 м у входа и плавно опадает к земле, рождая законный в этом сооружении образ волны. При этом кровля касается земли лишь одной точкой и в некоторых ракурсах кажется, что она стоит на своем острие. Стеклянные стены, дематериализующие объем, удачно подчеркивают эффект парящей — при кажущейся тяжеловесности — оболочки.

При всей эффектности объекта в нем нет ничего случайного и декоративного. Геометрия кровли образована четырьмя направляющими, получаемый гиперболоид образует вылет навеса входной террасы. Периметр здания с трех сторон ограничен структурными стеклопакетами jumbo-размеров. При этом фронт остекления может быть раскрыт на 50 %, таким образом, летом бассейн становится практически уличным. А зимой, благодаря остеклению до пола и примыканию чаши бассейна к фасадам, плывущий оказывается практически на уровне снежного покрова. К боковому фасаду примыкает круглый в плане флигель из стеклопрофилита с раздевалкой, душевой и туалетом. Флигель соединен с основным корпусом переходом так, что в плане пристройка напоминает силуэт улитки.





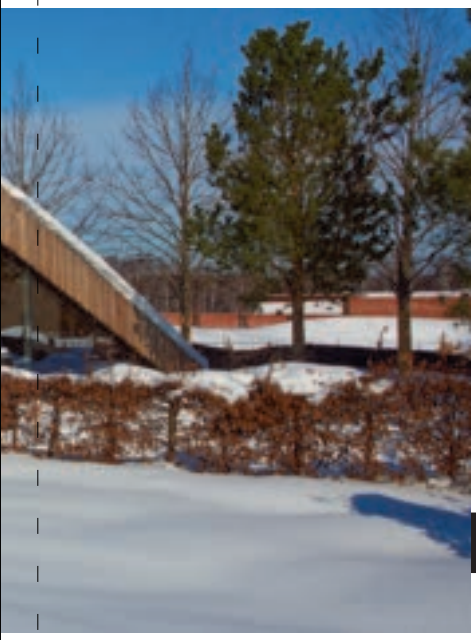


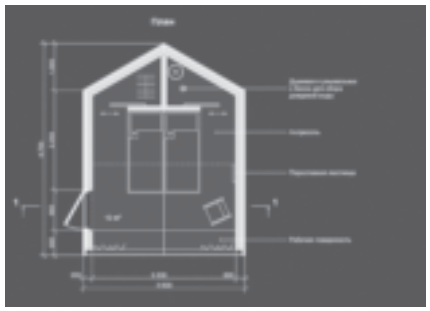
Фото: Дмитрий Михейкин

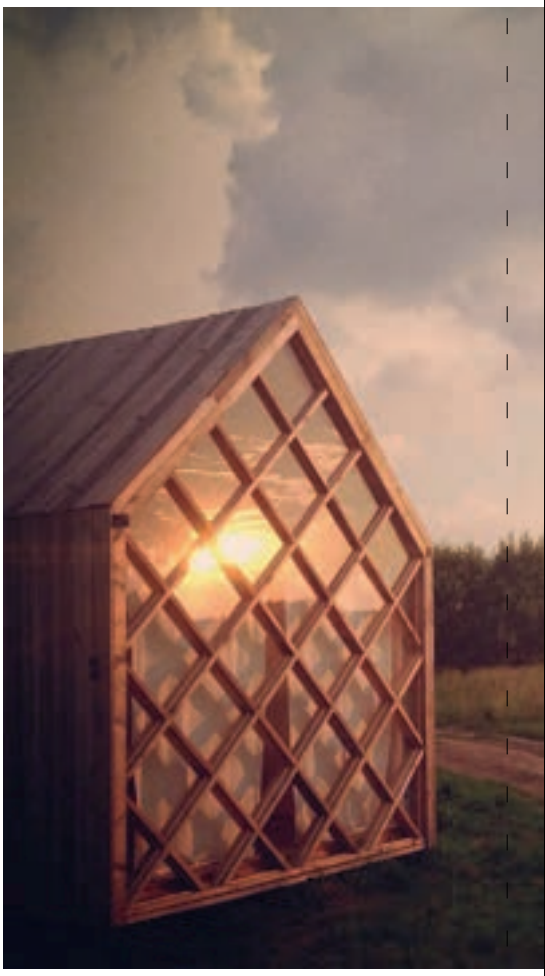
Домики «Клевер»

«МЕЛ»
Архитекторы:
Федор Дубинников, Павел Чаунин

Калужская область,
деревня Никола-Ленивец

Победитель по версии жюри и народа





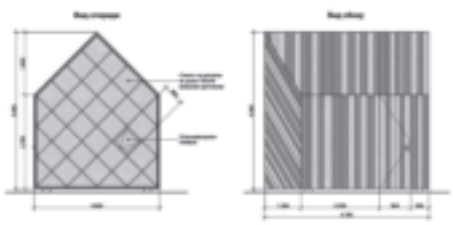
Проект модульных домиков «Клевер» появился одновременно с проектом «ДубльДом» Ивана Овчинникова, отвечая, с одной стороны, на запрос времени (компактное, недорогое, быстровозводимое жилище), а с другой стороны — на конкретную потребность деревни Никола-Ленивец обеспечить кровом растущее в геометрической прогрессии население фестиваля «Архстояние».

Но, в отличие от «ДубльДома», «Клеверы» рассматривались как временное жилище, поэтому были подешевле и попроще, на что и намекали грубой старой доской обшивки. Ею конструкция из деревянного бруса обшивалась снаружи, внутри — белой фанерой. В качестве утеплителя использовались тоже материалы вполне посконные — прессованная солома или натуральный лен.

Кроме того, домики предполагали не частнособственническое уединение, а, наоборот, тесное (хотя и временное) сожительство близких по духу людей. Поэтому и по типологии это скорее таунхаусы, подразумевающие не просто модульность, но и бесконечное продолжение, а также комбинирование. Для чего был разработан остроумный план, обеспечивающий разные возможности примыкания домиков друг к другу (и дающий, соответственно, разнообразие в пространстве и вариативность во времени). При этом план оказался практически идентичен разрезу: только в треугольнике первого прячется душевая, а во втором — антресоль.

В этой вертикальной организации — второе принципиальное отличие от «ДубльДома». Еще более скромный размер «Клевера» (12 кв. м) не означает убогости пространства именно за счет двухуровневости, вызывая в памяти ячейки Моисея Гинзбурга. Каковое сравнение не так уж натянуто, учитывая, что весь интерьер «Клевера» залит светом: весь главный фасад полностью остеклен (а соты диагональных рам отлично символизируют идею модульности).

Знаменательно, что ловко найденный образ пошел в работу и превратился пару лет спустя в проект типового дома Cabina Nina, который почти идентичен по планировке, но уже чуть больше (6 × 3 м) и подразумевает более капитальное наполнение (добавились кухня, санузел, терраса) и исполнение: конструкция из структурных теплоизоляционных панелей полностью изготавливается на заводе. При этом стремительность реализации ровно та же: монтируется Nina на месте за один день, вставая, как и «ДубльДом», на сваи.



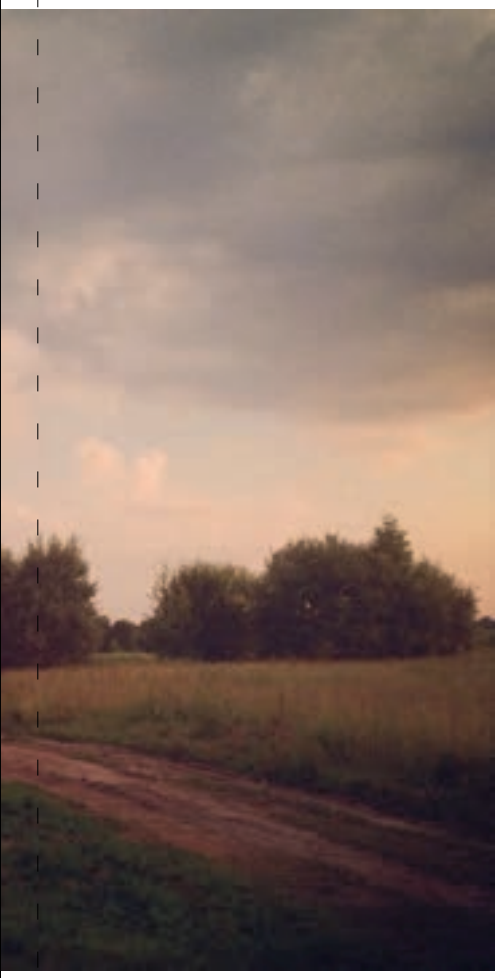


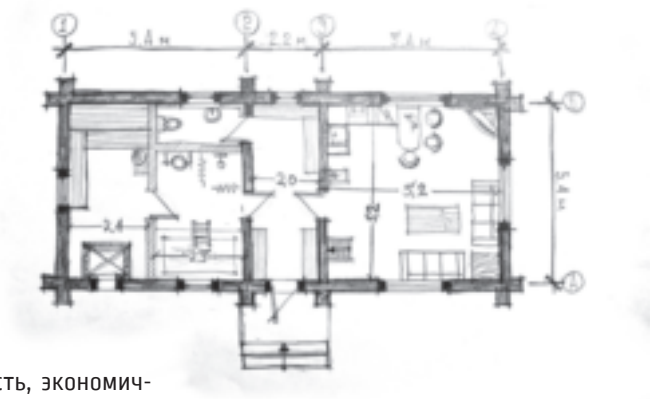
Фото: Илья Иванов, Маша Кушнир, Дмитрий Карпов, Владимир Черняховский, Александр Смирнов

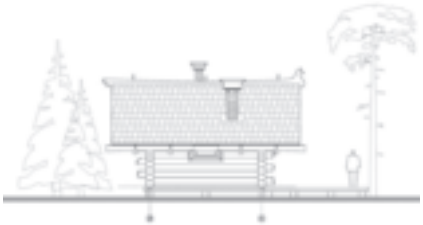
Баня «Верея»

Режень-проект
Архитектор:
Егор Соловьев

Московская область,
Серпуховской район, деревня Лужки

Шорт-лист





Культовое деревянное зодчество знаменито формой, крестьянский дом — резьбой. Это был самый распространенный (поскольку единственно доступный) способ украшения жилища. Изначально сакральный смысл его (орнамент как оберег) постепенно истаял, а в силу массовости и разнообразия явления воспринимается оно как признак национальной склонности к украшательству. Поэтому и в шорт-листе премии АРХИWOOD трудно обнаружить представителей «русского стиля». Авторы, которые обращаются к оформлению своих сооружений в этом ключе, как правило, куда меньше заботятся о композиции, объемах, планировке — то есть об архитектуре как таковой. Что, впрочем, характерно и для самого «русского стиля» второй половины XIX века: он тоже был больше про декорирование, чем про пространство.

В этом смысле баня Егора Соловьева — редчайший случай: декоративные элементы в стилизованных формах народной деревянной архитектуры надеты на модернизированную избу. Вроде бы традиционные технологии, узлы и детали: охлупень, причелины, полотенца, курицы, потоки. Но и общими горизонтальными пропорциями, и пропорциями окон баня недвусмысленно проговаривается о том, в какой век она сделана. При этом нельзя сказать, чтобы автор был адептом авангарда, наоборот: он упрямо строит вещи традиционные. Но пытаясь решать современные задачи, обеспечить долговечность, энергоэффективность, экономичность и комфорт, он невольно приходит к современному образу.

Так, например, чтобы минимизировать затраты на отопление, автор использует крупные кедровые бревна — диаметром от 38 до 42 см. Да, это позволило отапливать баню электрическими обогревателями, но главное в другом: радикально изменился масштаб частей и целого. Логично изменился и внутренний масштаб: появился инновационный антресольный этаж (на двадцать человек). Что, в свою очередь, потребовало и дополнительного света. Но, оставаясь традиционно узкими, окна превратились в панорамные. Автор снабжает их полагающимися наличниками, но теперь и они становятся горизонтально вытянутыми — чего никогда не бывало в традиционной архитектуре. Завершает тему контраст небрежно отесанных бревен и аккуратно выпиленных причелин — хотя это уже скорее парадокс.

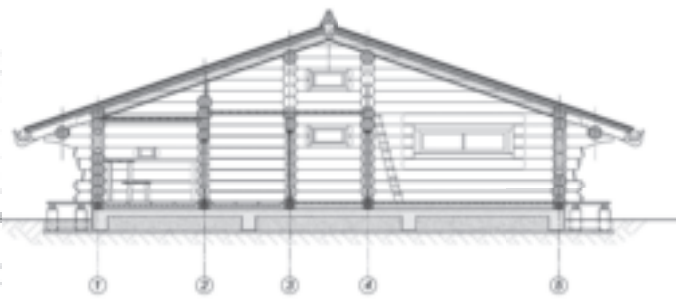


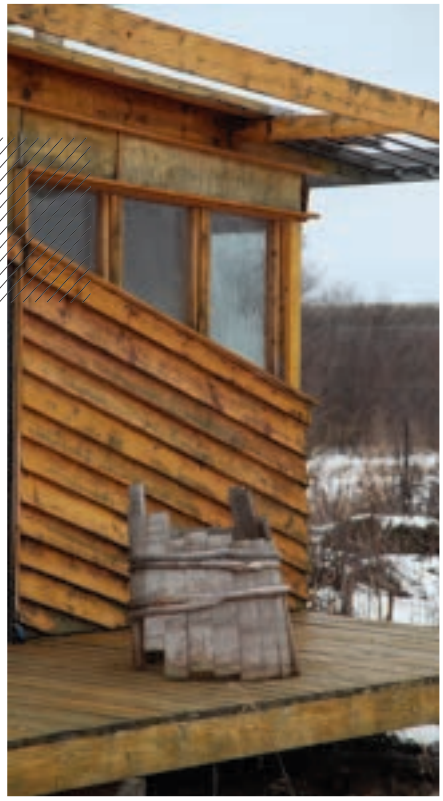
Фото: Егор Соловьев

Баня в Клюшниково

«АрхБюро 610»
Архитекторы:
Олег Волков, Иван Поляков,
Лев Поляков

Московская область,
Дмитровский район,
деревня Клюшниково

Победитель по версии жюри



Сооружение, находящееся на грани лоу-тека, не только победило на премии ARCHIWOOD, но вызвало большой энтузиазм у критики, сравнившей его с «деревянными павильонами Константина Мельникова и металлическими — Александра Асадова конца 1990-х годов». Собственно, продемонстрировать эту возможность — соорудить в режиме самостроя и «за три копейки» нечто образно выдающееся и было задачей авторов (они же пользователи). Баня, как и жилой дом 2012 года, представляет «поселок архитекторов» в деревне Клюшниково: сами себе выстроили, сами тут и живут. (Что есть достойный ответ на визг тормозов эпохи: уходят в себя и сообществами выживают).

«Заковыристое сооружение», как написал другой критик, это каркасное строение размером 3×4 м, утеплитель — минвата 100 мм, полторы стены сделаны полностью из сотового поликарбоната 16 мм. Внутри — парилка (1,8×1,8 м), душевая и комната отдыха. Мебель в комнате отдыха может раскладываться в спальное место. Кровля плоская, эксплуатируемая, с видовой площадкой.

Критикам также показалось, что «пластика строения несколько избыточна» — хотя речь всего лишь про косую обрешетку и большой вынос плоской кровли. Однако и то и другое конструктивно связано, а вынос необходим, чтобы создать при бане многофункциональную террасу, которая будет использоваться для театральных представлений. Наконец, кто-то написал, что «смотреть на такую баню холодно — кажется, что она сильно продувается ветром» (что, конечно, не так), а то, что «в этом смысле она анти-баня, нечто противоположное традиционным крепким избушкам», это действительно часть замысла: показать, что бане совсем и необязательно быть «Вереей» (как баня Егора Соловьева), что она вполне может быть и «Махоркой».

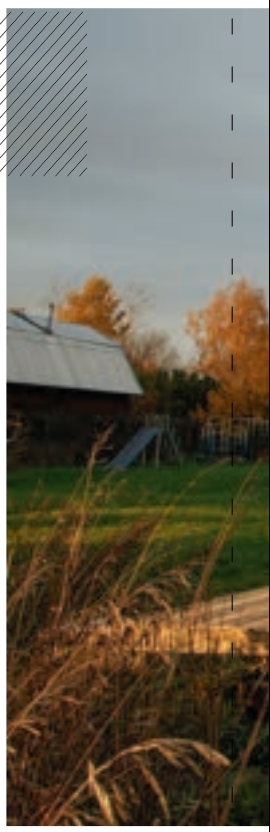


Фото: Олег Волков

«Сказка». Баня и гостевой дом

«НЛО», проектное бюро
Архитектор:
Дмитрий Михейкин

Тульская область

Шорт-лист

«Если ты пьешь с ворами, опасайся за свой кошелек», а если ты строишь свой дом в сельской местности, озаботься его безопасностью. Обычные граждане решают этот вопрос многометровыми заборами, но у архитектора — собственная гордость. Поэтому его дом представляет собою монолит, окна которого в отсутствие хозяев наглухо закрыты ставнями, сливающимися с поверхностью стен (хозяин возвращается — и дом преображается). Однако избыточная монолитность сооружения не дает покоя зодчему — и он обшивает его декоративной обрешеткой, которая радикально меняет образ, делая его значительно грациознее. При этом рисунок обрешетки не случаен: он в точности повторяет структуру обрешетки каркаса, идущей под углом 45 градусов (в одну сторону снаружи и в другую сторону — внутри, что и дает диагональную сетку). Угол этот тоже не случаен: он дает дополнительное усиление несущей конструкции. То есть архитектор таким образом выявляет скрытую тектонику здания — идя в этом направлении за Людвигом Мис ван дер Роэ, который в тех же целях прилаживал к фасадам своих небоскребов двутавровые балки (а на упреки в декоративности отвечал, что без них the buildings did not look right: «здания не выглядели бы как надо»). Но если со стороны деревни объект Михейкина и выглядит «как надо» — привычным дачным домиком со скатной крышей, то к главному входу на участок он обращает совершенно феерическую картину. Гигантские французские окна властно прорастают сквозь его тело, напоминая уже о новых московских мансардах, нахлобученных на старые дома. Однако то, что в городе выглядит чудовищно, в дачном домике звучит как осознанный гротеск — хотя и там, и там решается одна и та же чисто функциональная задача: увеличение жилого пространства. Но здесь автор остроумно гармонизирует низ и верх, делая эти мансардные окна продолжением окон нижних, — и кажется, что это мисовские небоскребы проросли сквозь русскую избушку. Таким образом обе ипостаси хозяина (историка архитектуры XX века и практикующего архитектора) соединяются, являя собою его адекватный портрет, что и подчеркнуто в названии дома. Полезная площадь его — 110 кв. м, деревоклееный каркас обшит лиственничным планкеном (изнутри — той же доской с обеих сторон обрешетки), фундамент ленточный на сваях, стропильные конструкции из клееной древесины со скрытыми металлическими закладными, кровля металлическая фальцевая.

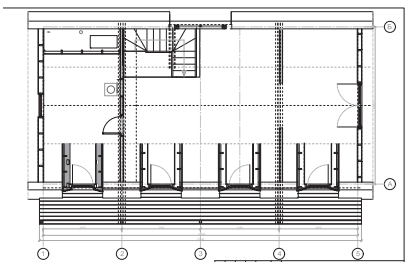


Фото: Дмитрий Михейкин

«Дом-дровница»

Архитектор:
Рустам Керимов

Московская область

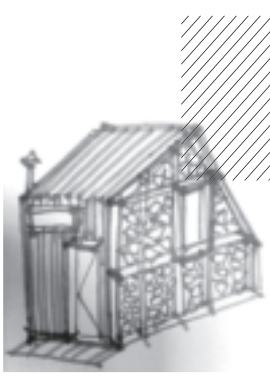
Победитель по версии жюри и народа

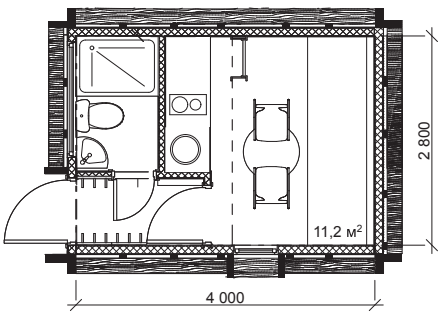
«Задача, поставленная Романом (заказчиком), заключалось в том, чтобы построить небольшой гостевой дом (общей площадью 17 кв. м), который на время строительства основного дома можно было бы использовать в качестве бытовки для рабочих. Дом должен был стоить меньше 150 000 руб., быть спроектирован и сделан в течение двух недель и иметь интересный архитектурный облик, так как находится на достаточно заметной части участка...»

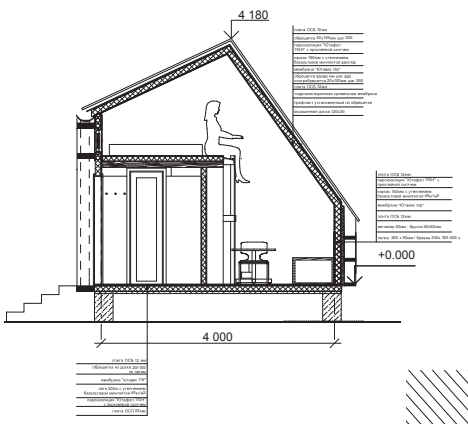
В дискурсе о деревянной архитектуре практически отсутствует понятие «юмор». Иронии и сарказма — сколько хочешь, пафоса тоже много (избыток которого, собственно, и порождает ироническую реакцию). Но и его происхождение понятно: дерево семьдесят лет третировалось и забывалось, в результате оказавшись в невольной оппозиции всему общемировому и прогрессивному. Когда же борьба началась уже с этими ценностями (а потом ее подхватило государство), дерево — снова невольно — переполнилось пафосными смыслами «самобытного» и «национального». Поэтому сегодня так затруднительно «внепартийное» говорение о дереве, а уж тем более — юмористическое, лишенное как критики, так и ура-патриотического экстаза.

Именно поэтому «дровница» уникальна — при ее кажущейся простоте. Но в том и секрет, что Керимов работает с базовыми архетипами. Силуэт «дровницы» — это ровно то, что сделает любой ребенок в ответ на просьбу «нарисуй домик». А заполнение силуэта — обычная поленница, которая фоном проходит во всякой сельской местности. Но соединены эти привычные вещи непривычным образом, что и рождает эффект юмористического. Но тут не только бревна лежат перпендикулярно стене, тут еще и скособоченная крыша (вполне тектонично «упавшая» туда, где бревна меньшего диаметра), и жесткая геометрическая сетка полок (хотите — мондриановская, хотите — декартовская), которая структурирует все это природно-народное месиво.

Но отнюдь не только сетка — здесь есть все, чем гордится прогрессивная мировая архитектура: экономичность, экологичность, локальные материалы, местная традиция, вторичное использование, утилизируемость, трансформируемость. При этом фасад не просто трансформируемый, он меняется непрерывно, да еще и партисипаторным образом — с участием местных жителей, а точнее — одного, то бишь, хозяина. И это уже переосмысление не визуального образа, а самого архетипа — та «теплота», которой мы привычно обозначаем приятность деревянного дома, становится теплом: фасад дома плавно превращается в огонь печи. Искупая тем самым недостаток энергоэффективности, каковой аргумент лежит на противоположной чаше весов в разговоре о деревянном доме.




2 800
11,2 м²
4 000

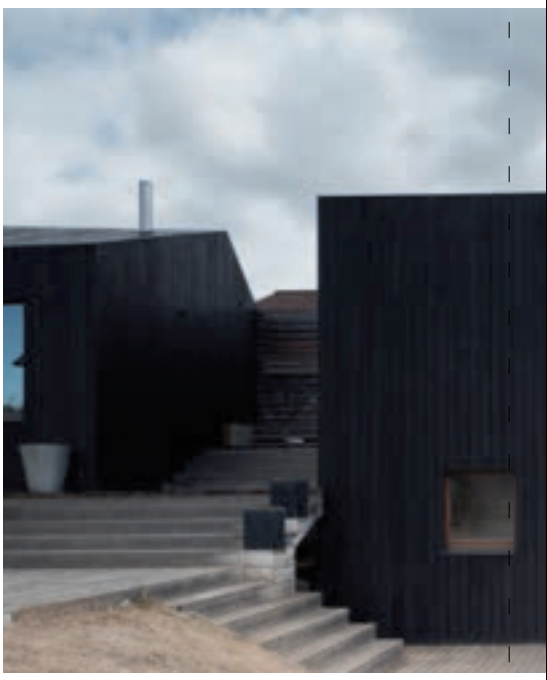

4 180
+0.000
4 000

Баня

«Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева»
Архитектор:
Тотан Кузембаев

Московская область, Солнечногорский район

Шорт-лист



Это скромное сооружение строилось долго. Это никак не повлияло на его качество (что часто бывает), но немного скорректировало его восприятие. Сегодня оно кажется слишком модным. Черный цвет еще не стал обыденностью для русского деревянного дома, но его давно уже «носят». Равно как и скошенный в двух направлениях конек крыши — на каковом приеме Сергей Скуратов даже построил большой городской объект («АртХаус» в Тессинском переулке). Там же можно увидеть и окна «вразбежку» — разного формата и на разных расстояниях друг от друга.

Все это есть и в кузембаевской бане, но на самом деле она является логическим продолжением главного дома и задумана была вместе с ним. Дом же, построенный в 2008 году, уже содержал все эти приемы (только роль черного цвета исполнял в нем серый металл). Частью того же комплекса является и здание гаража, решенное в той же стилистике, с баней объединенное необычным открытым пространством, которое логичней всего назвать «завалинкой». Впрочем, таких стильных завалинок в русской архитектуре еще не было, не говоря уж, что к пруду она бежит совершенно «изменившимся лицом» — превращаясь по дороге то в амфитеатр, то в террасу, то в лестницу.

«Баню мы строили, полностью импровизируя на месте, — уверяет автор. — Ничего не было, кроме плана (наброска плана). Забили колышки, связали сарай с баней. На месте даже определяли высоты — смотрели на соседей, чтобы не очень загораживали. Окна и витражи собирали, как говорится, «с миру по нитке»: некоторые сосед дал, некоторые друзья, некоторые со стройки остались. И даже разного цвета они были, пришлось полностью закрыть рамы, оставили только стекло. Образ бани брали с дома, он горбатый, и баню решили так же сделать. Баня находится почти на уровне воды, и от нее сделали террасу к пруду».

Лукавое простодушие авторских комментариев не должно смутить читателя, ясно видящего, как даже самые «модные» приемы мастер доводит до совершенства, превращая скромный по функции проект в эталон стиля (или хотя бы — «тренда»).

Фото: Илья Иванов

Общественное сооружение

Номинация

Самая сложная номинация премии, потому что под нее подпадают самые разные объекты — и по функции, и по размеру, и по бюджету. Поэтому и сравнивать их сложно, и результат конкурса часто спорный. Но тут было очень важно доказать, что дерево может быть не только частным домом (как оно воспринималось в России долгие годы), но и с успехом справится с ролью клуба, кафе, выставочного зала, спортсооружения и даже офиса.

Аквапарк «Питерлэнд»

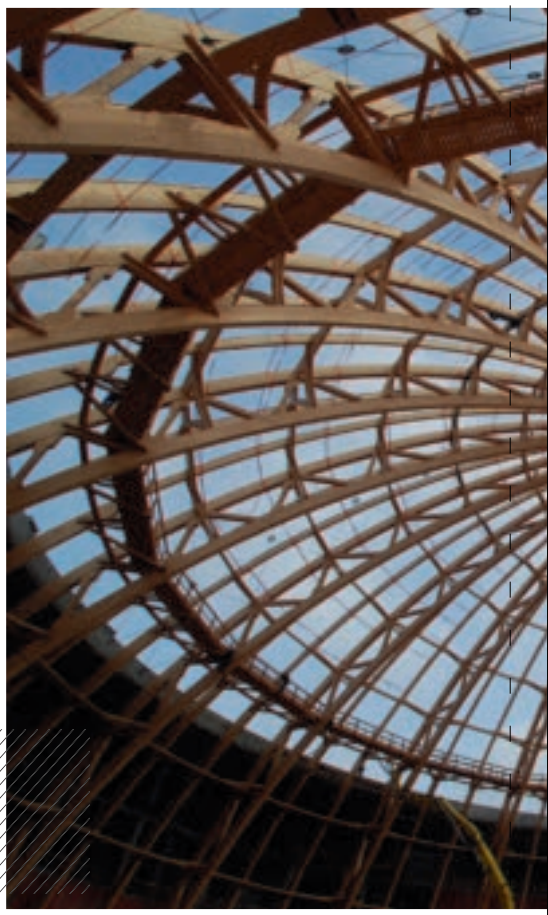
ЦНИИСК им. В. А. Кучеренко
Архитекторы:
Станислав Турковский,
Александр Погорельцев и другие

Санкт-Петербург,
Приморский проспект, 72

Победитель по версии жюри

Победное шествие в XX веке новых материалов (чугун, сталь, железобетон) и открывшиеся благодаря им возможности раздвигать здания ввысь и вширь (небоскребы, перекрытия больших пролетов) на много лет затмили клееную древесину (КДК). Хотя с тех пор, как в 1907 году немец Отто Гетцер склеил казеиновым клеем две доски, архитектура из КДК развивалась семимильными шагами — в том числе и в СССР. Первыми опытами их использования стали павильоны ВСХВ-1923, над которыми работали Александр Кузнецов и Генрих Карлсен. Затем Карлсен создает лабораторию, которая проектирует деревянные своды-оболочки, а в 1930 году над зданием московского завода «Полиграф» возводится первый двойной гнутый свод, развивающий в дереве идеи Шухова о возможности включения в общую работу конструкции второстепенных элементов покрытия... Затем Карлсен патентует систему, позволяющую перекрывать деревянным сводом-оболочкой пространство до 200 м, а первую конструкцию по этой системе строят в 1931 году — над стекольной печью стеклозавода в Горьком. В 1933 году в Иваново строится цирк, чей полусферический купол диаметром 50 м образовывала арочно-каркасная конструкция из 32 деревянных полуарок (здание снесено в 1977 году). В Москве самым ярким примером пространственной конструкции из дерева стал Арбатский рынок (сгорел в 1941 году), в Саратове — также цирк (1931), своды которого, правда, покоились на кирпичном основании.

А вот в ивановском цирке свод начинался прямо от земли — и также в здании питерского аквапарка. Самый большой в России деревянный купол (диаметром 90 м!) возводился с применением технологии клееной древесины, армированной металлическими стержнями, — это ноу-хау Станислава Турковского, ученика Карлсена, который возглавил лабораторию КДК в ЦНИИСК им. В. А. Кучеренко. Изначально сооружение мыслилось в бетоне, потом в металле, но затем все согласились, что именно деревянные конструкции будут наиболее уместны в парке на берегу моря. Кроме того, КДК уместны в тех случаях, когда нужно перекрыть большое пространство или где есть агрессивная среда, — а здесь и то и другое. Увы, обычно оценить это по достоинству сложно: эффектный конструктив снаружи часто прикрыт чем-нибудь неадекватно невзрачным. Здесь же вся красота деревянных конструкций осязаема, потому что купол накрыт полупрозрачным пластиком (а изнутри видишь облака).



Ресторан

«Карлсон и К», АСБ
Архитекторы:
Олег Карлсон, Александр Куликов

Московская область,
поселок Жуковка

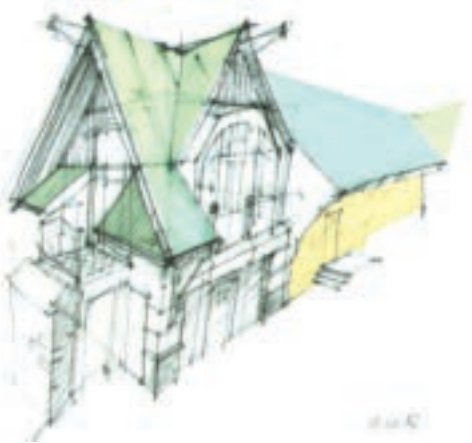
Шорт-лист

В 1990-е годы Россия переживала увлечение стилем «модерн». Последнее архитектурное воплощение «России, которую мы потеряли», он казался тем, что можно и нужно продолжить. Страну наводнили здания с мозаикой и кривыми линиями — в Москве весьма ужасные, вроде «Наутилуса» на Лубянке, Нижний Новгород — вполне прекрасные. Мода на модерн быстро сошла (как и он сам когда-то), однако оставила ощущение, что потенциал стиля был востребован не весь: все же кривая линия модерна была не прихотью Гектора Гимара, а и производной от пластических свойств новых материалов.

В деревянной архитектуре начала XX века модерн оставался сугубо декоративным трендом (клеить и гнуть дерево тогда еще не умели) — что и составило профессиональный вызов для Олега Карлсона, который рискнул собрать эти вводные: недовоплощенный ресурс стиля, теплящуюся у общества страстишку к модерну и возможности клееной древесины. В результате появился этот ресторан, округлости которого возникают непосредственно из новых технологий, а лейтмотивом пространства становится круг, любимый модерном. Этот круг, состоящий из клееных рам, определяет форму интерьера, находясь в обоих торцах здания, а также служит входом. Ему отвечает такой же круглый витраж на заднем фасаде с расписным стеклом а-ля модерн — чтобы уж ни у кого сомнений не осталось. А для знатоков есть лесенка, резной отделкой живо напоминающая особняк Дерожинской Федора Шехтеля, а стены с разбросанными по ним эмблемами — другой особняк мастера, дом Саввы Морозова.

Однако если убрать весь этот декор, то каркас ресторана вполне мог бы сойти и за один из объектов знаменитой выставки ВСХВ 1923 года — например, павильон луговодства Жолтовского и Колли. Эта выставка была не только первым прорывом авангарда, но и главным полигоном испытания каркасных технологий, которые должны были прийти на смену рубленому дому. В этом ракурсе круг Карлсона видится иначе: все же модерн больше любил подковообразные проемы, а уж если и задействовал круг, то он был томно оплывшим. А это уже практически круг авангарда, ровный и полный. Учитывая же, что выставка 1923 года только наполовину была авангардной (Мельников, Лисицкий, Экстер), а одной ногой еще стояла в традиции (но при этом — в отличие от Карлсона — не могла себе позволить контрреволюционных аллюзий), можно сказать, что Карлсон провел уникальный эксперимент по сопряганию трепетной лани модерна и ретивого коня авангарда.

Генеральный план



«Стрелка»

WOWHAUS
Архитекторы: Дмитрий Ликин, Олег Шапиро, Ольга Рокаль, Анастасия Рычкова, Галина Серебрякова,

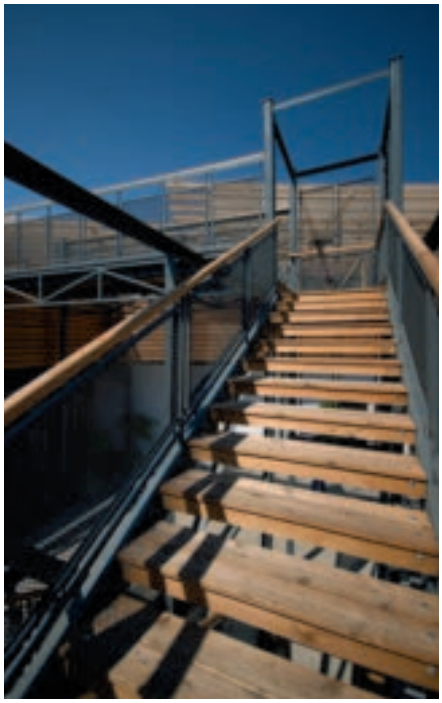
Москва, Берсеневская набережная, дом 14, строения 5 и 5а

Победитель по версии жюри

В 2010 году случилось, наконец, то, о чем так долго говорили большевики: дерево прорвалось в город. Весь мир давно уже возводил посреди каменных джунглей кафе, эстрады, выставочные залы и прочие сооружения из дерева, гуманизируя среду и восстанавливая материально-визуальный баланс. А на всю Москву были бассейн «Чайка», школа в Северном Бутово, мост на МКАД да пергола в Нескучном. Но вот тщанием бизнесмена Александра Мамута и креативного гения Ильи Ценципера в Москве открылась «Стрелка» — место для обучения, а также для публичных мероприятий. Следуя своей задаче быть самым прогрессивным заведением, «Стрелка» не могла не прибегнуть к самому актуальному материалу, и все постройки бывших гаражей «Красного Октября» взяла в дерево. При этом оно использовалось и как строительный, и как отделочный материал, задавая общий тон всему пространству. Именно за счет него удалось функционально и стилистически объединить разные части комплекса: учебные корпуса, двор с амфитеатром, бар с его интерьером и летней террасой.

Начался проект с устройства эксплуатируемой кровли на здании магазина конфет. Конструкция должна была быть легкой (здание было не в лучшем состоянии) и предусматривать зимовку под открытым небом — так появилась террасная доска из лиственницы. Из нее же соорудили навес и лавки, а барную стойку — из ламинированной фанеры. Амфитеатр — логическое продолжение террасы, он связывает воедино пространство двора и бара. Деревянная «волна» спускается с крыши во двор, давая ему новое, третье измерение. Конструкция амфитеатра — металлический каркас, сверху покрытый той же доской из лиственницы, что и терраса. Кроме него во дворе появились мастерская художников и ангар, где находятся информационный центр и уличный бар. Оба этих здания построены из сэндвич-панелей, невзрачная фактура которых скрыта деревянной обрешеткой.

Тема дерева поддержана и в интерьере. Бывший гараж — не самое комфортное для нахождения людей помещение, особенно если они там учатся. Поэтому для создания шумо- и теплоизоляции была также применена деревянная обшивка, а на пол легла доска. А для того чтобы учебные корпуса не были похожи на дачу или баню, вагонку выбелили. Много дерева и в интерьере бара. Для отделки части стен, а также фасадных окон были использованы старые заборные доски, которые собирали по подмосковным деревням. На полу — дубовый паркет, который со временем вытерся и стал еще красивее. Колонны и стены обшиты деревянными панелями.



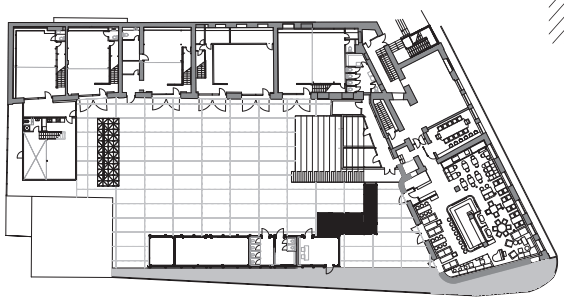


Фото: Илья Иванов

Шахматный клуб

FAS(т)
Архитекторы: Александр Рябский, Ксения Харитонова, Михаил Звягин

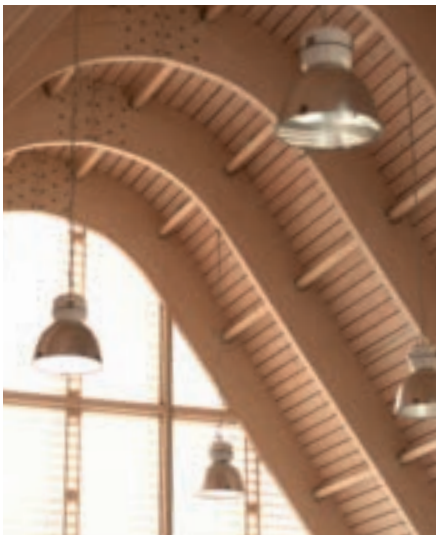
Москва, Парк Горького, Нескучный сад

Победитель по версии народа

«Пределы комнаты расширились. Гнилые стены коннозаводского гнезда рухнули, и вместо них в голубое небо ушел стеклянный тридцатитрехэтажный дворец шахматной мысли. В каждом его зале, в каждой комнате и даже в проносящихся пулей лифтах сидели вдумчивые люди и играли в шахматы на инкрустированных малахитом досках». Проекту великого комбинатора не суждено было сбыться, полноценный шахматный дворец построили лишь в Ереване (1970), а после СССР шахматы из государственного проекта превратились в такую же тихую гавань, как филателия или макраме.

Тем удивительнее, что в Нескучном саду появился этот, пусть не дворец, но совершенно удивительный объект. Он построен вместо старого навеса, на намоленном шахматистами месте — но в другой части Нескучного сада, в стороне от первых объектов бюро WOWHAUS: пляжа, катка и кафе. Возникнув тем же летом 2011 года, он близок им общим духом легкости и прозрачности, но являет собою куда более оригинальное сооружение. При этом не имеющее прямых аналогов в русской деревянной архитектуре, даром что использует он гнутые клееные арки, которые до того применялись лишь в крупных объектах — бассейнах, аквапарках, складах. И эта перемена масштаба создает фантастический эффект: мощные арки несут полупрозрачный поликарбонат, как готические своды — витражи. Подлинная сила легкая; это же только кажется, что ты двигаешь фигуры руками, на самом деле их двигает ум.

При этом создается этот запоминающийся образ простыми ходами, здесь нет ничего вычурного или надуманного. Несущая конструкция из клееных рам опирается на бетонные фундаменты. Цинк-титановая кровля лежит на сплошной обрешетке из обрезной доски хвойных пород. По периметру идут вертикальные стойки из сдвоенных струганых досок, снаружи они обшиты брусом. На них — прозрачный сотовый поликарбонат. Внутри — подшивка из струганой доски лиственницы. Пол из террасной доски лиственницы, фундаменты — металлические ввинчивающиеся сваи. При площади 150 кв. м, у клуба — два просторных входа, в результате кажется, что это вообще и не домик, а крытая аллея. И внутри — как будто в парке: «пределы комнаты расширились», словно это уже не Ильф и Петров завещали, а Михаил Булгаков.



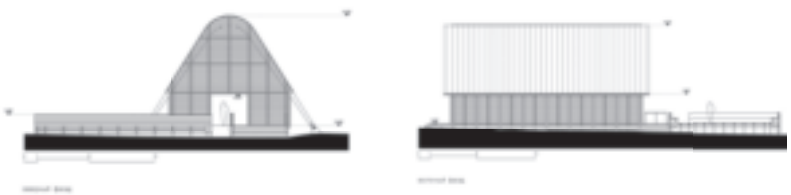


Фото: Ульяна Майсова, Ксения Харитонова

«Астановка»

Fartart
Архитекторы:
Дмитрий Козлов,
Николай Михеев,
Павел Сороковов,
Наталия Харламова

Тульская область,
Заокский район, «АрхФерма»
XII Архитектурный
фестиваль «Города»

Шорт-лист

Объект сооружен взамен старой автобусной остановки (но не вместо нее, а рядом с ней). Буква «А» символизирует автобус (других видов общественного транспорта здесь нет). Небольшая орфографическая ошибка в названии отсылает как к новомодной сетевой тенденции (пишется, как слышится), так и к живой речи окрестных селений — ее подлинному источнику. Литературность продолжается и в трехэтажности сооружения. Первый этаж, самый большой по площади, предназначен для ожидания автобуса в час пик. Второй ярус представляет собой зону для сильно заждавшихся пассажиров, чье напряжение снимается за счет созерцания окрестностей с высоты. К сожалению, заложенная в проекте идея ее трансформации не была реализована. Наконец, третий уровень — своего рода мачта, куда забираются совсем уж отчаявшиеся путники в надежде увидеть заплутавший автобус...

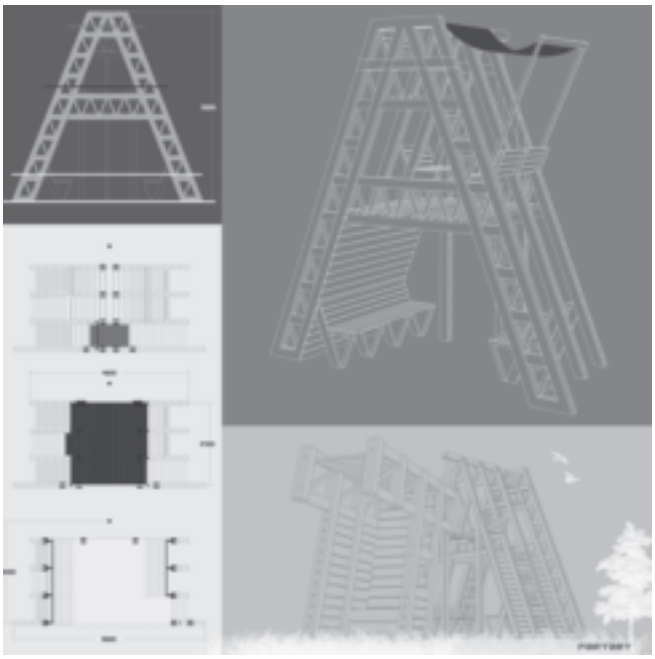


Фото: Иван Овчинников, Андрей Асадов

Штаб строительства

«Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева»
Архитекторы: Тотан Кузембаев (руководитель проекта), Александр Первенцев (ГАП), Кристина Разумова
Конструкторы: Илья Кузьмин, Стеван Лиляк

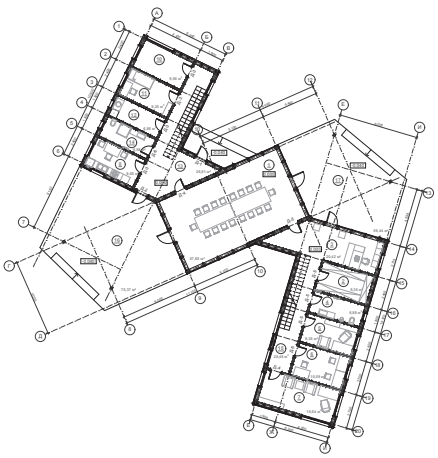
Ярославская область, Переславский район, с/о Скоблевский, Курорт «Золотое кольцо»

Шорт-лист

Яркий цвет — редкость в деревянной архитектуре. Красота и естественность собственного цвета пресекают подобные порывы на корню. И возникает он, как правило, из необходимости маркировать нечто отличное. Например, здание промышленного назначения — таков красный машинный цех в Хэнкоке (штат Массачусетс), построенный еще в 1790 году! Или произведение искусства: в красное Александр Константинов красит входную группу в музей русского авангарда Вильгельма Оттена (Хоэнэмс, Австрия, 2008). Бывают еще ошибки строительства: чтобы замаскировать их, Светлана Головина сделала красным стрелковый центр в Лисьей норе (2004). Наконец, бывают унылые краски среднерусского ландшафта, в которые хочется швырнуть яркую кляксу, — поэтому красные гостевые домики Тотана Кузембаева на берегу Клязьминского водохранилища (2003).

А в этом объекте сошлось все: и производство (это штаб строительства нового курорта), и искусство (курорт обещает быть многовысокохудожественным), и все тот же блеклый русский пейзаж (под Переславль-Залесским), и, конечно, ошибки строителей, от которых лучше застраховаться заранее. При всем том здание можно было бы и не красить: настолько оно оригинально своей формою. Хотя, казалось бы — всего три простых объема и крыша. Но объемы при этом сдвинуты относительно друг друга, а кровля — мало того что взлетает на высоких опорах, так еще и дважды меняет свое направление! Внутри — рутинный процесс: в центральном одноэтажном объеме — конференц-зал, в двухэтажных — кабинеты руководства и помещения для строителей. Правда, на крыше конференц-зала еще есть веранда — и она, и большие окна в зале и кабинетах предусмотрены, естественно, для того, чтоб солдат не спал, пока стройка идет.

Штаб построен по каркасной технологии, конструктивная схема — смешанная, отделка стен — крашеная сосна, кровля — профилированная сталь. Комментарии автора, как всегда, лаконичны: «Заказчик хотел построить дом, из которого можно было бы наблюдать за всей стройкой. Мы поставили три «вагончика», накрыли их общей кровлей-оригами и покрасили все в красный цвет».



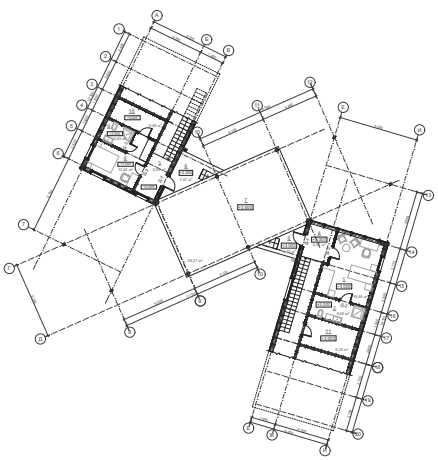
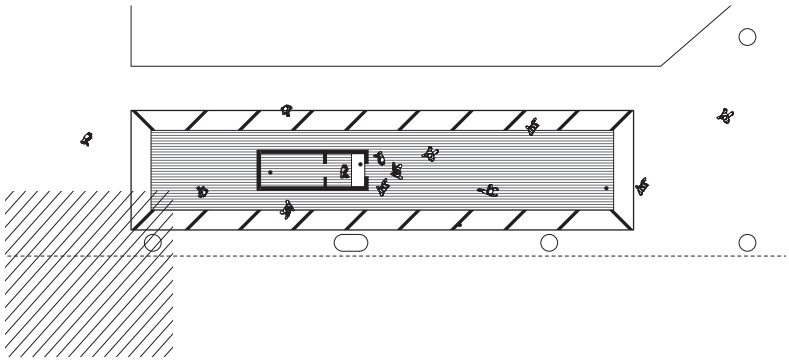


Фото: Илья Иванов

Павильон «Периптер»

GIKALO KUPTSOV ARCHITECTS
Архитекторы:
Александр Купцов,
Сергей Гикало,
Антон Федулов

Москва, у здания ЦДХ



Дислокацией выставки номинантов на премию ARCHIWOOD было подколоннадное пространство у входа в Центральный дом художника (ЦДХ) на Крымском валу, где в рамках выставки «АрхМосква» в течение семи лет проходила торжественная церемония награждения победителей. Экспозиция ARCHIWOODа была призвана не только демонстрировать лучшие образцы деревянной архитектуры, но и сама по возможности являться таковым. Поэтому к ее созданию призывались ведущие мастера архитектуры и дизайна (в 2010 году экспозицию делали Владимир Кузьмин и Влад Савинкин, в 2011-м — Антон Кочуркин и Алиса Курганова), а на третий год существования премии на проект павильона был проведен закрытый конкурс, к участию в котором были приглашены номинанты премии.

Ограниченность бюджета (полмиллиона рублей), территории (140 кв. м) и временный статус (изначально планировалось, что павильон возводится на один сезон) определили общий дух всех двадцати шести проектов: просто, ярко, остроумно. Практически все конкурсанты вдумчиво реагировали на место. Оплетал гнутыми арками колонны ЦДХ Степан Липгарт. Дмитрий Михейкин ставил лес колонн из стволов деревьев, а крышей было зеркало. Дмитрий Кондрашов свой «лес» радикально заваливал, размещая планшеты над головами зрителей. Евгений Морозов и Анастасия Измакова наоборот озаботились комфортом, превратив экспозицию в эдакий класс с партами. Анастасия Чернышова и Сергей Колчин собрали блоки из реек в обманчиво простой объем, где между реек мерцают работы номинантов. Самые лаконичные проекты представили Никита Асадов и Лиза Фонская: череда простых вертикальных модулей, соединенных подиумом или верхней обвязкой. А проект бюро Megabudka был, наоборот, «иконическим»: насквозь проницаемый (а особенно эффектный в подсветке) домик с косыми крышами, напоминающий протестантский храм. И совершенно ни на что не похож был проект Владимира Могунова (разве что на галерею Storefront Стивена Холла): перфорированная стена из бруса и досок, на которую нанизаны глухие черные простенки — то стенды с экспозицией, то скамейки.

Определял победителя Экспертный совет премии, который в результате долгих и страстных споров выбрал «Периптер». Подкупили жюри и радикально несвоевременная апелляция к античной архитектуре, и оригинальное ее прочтение (помноженное на странность материала), и тонкая аллюзия на здание ЦДХ, и тщательно разработанная организация пространства, включающая наос и пронаос. Павильон был построен в полном соответствии с проектом и пять лет (регулярно отшкуриваемый) с успехом исполнял свою миссию. Каждый год в мае новые 38 номинантов сменяли предыдущих, листы поликарбоната легко изымались и заменялись новыми, а между ними загоралась подсветка. Кроме того, «народное голосование» проходило не только в интернете, но и непосредственно в павильоне: всем желающим выдавалась киянка и набор шкантов, которые можно было вбить прямо в стенд с понравившимся проектом.

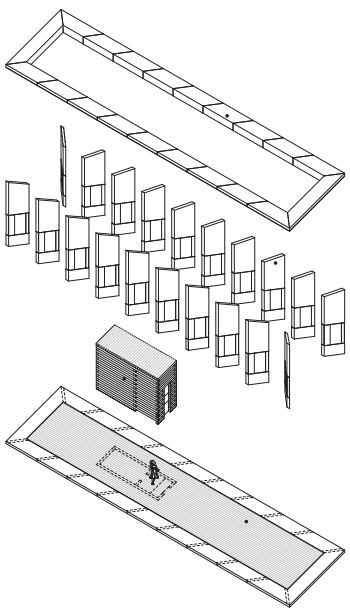


Фото: Илья Иванов

Павильон «Школа»

Архитекторы:
Игорь Чиркин,
Алексей Подкидышев

Москва, парк «Музеон»

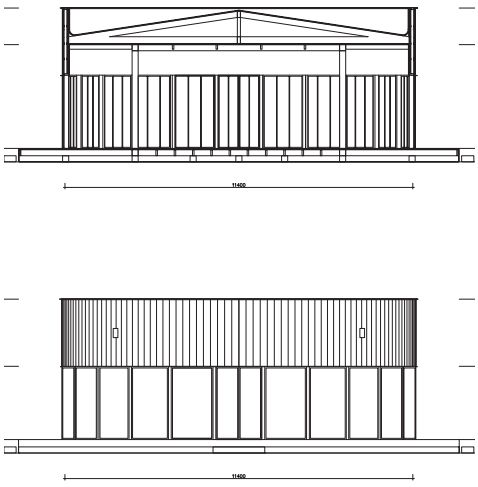
Шорт-лист

Павильон «Школа» появился неподалеку от ЦДХ и стал первым объектом, реализованным в рамках большой программы по реконструкции Парка искусств «Музеон», затеянной его новым директором Еленой Тюняевой. Стратегию обновления разработал Евгений Асс, с его же подачи журнал «Проект Россия» провел конкурс на павильон «Школа» — для собраний, дискуссий, выставок, образовательных программ, воркшопов, круглых столов, презентаций и прочих мероприятий.

Вопрос, зачем нужно отдельное сооружение без таких прелестей городского комфорта, как водопровод, канализация и отопление, когда рядом стоит ЦДХ, не возник. В первую очередь потому, что мероприятия в значительной мере переместились из закрытых пространств в открытые — в парки, скверы, бульвары. Автономность паркового павильона апеллирует к независимой аудитории, объединяющейся актуальностью события. Это молодые люди, не склонные причислять себя к определенным тусовкам и избегающие ярлыков.

Чтобы получить адекватный результат, организаторы привлекли к участию в конкурсе российских архитекторов не старше 35 лет. Выбранный из более шести десятков проектов павильон Игоря Чиркина (лучшего молодого архитектора России по версии премии «Авангард» 2011 года) и Алексея Подкидышева отвечает запросам его пользователей. Многочисленные прозрачные двери вместо глухих стен говорят о свободе присутствия «здесь» и «сейчас» и расширяют сто метров павильона до несравнимо большего пространства парка и города.

Елена Гонсалес



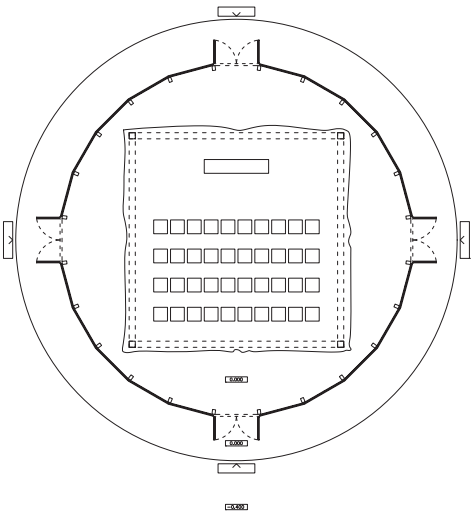


Фото: Нина Фролова, Карина Гафиатуллина, Алексей Народицкий

Выставочный зал ЦСК «Гараж»

Архитекторы:
Артем Китаев,
Николай Мартынов,
Леонид Слонимский,
Максим Спиваков,
Артем Стаборовский

Москва, Парк Горького

Победитель по версии жюри

Мне позвонил художник Максим Спиваков: «Мы тут построили небольшой павильон в Парке Горького, нужно его поснимать». Этот звонок заинтересовал меня сам по себе, еще до того, как я увидел объект. Пару десятков лет я посвятил работе с авторской архитектурой, в которой именно личность автора, проявленная в здании, требует визуальной фиксации, пристального внимания со стороны фотографа и в конечном итоге трансляции городу и миру.

За это время поменялось многое, в частности, сопротивление строительного материала уменьшилось, вместе с ним постепенно стала отходить на задний план роль ремесла. Пространство идей и форм обезличивается вместе с кризисом понятий авторского права и интеллектуальной собственности. И вот, наконец, художник проектирует функциональный объект.

Здесь я немного утрирую: павильон «Гаража» разработан и построен коллективом профессиональных архитекторов, но и присутствие в этом коллективе не-архитектора, и отсутствие имени руководителя мастерской свидетельствуют об интересной тенденции. Мне кажется, что вольно или невольно люди, занимавшиеся этим объектом, значительно больше интересовались чудом взаимодействия функции, формы и материала, нежели вопросами самовыражения и порождения уникальности.

Павильон «Гаража» не декларативно анонимен, в нем присутствуют в правильных долях грамотное и остроумное цитирование «Шестигранника» Жолтовского, изящная трактовка временности сооружения, красивые кривые и профессиональное отношение к непростому материалу — строительной сетке на каркасной конструкции. Интересно, что эту сетку многие стали называть «марлей» — на мой взгляд, это любопытный пример игры с масштабами, явно сознательной.

Взаимодействие павильона со светом и погодой снаружи и содержанием выставки изнутри — это почти идеальная функция клеточной мембраны, настроенной на дифференцирование передаваемой информации. Двойной слой сетки распределяет направленный солнечный свет, при этом рассеивает его, но не настолько, чтобы полностью исключить блики, которые вводят дополнительные подвижные линии в выставочные пространства. Экспонаты просвечивают наружу ровно настолько, чтобы заинтересовать зрителя, но не дать возможности прямого взаимодействия. При этом напрочь отсутствует дидактичность бионической архитектуры, упивающейся своей продвинутостью. В пасмурную погоду павильон растворяется и тонет в окружении, и это растворение так же не декларативно и естественно, как и сумеречная подсветка, выхватывающая фрагменты марлевой мембраны на фоне нехитрого ландшафта у Пионерского пруда.

Юрий Пальмин

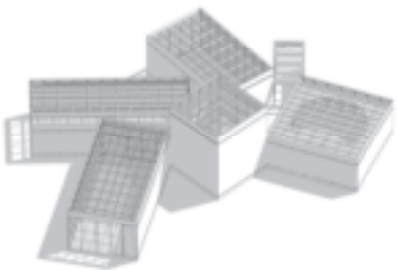


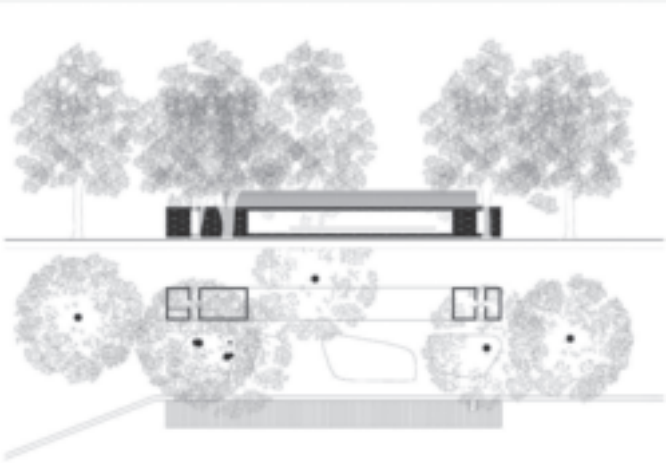
Фото: Юрий Пальмин, Николай малинин

Кафе с лодочной станцией

«Цимайло Ляшенко & Партнеры»
Архитекторы:
Александр Цимайло,
Николай Ляшенко, Иван Шильников,
Ольга Конюкова, Никита Сергиенко,
Наталия Степанова

Москва, Парк Горького

Шорт-лист



Павильон расположен в Парке Горького, рядом с Пионерским прудом. Это — периферийная часть парка, хотя и находящаяся в непосредственной близости от входа, но в стороне от главной аллеи. «Окультуриваться» это место начало недавно: павильон Цимайло и Ляшенко стал первым построенным объектом, решительным образом изменившим ландшафт пруда. Павильон совмещает две функции — лодочную станцию и кафе Центра современной культуры «Гараж». По сути (и форме) это палка о двух концах: в одном расположены производственные помещения кафе, в другом — касса и спасатели станции проката лодок. Между ними перекинута деревянная балка пролетом в 25 м (расчет фермы производил подрядчик «Строй групп»), под которой разместился подиум со столиками.

«Опоры» представляют собой деревянные коробки, мастерски облицованные ламинированной фанерой. Обшивка апеллирует к бриллиантовому русту, хорошо известному по сталинской архитектуре: знатоки таковой оценят реплику, отсылающую к истории Парка Горького. Профаны же порадуются гламурному виду нового заведения.

Первая ассоциация, которая приходит в голову при взгляде на павильон, — мост (конструкции и пропорции), вторая — арка, открывающая проход в новое физическое или знаковое пространство. И та и другая по-своему верны: мост ниоткуда в никуда, но тема берега и воды присутствует и считывается, а арка кадрирует панораму пруда — тут стоит вспомнить и классическое «обзорное» назначение парковых павильонов, и арку входа в парк архитектора Георгия Щуко (1954).

Открытое с двух сторон пространство стирает границы между интерьером (выполнен Form Bureau) и экстерьером, растворяя кафе в зелени парка. Зимой кафе перестает работать, и павильон зависает между снегом и льдом.

Елена Гонсалес

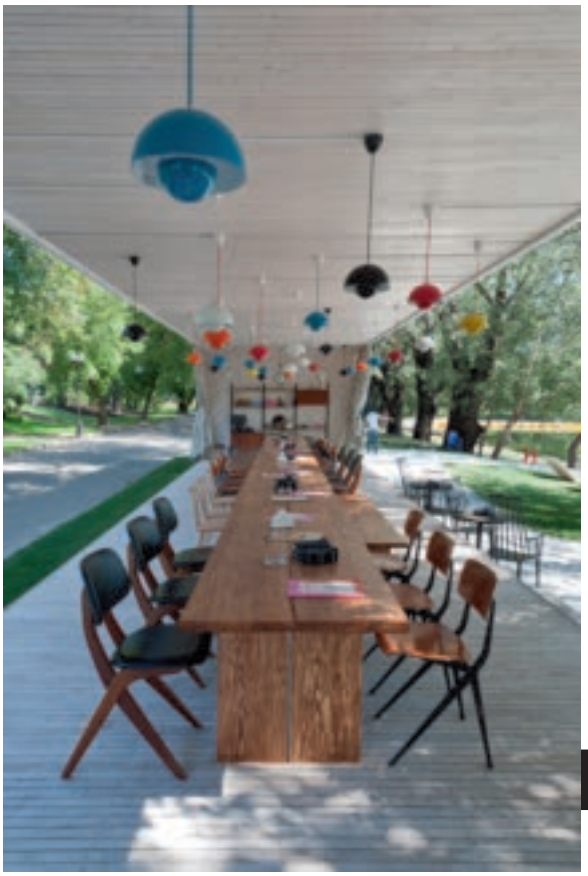


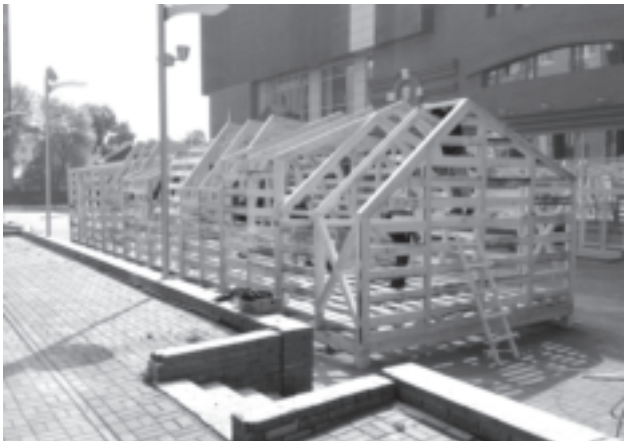
Фото: Алексей Народицкий

Кафе «Ямайка»

DarkDesignGroup
Архитекторы:
Игорь Паличев, Дмитрий Зейберт,
Гузель Габдрахимова

Уфа

Шорт-лист



На новый тренд, родившийся в Москве летом 2011 года — временные деревянные сооружения общественного назначения в городе — первой откликнулась Уфа, неожиданно выдав вполне оригинальный и остроумный проект. Конечно, такой острый эксперимент стал возможен только в рамках «временного» (тогда как московские объекты тайно подразумевали многосезонность, каковая, как правило, и воплощалась), что не отменяет его формальной изобретательности. Проект представляет собою семь объемных пятиугольников, которые поворачиваются вокруг своей оси и образуют затейливый объект, напоминающий шампур с шашлыками (что, правда, слегка противоречит названию и кухне — естественно, кубинским). Тем не менее дух беззаботности и расслабленности, регги и рома, в этом сооружении очевиден (объемы «вываливаются» из ортогонали раскованно и вразнобой), на то же настроение carpe diem («лови момент, живи настоящим») работает и материал постройки — большие блоки ОСП (ориентированно стружечной плиты). Забавно, что эта архитектура рождала у посетителей и иные ассоциации — с советским детством: за счет фактуры ОСП, неизбежно напоминающей привычные ДСП, а также за счет пятиугольника, бывшего в СССР «знаком качества» (что тоже логично: дух безделья и отсутствие внятного будущего вполне характерны для позднего застоя). В интерьере (общая площадь 70 кв. м) эта геометрия давала свои эффекты: свет возникал неожиданно в самых разных углах, тени скользили и менялись, жизнь казалась теплой и текучей, как ром в граненом стакане. Столь же эффектно павильон начинал выглядеть вечером, когда электрический свет создавал причудливую игру уже вокруг сооружения.

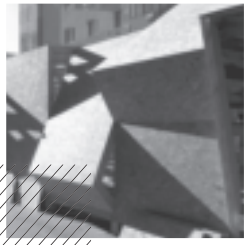


Фото: Игорь Паличев, Дмитрий Зейберт

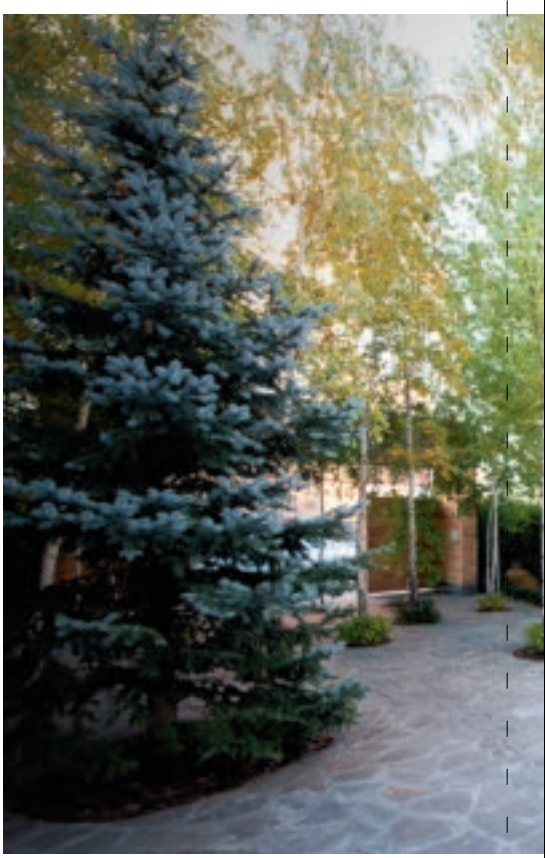
Гастрокафе «Тарелка»

SHAR Project
Архитекторы:
Сандро Шеренц,
Олег Иванов-Штофман

Киев, улица Гришко, 9

Шорт-лист

Кафе «Тарелка» находится рядом со станцией метро «Позняки» — там, где новые кварталы Дарницы наступают на «частный сектор» бесконечных Садовых улиц. Отчасти поэтому в его архитектуре дачные мотивы элегантно соединяются со вполне урбанистическими. Оно и дугой своей развернуто в глубь квартала, во дворики — как бы пряча посетителей от городской суеты, тогда как с внутренней стороны распахивает свои радушные объятия. Эта дуга обусловлена конфигурацией двора, в котором расположено кафе, и она принципиально отличает эту постройку от предыдущей работы дуэта — кафе «Островок» в московском Парке Горького. В нем уже был найден основной планировочный ход: разделение пространства на три зоны. Открытая терраса, полуоткрытое пространство под крышей и основное ядро, где (как в Москве, так и в Киеве) размещаются кухня, техпомещения и гастролавка. Приятную вибрацию между пространствами и ощущение проницаемости создает обрешетка — в Москве горизонтальная, в Киеве — вертикальная. И там, и там присутствуют наклон кровли, придающий динамики сооружению, и огромные окна. И, конечно, отдельную прелесть киевской «Тарелке» сообщает белый цвет, тянущий из глубин подсознания воспоминания о живописных украинских мазанках. Площадь кафе — 100 кв. м, террасы — 70 кв. м.



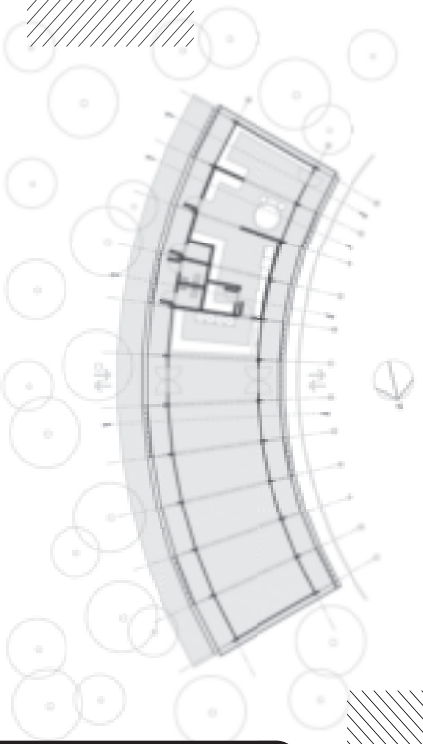


Фото: SHAR Project

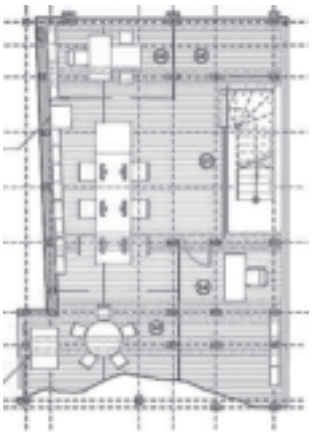
Дом на крыше

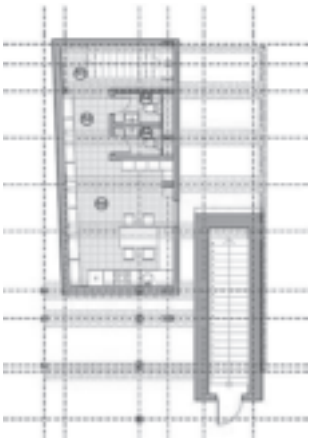
офис и шоу-рум компании «НЛК-домостроение»

НЛК-домостроение
Архитекторы:
Максим Низов, Мария Суркова
Конструктор: Алексей Князев

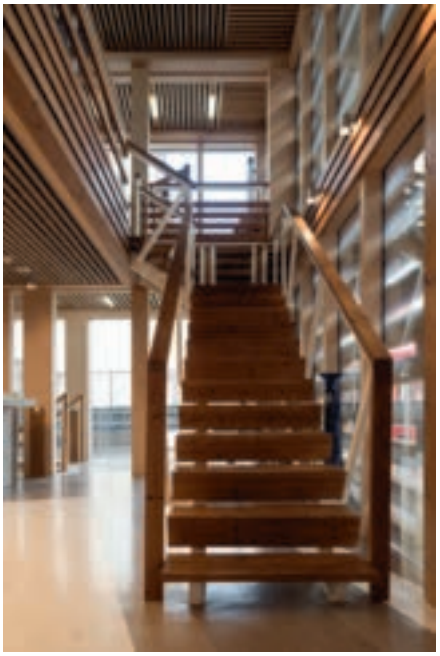
Москва,
улица Нижняя Сыромятническая, 10.
Центр дизайна Artplay

Победитель по версии народа





Завод «Манометр» стал Центром дизайна и архитектуры Artplay («креативным кластером», чтобы было понятнее) еще в 2008 году. Но первым шедевром архитектуры (а также символом соединения ее с дизайном и доминантой на главном общественном пространстве) стал только этот объект. Зато он вобрал в себя сразу все актуальные смыслы: он «паразит» (подключается к коммуникациям существующего строения), движется от архитектуры к скульптуре, намекает на модную бионику (но в неожиданном для нее материале), а главное — появился в результате конкурса (2011). На конкурс были представлены не менее остроумные проекты: например, классический периптер от бюро «Римша» или, наоборот, «протосарай» мастерской «Архитакт» (впрочем, любая протоформа выглядела бы забавно, взгромоздясь на крышу входа в бомбоубежище). Но, конечно, именно реализованный проект идеально воплотил чаяния заказчиков и стал по-настоящему имиджевым объектом. Заказчик («НЛК Домостроение») не просто продвигает древесину, но доказывает, насколько это современный и прогрессивный стройматериал; и не просто предлагает товар, но демонстрирует, как это все работает; и не отдельными экспонатами, а в связи одних с другими, целиком, все можно щупать (он тут не недотрога, а главный экспонат!) Все полы, потолки, лестницы и терраса отделаны термодоской (Lunawood), в качестве утеплителя — пробковый агломерат (Amorim), микроклимат — энергоэффективная система вентиляции (Aereco), все имеет евро-эко- сертификаты. Но главное, конечно, то, что, набранный из обычного бруса фасад выглядит как футуристическая инсталляция. Для создания этого образа дом сбрасывает с себя, как ветхую одежду, привычные аксиомы: что торцы бруса должны быть закрыты, а над фасадом нужны большие свесы крыши — чтобы избежать намокания и гниения. Обеспечивают эту смелость также современные технологии: система покрытий Sikkens с антисептической пропиткой и прозрачным грунт-покрытием (специально разработан компанией «АкзоНобель»). Разные фасады дома демонстрируют и разнообразие сочетаний дерева со стеклом: главный «пиксельный» фасад глухой, боковой прорезан узкими щелями окон, а задний — практически сплошь остекленный (в результате в доме не только светло, но и хорошо дышится). При этом дом (что уже не так очевидно) наполовину висит в воздухе, опираясь на точный инженерный расчет и четырехметровую консоль.



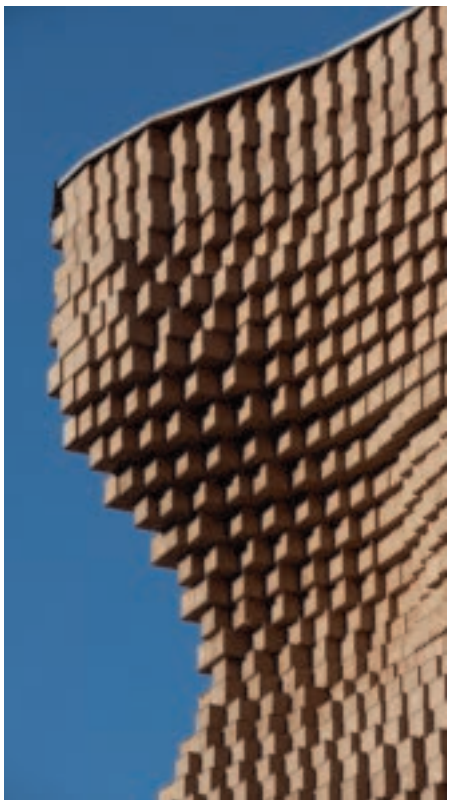


Фото: Илья Иванов

«Казарма»

ARCHPOLE
Архитектор:
Сергей Сыренов

Калужская область,
деревня Никола-Ленивец

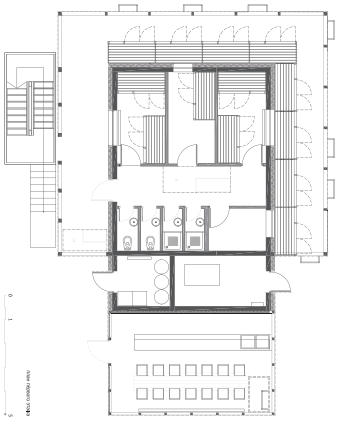
Победитель по версии жюри

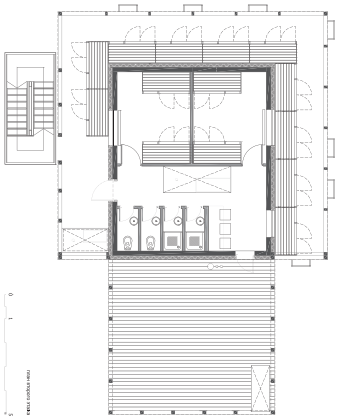
Бывший владелец участка построил в самой высокой точке деревни Никола-Ленивец гостиницу, которая выбивалась из общей концепции современного арт-парка.

Целью проекта стала реконструкция постройки в экономичную гостиницу для творчески ориентированных людей. Основная идея — рассмотрение здания как места, захваченного молодежью и используемого для поселения большой команды.

Архитектурный характер существующего здания стирается посредством покраски всех элементов, деталей отделки и конструкций в монотонный черный цвет. Постройка оснащается уличными приставными лестницами, спусковыми шестами, эксплуатируемой кровлей с видом на панораму местности. Разные сценарии перемещения по гостинице и плотное заселение придает ей образ оживленного арт-муравейника.

Сегодня Казарма — не только арт-объект, но и действующий хостел, который вмещает шестьдесят человек.





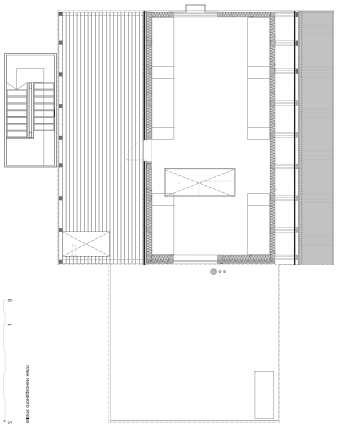
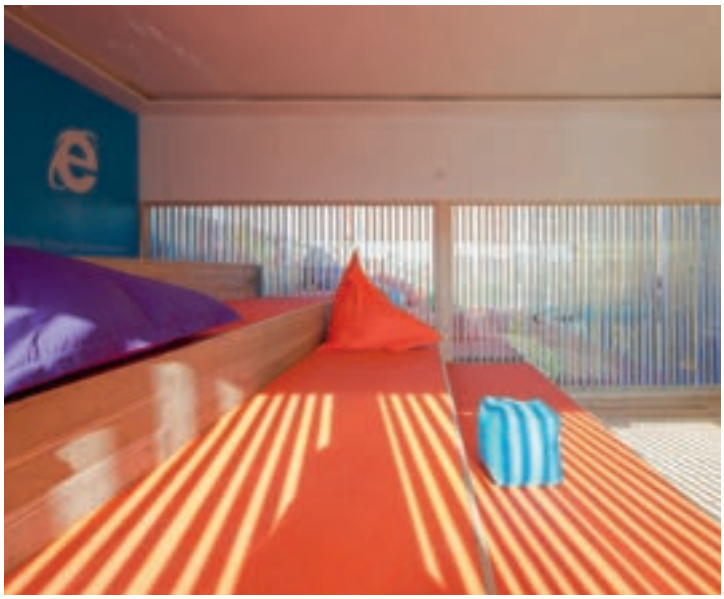


Фото: Илья Иванов, Анна Ставенская, Николай Малинин

Павильон Microsoft в Олимпийском парке



Nowadays
Архитекторы:
Ната Татунашвили,
Наталья Масталерж, Анна Ивянская

Сочи, Олимпийский парк

Шорт-лист

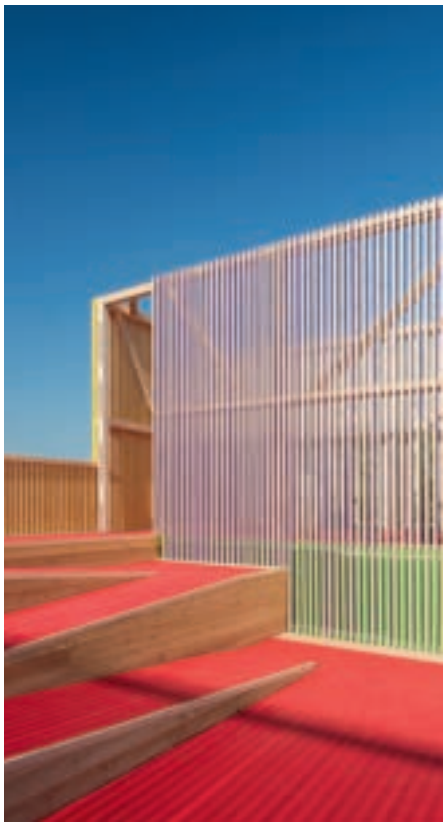
Все партнеры Олимпиады получили для застройки прямоугольные площадки размером 25×30 м. Предполагалось, что павильоны Олимпийского парка будут представлять собой единые объемы, расположенные в центре каждого участка. В бюро Nowadays павильон решили разбить на несколько объемов и распределить их по всей площади участка, создав единое, но, вместе с тем разноуровневое общественное пространство-двор, где посетители могли бы проводить время между соревнованиями, знакомиться с продукцией Microsoft, заряжать гаджеты и общаться.

Все объекты Олимпийского парка — временные сооружения, поэтому в качестве основного материала было выбрано дерево, что обеспечило легкость конструкции и быстроту сборки: павильон был построен за три недели. Рейки, из которых были выполнены объемы, расположены с зазором, а их боковины выкрашены в цвета из палитры последней на тот момент версии программного обеспечения Windows. Благодаря наложению и чередованию цветов появились живописные оптические эффекты: издали казалось, что павильоны окутаны цветной дымкой, а при приближении цветные полосы начинали двигаться и мерцать.

Несмотря на изначально временный характер, павильон обрел вторую жизнь и переехал в Абрау-Дюрсо, где и завод шампанского, и его музей, и центр мультимедийных искусств (построенный, кстати, также по проекту Nowadays).

Фото: Илья Иванов

Microsoft

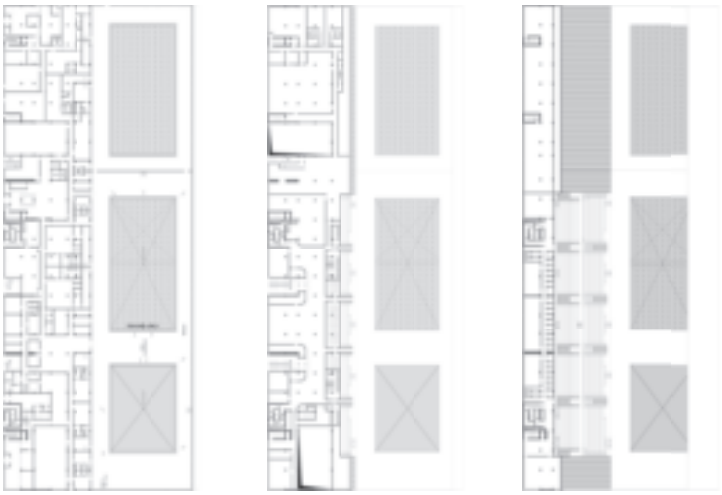


Дворец водных видов спорта

SPEECH
Авторы проекта:
Сергей Чобан, Сергей Кузнецов
Главный архитектор проекта:
Николай Гордюшин
Архитекторы: Татьяна Варюхина, Георгий Глебов, Татьяна Логунова, Алексей Шубкин
Главный инженер проекта:
Сергей Сердюков

Казань, Ново-Савиновский район, улица Чистопольская

Шорт-лист



Дворец построен в составе комплекса спортивных сооружений, возведенных к Всемирной летней универсиаде 2013 года. Комплекс имеет не только спортивное, но и социальное значение: теперь здесь занимаются спортом и оздоровительным плаванием жители города.

Здание Дворца (длина 187,5 м, ширина 74 м) представляет собой зал с бассейнами и трибунами, перекрытый динамичной кровлей, своими очертаниями напоминающей движение волны (максимальная высота 25 м). В составе комплекса — три чаши: универсальная, чаша для прыжков в воду и стандартная, предназначенная для тренировок, а также занятий посетителей фитнес-центра. На стационарных трибунах могут разместиться около трех тысяч человек и еще около тысячи мест могут быть добавлены на специальных сборно-разборных трибунах.

Основным выразительным элементом здания является уникальное покрытие, конструктивное решение которого разработано совместно специалистами бюро SPEECH, Ove Arup и ЦНИИПС-ЛДК. В качестве несущих элементов используются трехшарнирные дере-воклееные арки из парных изогнутых ригелей, образующих структуру, напоминающую традиционные для татарской архитектуры стрельчатые арки.

Выбор деревоклееных конструкций для покрытия бассейна не случаен. Это не только один из самых экологически чистых строительных материалов, он и обладает прекрасными эксплуатационными характеристиками в условиях повышенной влажности. Кроме того, деревоклееные конструкции не требуют дополнительной отделки и придают интерьеру особую выразительность и теплоту.

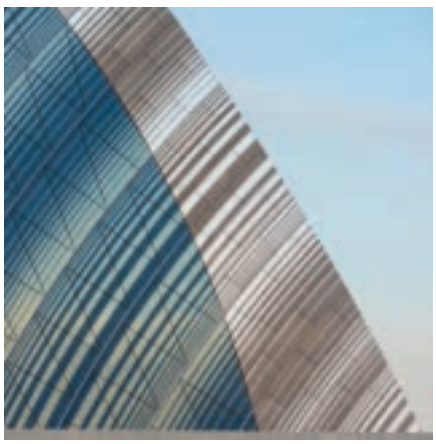
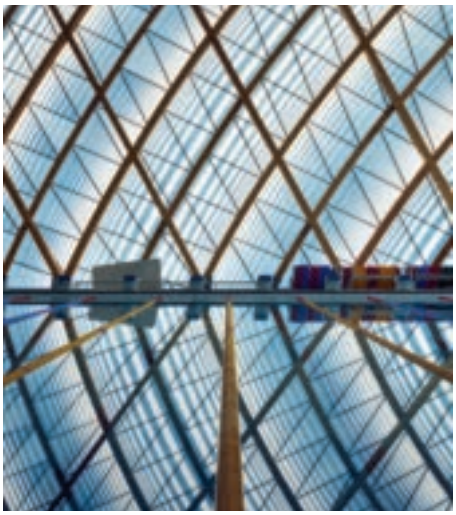
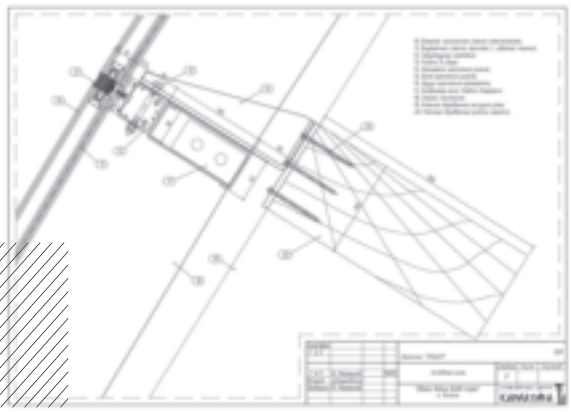


Фото: Илья Иванов, Алексей Народицкий





Клубный дом Links National Golf Club

«ТАММВИС»
Архитекторы:
Антонио Михе,
Валерий Харитонов,
Илья Пугаченко, Андрей Сайко,
Алла Аниськова

Московская область,
Дмитровский район,
деревня Телешово

Победитель по версии жюри и народа

Белоснежный клубный дом выглядит абсолютно нездешним. Как, кстати, и окружающий его ландшафт, что чуть более понятно: все это — территория гольф-клуба. Парящие крыши вторят рисунку окрестных холмов, колонны ветвятся, рейки фасада рябят — здание все время меняется, и кажется уже, что это не цельный объем, а живая подвижная структура. Хрупкая и непостоянная: даже углы кровли выглядят неустойчиво, словно она вот-вот соскользнет. Крыша эта лежит на колоннах, как облако на кронах деревьев. Эти разветвляющиеся колонны были ответом на скромность бюджета, но они не только позволили кардинально увеличить высоту пролетов, но и породили этот «японский» образ: словно бы связанные пучки бамбука. Оттуда же, из Японии, и белый цвет — как некий компромисс, как невозможность сделать здание совсем нематериальным. Но оно к этому уверенно движется: форма словно бы расплывается, ее невозможно ухватить, запомнить. В отличие от плана — который тут простой и чистый (хотя обычно бывает как раз наоборот). Предельно чистые узлы, элегантные детали, никакого украшательства — все действительно очень по-японски. Не мужичина, а облако в штанах. Белое, прозрачное, перистое — оно вбирает в себя оттенки неба в разное время суток и меняется вместе с ним. И непонятно: то ли оно хочет оторваться и взлететь, то ли, наоборот, лечь на землю и слиться с нею. Площадь здания — 551,5 кв. м.

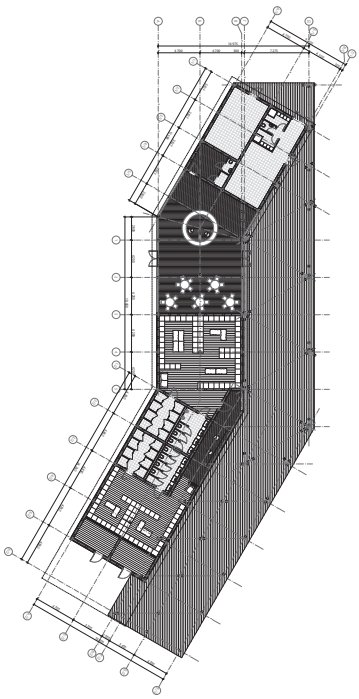


Фото: Андрей Сайко, Илья Пугаченко

Автобусная остановка

Бюро «Александр Бродский»
Архитекторы: Александр Бродский, Кирилл Асс, Надежда Корбут, Дарья Парамонова

Австрия, Форарльберг, Крумбах

Шорт-лист

Фото: Юрий Пальмин

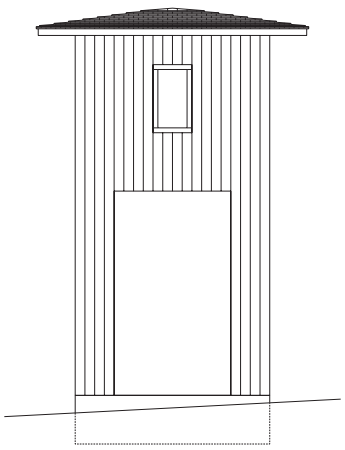
Горная деревня Крумбах с населением около тысячи человек входит в коммуну Брегенцервальд земли Форарльберг на самом западе Австрии. Форарльберг — важное место, во всех смыслах пограничное. Язык и сыры тут похожи на швейцарские. Они даже хотели присоединиться к Швейцарии, в 1918 году провели референдум, но по условиям Версальского мира не вышло.

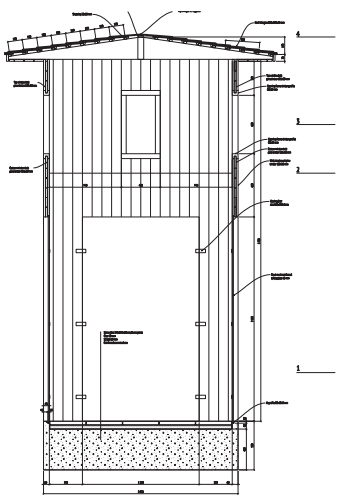
История местной архитектуры после Второй мировой войны связана с понятием «баукунстлер». Это не совсем архитектор, он не входит в профессиональную ассоциацию (что было разрешено земельным законодательством), а порой и не имеет архитектурного образования. Баукунстлер — в сущности ремесленник-строитель, преодолевший квантовый барьер, за которым архитектурное творчество. Но ремесленная традиция герметична и допускает лишь эволюционные изменения, поэтому нужна интервенция извне. И здесь Форарльберг проводит свою тонкую и точную культурную политику.

Самая известная из таких интервенций — это KUB, Кунстхаус Брегенц, построенный Петером Цумтором в 1997 году. Там феноменология встречается с термодинамикой и получается какое-то чудо, описать которое адекватно я не берусь, мешает крайне поверхностное знакомство с предметом. Самая последняя — тоже Цумтор, но очень сомнительный, Центр ремесел в деревне Андельсбух, странная и очень буквальная аллюзия на берлинскую Новую национальную галерею Людвига Мис ван дер Роэ.

Проект BUS:STOP KRUMBACH — из числа подобных интервенций. Это инициатива недавно образованного Совета по культуре Крумбаха. Тема автобусной остановки неслучайна, типовой павильон «сарай» был спроектирован Германом Кауфманом, ярким архитектором местной школы. Людей в Крумбахе мало, а остановок автобуса — целых 8. Это потому что хутора, составляющие деревню, словно иллюстрируя штамп, «живописно раскинулись» на горных склонах по довольно большой территории. Центральную остановку на деревенской площади проектировали местные с участием все того же Кауфмана, а остальные распределили между семью архитекторами из разных стран. Архитекторов выбирал Dietmar Steiner, директор венского центра Az W. Строили на спонсорские деньги, многие работали совершенно бесплатно, гонорар архитекторов — недельный отдых в крумбахской гостинице.

Юрий Пальмин





Павильон «Лотос»

«Конкрит Джангл»
Архитектор: Феликс Машков

Владивосток, остров Русский, набережная кампуса ДВФУ

Шорт-лист

Павильон представлял Приморский край на Восточном экономическом форуме летом 2016 года. Главным условием технического задания было создать павильон в виде цветка лотоса. Имея такое задание, легко свалиться в тривиальную семантику. Во избежание подобного исхода авторы решили сфокусироваться на конструкции и минимизировать присутствие «лотоса» в образе павильона до минимально возможного, оставляя зрителю пространство для фантазии.

Для соответствия образу была выбрана купольная несущая система. Сроки, как всегда, были крайне сжатые, проектирование, производство и монтаж велись параллельно и одновременно. Поэтому так важна была максимальная сборность конструкций на строительной площадке.

Результатом этой стратегии стали фанерные ребра с системой защемления деревянной рейки, позволяющей максимально быстро и качественно собрать деревянный «панцирь». И именно защемляющие элементы — «позвоночники» — стали определяющей эстетической чертой объекта.

Осмысление конструктивно необходимых элементов с точки зрения эстетики и раньше было сильной сторон бюро — как и своеобразное применение принципов промышленного дизайна в архитектуре. А регулярная работа в разных масштабах — от стульев до зданий — позволяет архитекторам чувствовать мелкие детали, которые часто игнорируются в крупном масштабе.

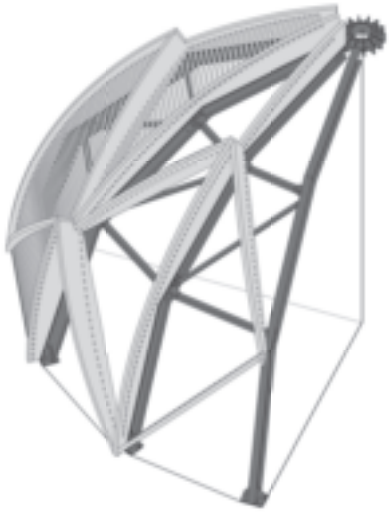


Фото: Владислав Кочетков, Феликс Машков

Городская ферма

WOWHAUS
Руководители:
Олег Шапиро, Дмитрий Ликин
Ведущие архитекторы: Алена Зайцева, Анастасия Измакова
Архитекторы: Маргарита Леонова, Марина Ярмаркина, Денис Маншилин, Глеб Галкин, Стас Дервоедов, Сауле Чевычалова, Дарья Листопад, Евгений Решетов
Генплан: Нина Смирнова
ГИП: Дмитрий Белостоцкий
Конструктор: Сергей Белугин
Дендролог: Любовь Мозгунова

Москва, ВДНХ, Каменский пруд № 5

Шорт-лист

Городская ферма — новый для Москвы (хотя и популярный во всем мире) тип семейного досуга. Здесь дети общаются с животными под руководством зоологов: готовят еду, кормят, убирают, наблюдают. В основу проекта легло социоэкономическое исследование, проведенное вместе с компанией «КБ 23».

Северная часть ВДНХ исторически связана с темой сельского хозяйства: здесь павильоны «Свиноводство», «Овцеводство», «Птицеводство». Непосредственно на участке Фермы был павильон «Охота» и «Охотничья тропа» с вольерами с дикими животными. Павильон давно сгорел, от него остались две статуи — «Охотник» и «Лисятница», которые теперь встречают гостей фермы перед новым парадным входом.

Рельеф участка делит его на верхнюю и нижнюю зоны. В верхней части, на холме, расположились закрытые павильоны: вход, фермерское кафе, мастерские и оранжерея. В нижней зоне у пруда — хлев с птичниками, крольчатником и голубятней, летний киоск, фруктовый сад и огород. Вдоль реки — зона рыбалки.

Архитектура Фермы отсылает к предшественнице ВДНХ — сельскохозяйственной выставке 1923 года (ВСХВ), которая стала первым триумфом авангарда. Ее герои решительно уходили от навязшего архетипа деревянного сооружения: вместо бревна использовали каркас, меняли привычные пропорции, всячески отрывались от земли — и вырвали-таки архитектуру в будущее. Но у них не было тех технических возможностей, которые есть сегодня, — пользуясь ими, авторы Фермы вводят большое количество стекла (которое позволяет наблюдать за животными снаружи — в павильоне «Хлев»). Сохраняя привычный образ двускатной кровли, перекрывают тот же «Хлев» двумя разновысокими коньками (современная инженерия позволяет не бояться возникающего «снегового кармана»). Не смущаются, как и зодчие 1923 года, изобразительности, накладывая на стеклянный фасад «Оранжереи» ромбообразную сетку, которая вторит конструктиву, но при этом и намекает на ананасы (которые внутри). Наконец, решают павильон «Мастерские» как три двусветных пространства параболической формы — идя уже вслед за конструкторами ВСХВ, которые проложили дорогу использованию клееной древесины.

Фото: Владислав Кочетков

Дизайн городской среды

Номинация

«В то время как во всем мире дерево нежно, но властно покоряет европейские города, из российских городов деревянная архитектура лишь исчезает». Эти слова были написаны в каталоге премии, подводившей итоги 2010 года, когда даже в Москве еще ничего такого не было. И мы даже хотели сделать выставку «Дерево в городе» — чтобы показать, как оно бывает и как могло бы быть. Но тут появилась деревянная «Стрелка», в 2011 году — первые объекты в Парке Горького, а затем Москву (а следом — и другие города) захлестнул бум благоустройства, в котором дерево играло (и играет по сей день) очень важную роль.

Оливковый пляж

WOWHAUS
Архитекторы: Дарья Листопад, Артем Укропов, Галина Серебрякова (авторы проекта);
Олег Шапиро, Дмитрий Ликин (руководители мастерской)

Москва, Парк Горького, Пушкинская набережная

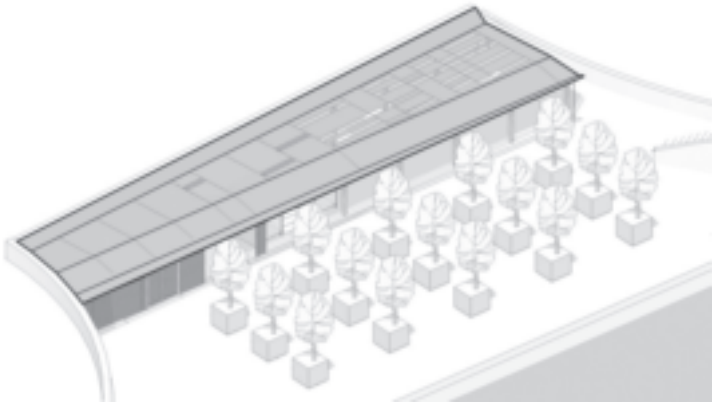
Шорт-лист

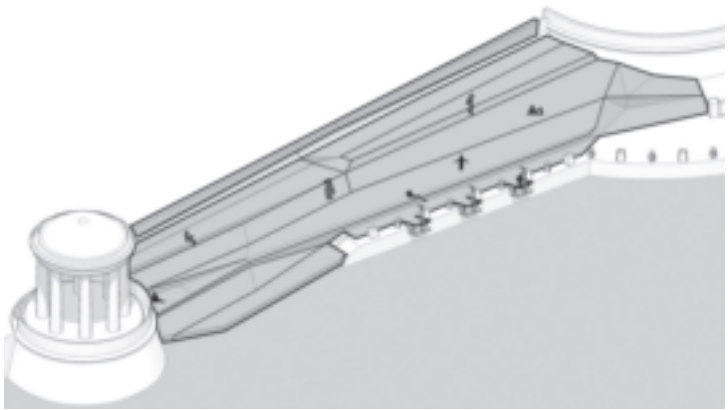
Задача: придумать welcome zone входа в Парк Горького со стороны Андреевского моста, альтернативную торжественности главного входа.

Решение: на месте заброшенного участка набережной Москвы-реки мы создали уютную зону отдыха с пляжем, спроектировав огромный «общий лежак». В течение нескольких недель с момента открытия место стало культовым. Деревянный пляж стал символом обновленного Парка Горького.

Основой конструкции пляжа является металлокаркас, обшитый доской лиственницы под разными углами. Разные углы позволяют использовать рельеф пляжа для любой удобной позы, без использования лежаков.

Кроме того, на территории пляжа были установлены раздевалки, открытые души, кафе, оливковые деревья в кадках, а со стороны набережной мы протянули очень длинную деревянную лавку.





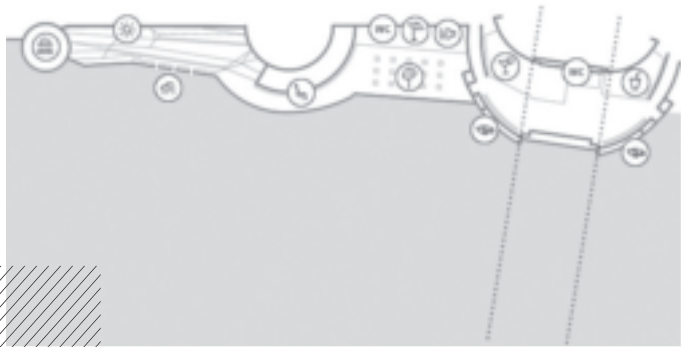


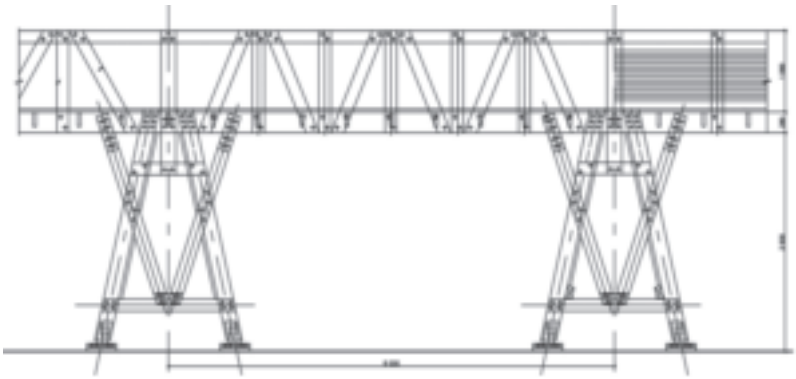
Фото: Илья Иванов

Каток

WOWHAUS
Архитекторы: Олег Шапиро, Дмитрий Ликин, Ольга Рокаль, Галина Серебрякова, Ольга Хохлова, Мария Хохлова, Анастасия Измакова, Сергей Колосовский, Дмитрий Задорин

Москва, Парк Горького

Шорт-лист



Парк Горького всегда был известен своим самым большим и самым романтичным катком, где можно было кататься не только, как обычно, по кругу, но и по залитым льдом аллеям и дорожкам. Только нестабильная погода часто нарушала планы катающихся: лед таял, портился...

В 2011 году в парке решили сделать полностью новый каток — точнее, остаться самыми большими и по-прежнему устраивать катание на аллеях, но использовать современную технологию для льда и устроить удобную инфраструктуру для посетителей. Наше бюро с помощью профессионалов ледяного дела и других специалистов выполнило этот проект.

Дерево было одним из основных строительных материалов при возведении инфраструктуры катка. Во-первых, несущие конструкции павильонов, где располагались кассы, прокат коньков и кафе, были выполнены из клееного бруса. Благодаря разработанной нашими конструкторами технологии, эти павильоны сборно-разборные, и летом они переедут на другие места и будут снова использоваться.

Во-вторых, фанера и дерево были использованы в интерьере павильонов.

А в-третьих, из клееного бруса и доски было сооружена грандиозная сборно-разборная конструкция, а именно — пешеходный мост. Мост проходит над центральной аллеей Парка Горького и осуществляет пешеходную связь внутри парка. Параллельно мост выполняет функцию смотровой площадки для наблюдения за катком.

Мост имеет длину 310 м и высоту 3 м, ширина моста — 2,6 м. У моста есть четыре спуска-подъема. Практически весь мост имеет два стандартных пролета между опорами 6000 и 9500 мм. Ограждение моста — деревянные двойные стойки с перилами высотой 1050 мм.

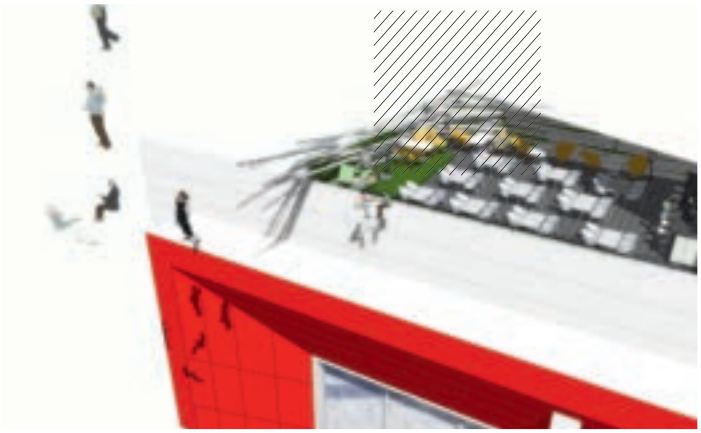
Фото: Артур Дугин, Илья Иванов

Летняя площадка «Гнездо»

GORA
Архитектор: Станислав Горшунов

Нижегородская область,
город Бор

Победитель по версии жюри и народа



«Нет ничего более постоянного, чем временное!» — вздыхали родители, переезжая в очередную съемную квартиру или подкладывая под ножку стола сложенную картонку. Для советского человека «временное» было страшным проклятием. Оно обозначало «некачественное», «ненастоящее», «бесперспективное». Жизнь все время приходилось откладывать на будущее. И пусть не у нас! — но у наших детей! — в этом светлом будущем все должно было получиться. В настоящем надлежало лишь «перекантоваться». И еще была фраза: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи». Дорогие надо было покупать не потому что они красивы, а именно потому, что прослужат долго.

На наших глазах все переменилось. Актуальными стали совсем иные ценности: гибкость, легкость, подвижность, мобильность, ликвидность. Архитектуре трудно угнаться за ними: она, конечно, музыка, но все-таки застывшая. Но в ней есть один жанр, где появляется категория времени — причем не как интерпретация, а как условие существования. Это «временная архитектура»: выставочные сооружения, парковые павильоны, летние кафе, беседки. Или, выражаясь строго, «род некапитальных сооружений, рассчитанных на временное использование, имеющих, как правило, облегченную конструкцию, небольшой размер, скромный бюджет и ограниченный функционал: репрезентация, питание, общение, развлечение».

Конечно, такого рода объекты были всегда и везде, но в России в тренд они превратились лишь в начале 2010-х годов, а самым ярким из первых стало летнее кафе «Гнездо» в городе Бор. Город и сам начинается в воздухе: к нему из Нижнего Новгорода ведет самая длинная в России канатная дорога (причем это не аттракцион, а основное средство передвижения к нему). Поэтому логично, что и «Гнездо» — не только на крыше (под ним — шесть этажей торгового центра), но и архитектура его исключительно воздушна. Образ плетеного изделия переосмыслен в современных масштабах, хотя сделан из простых гнутых досок стандартного размера 6 м. Неплотно переплетаясь, они оставляют посетителям виды на окрестности и дарят удивительное ощущение сплава традиции и современности.

Честно просуществовав несколько сезонов, конструкции были разобраны, автор же, победив на премии ARCHIWOOD как по мнению народа, так и по мнению жюри, стал звездой всероссийского масштаба.

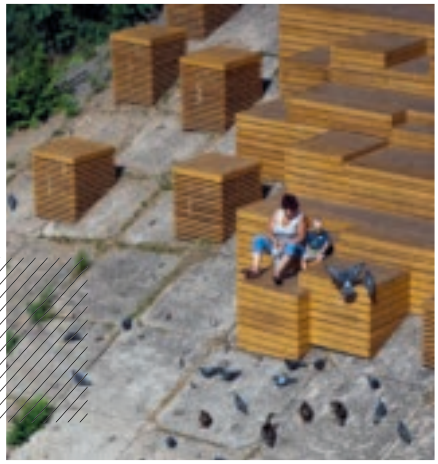
Фото: Дмитрий Живов

Красный пляж

«АВО!»
Архитекторы: Надежда Снигирева, Маргарита Иванова, Татьяна Белова

Вологда,
пространство у Красного моста,
фестиваль «Дни архитектуры в Вологде», проект «Активация»

Победитель по версии народа

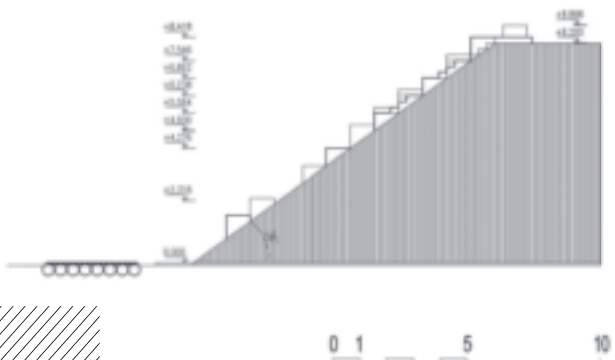


Поначалу временные деревянные сооружения вырастали лишь в рамках загородных фестивалей, в 2011 году дерево пришло в города. Но если в Москве, Нижнем, Ярославле, Самаре оно появлялось лишь в специально отведенных резервациях — парках, то в Вологде дерево оккупировало улицы, площади и набережные. Можно было бы счесть это продолжением традиции (город неспроста именуется «деревянной столицей России»), однако в реальности старая деревянная архитектура тут лишь убывала — тихо и безархнадзорно. Поэтому проект «АВО!» получил вторую расшифровку: «Активация Вологды» — призывая обратить взор не только на современные интервенции, но и на историческое наследие, которое в Вологде еще недавно было «средой».

Объекты «Активации» не просто вписались в город — они сумели актуализировать и «проявить» конкретные места. Иногда и вовсе «забытые» — то есть это была как раз «активация», а не благоустройство и без того популярных мест, как в Москве. Именно поэтому визитной карточкой фестиваля стал «Красный пляж» — объект, где идеально сошлись место, время, функция, образ. Место имело противоречивый характер: вроде бы самый центр, наверху — пешеходный Красный мост, с него — лучшие виды на город. Однако еще совсем недавно здесь полоскали белье, а сама бетонная насыпь являла унылую картину. Молодые архитекторы точно оценили ситуацию и поняли, что здесь не нужна никакая новая специальная функция: это именно что место для любования городом (через которое уже можно двигаться к осознанию его как ценности — и дальше к его активному сохранению).

Начинался проект как груда рассыпавшихся кубиков, но потом большинство их все же сгруппировали — что имело смысл как символический (амфитеатр, а не VIP-ложи), так и практический: это позволило закрепить всю конструкцию на девяти брусьях. Что не помешало авторам создать весьма живописный ландшафт: кубики то выше, то ниже, они то смыкаются, то разбегаются, сохраняя при этом единство модуля — в общем, маленькая модель человечества. Не только конструктив, но и отделка кубиков была сделана очень тщательно: все доски с фасочками.

В результате грамотной стратегии «Красный пляж» стал и самым романтичным объектом «Активации», и любимым местом для фотосессий горожан, а через это — и одним из самых узнаваемых мест города. (Город откликнулся противоречивым образом: для того чтобы с «Пляжа» было на что смотреть, выкорчевал все деревья на противоположном берегу, а набережную залил бетоном и выложил ровненьким булыжником).



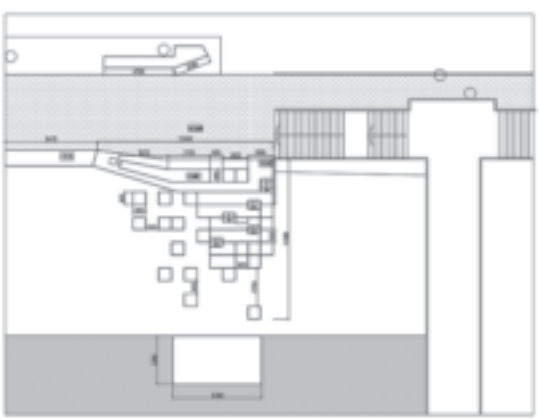


Фото: Дмитрий Селиванов, Алексей Курбатов, Михаил Приемышев

Треугольный сад

«АВО!»
Архитекторы:
Вера Смирнова (куратор),
Елизавета Апциаури, Анастасия Колтакова,
Ксения Михайлова

Вологда, сквер перед ВоГТУ, фестиваль «Дни архитектуры в Вологде», проект «Активация»

Победитель по версии жюри

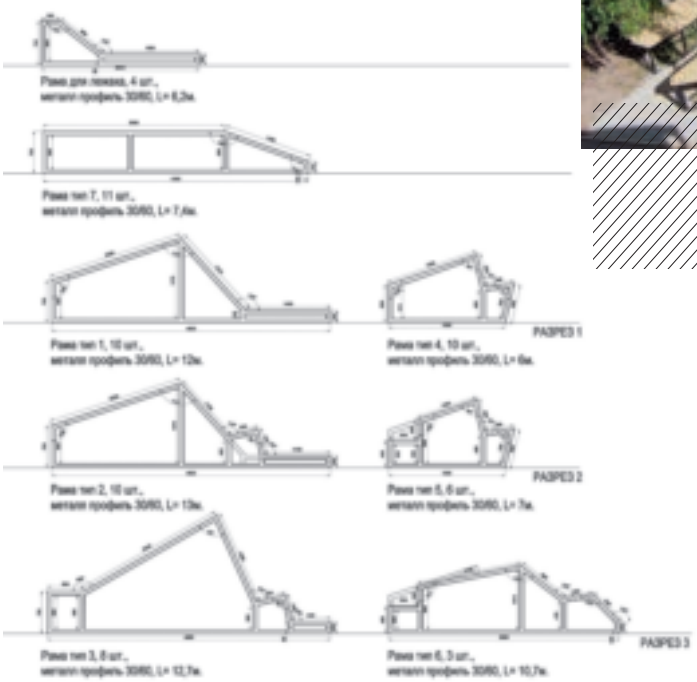
2012 год принес невиданное до того количество деревянных сооружений общественного назначения. В то время как «большая» архитектура ничем не радовала, а все главные «события» того года были какими-то фейками (Большая Москва), миражами («Сколково») или печалями (новый «Детский мир»), архитектура малая — парковая, павильонная, временная, деревянная — стала единственным производителем позитивных новостей. Вообще впервые появилась архитектура, которую граждане были готовы признать «своей». Впрочем, и делалась она ими же — гражданами.

В Вологде сработала идеальная схема: в 2011 году там прошел фестиваль «Дни архитектуры» (с лекциями и выставками), чрезвычайно всех вдохновил — и уже на следующий год основным сюжетом «Дней» было не созерцание, а действие: в городе построили пять отличных деревянных штуковин. Причем это были не арт-объекты с невнятной функцией, а осмысленные сооружения, призванные изменить сценарии использования общественных пространств. Создатели «Дней архитектуры в Вологде», москвичи Александр Дуднев и Константин Гудков, помогали с организацией, все остальное выпускники и студенты местного университета сделали сами: объединились в группу «АВО!» («Архитекторы Вологды, объединяйтесь!»), выбрали места, придумали идеи, нашли деньги и своими руками все построили. Процесс был непростым, погода грозила погубить начатое, кураторам приходилось авральным созывать помощников через социальные сети.

Именно так рождался «Треугольный сад» — парк-аудитория под открытым небом. Он вырос из скрещения существовавших тропинок около Техуниверситета, но при этом не стал жестом подчинения провинциального хаоса авторскому проекту. Наоборот, трактовал аморфность среды как повод к возникновению столь же мягкого и неопределенного пространства, без четкого центра, с разнонаправленными векторами, с очень сложной геометрией. Более того: инструментом преобразования становится локальная традиция. Деревянные тротуары (привычные на русском Севере) перетекли в скамьи с высокими спинками; скамьи плавно превращаются в лежаки, некоторые из них тихо «отползают» в сторону; условная сцена не доминирует над ними, а также мягко спускается вниз. И, естественно, природа столь же органично прорастает сквозь деревянные настилы — и это не только деревья, но и трава, что есть одновременно и рефлексия над тем, как деревня в России вечно одолевает город, и тонкий намек на нью-йоркский High Line.

В результате студенты вологодского вуза получили возможность предаваться тут чему угодно. В первый же год здесь прошли лекции, пресс-конференции и даже концерты. Потом, правда, активность увяла, «Сад» перестал использоваться по прямому назначению (что часто бывает в России с архитектурой, имеющей жизнестроительный умысел), но, по крайней мере, не был ни разобран, ни растащен.

Фото: Алексей Курбатов, Михаил Приемышев


Рама для лежака, 4 шт.,
металл профиль 30Ф80, L= 6,2м.
Рама тип 7, 11 шт.,
металл профиль 30Ф80, L= 7,4м.
Рама тип 1, 10 шт.,
металл профиль 30Ф80, L= 12м.
РАЗРЕЗ 1
Рама тип 4, 10 шт.,
металл профиль 30Ф80, L= 6м.
Рама тип 2, 10 шт.,
металл профиль 30Ф80, L= 13м.
РАЗРЕЗ 2
Рама тип 5, 6 шт.,
металл профиль 30Ф80, L= 7м.
Рама тип 3, 8 шт.,
металл профиль 30Ф80, L= 12,7м.
РАЗРЕЗ 3
Рама тип 6, 3 шт.,
металл профиль 30Ф80, L= 10,7м.

«Променад»

«Архитекторы Асс»
Архитекторы:
Евгений Асс, Григор Айказян

Москва, парк «Музеон»

Шорт-лист

Территория парка искусств «Музеон» — треугольник, образованный Крымским Валом, набережной Москвы-реки и Мароновским переулком, является продолжением природного массива, простирающегося от Воробьевых гор к Парку Горького. «Променад» соединяет эти зеленые зоны с центром города, становясь одновременно организующим стержнем самого парка, на который нанизаны его основные функции и объекты.

«Променад» представляет собой непрерывную извилистую деревянную дорогу переменной ширины. Плавные линии ее поворотов образуют независимую траекторию, наложенную на существующую в парке ортогональную сетку дорожек и газонов. При трассировке дороги были учтены имеющиеся деревья и кустарники, а также тяжелые скульптуры, не подлежащие перемещению.

«Променад» имеет длину 815 м, ширина варьируется от 2 до 8 м. Материал настила — доска лиственницы 25×140 мм. Настил устроен по каркасу из бруса хвойной породы дерева сечением 50×150.

Средняя высота подъема дороги 30 см от уровня земли. Для беспрепятственного проезда транспорта участки пересечения «Променада» с существующими дорогами имеют пониженную отметку 75 мм, а для людей с ограниченными возможностями и посетителей с колясками созданы пандусы. Доски настила на протяжении всей трассы уложены в одном направлении.

«Променад» является частью проекта реконструкции парка, включающего павильон ШКОЛА, летний кинотеатр, деревянную террасу, озеленение, создание новых зон отдыха, а также реэкспозицию. Основная его функция — объединять новые объекты и пространства парка, но есть и самостоятельная рекреационная: вдоль него появятся лавочки для отдыха и Wi-Fi. Кроме того, «Променад» может быть не только прогулочной зоной, но и творческой мастерской: так, на фестивале Seasons он стал и сценой, и зрительным залом.

Терраса

«Архитекторы Асс»
Архитекторы:
Евгений Асс, Григор Айказян

Москва, парк «Музеон»

Шорт-лист

Обновление московских парков началось в 2011 году с Парка Горького, а в 2012 году хедлайнером стал соседний «Музеон». Евгений Асс сделал проект реконструкции парка, в соответствии с которым проложил деревянный променад. Затем построили павильон «Школа», починили кинотеатр, перетасовали скульптуры. Но все это — чудесные камерные объекты внутри парка. В Москве же была так велика тоска по «общественным пространствам», что этим словосочетанием упрямо именовали любую лавочку. И как ответ на этот запрос случился объект совсем иного масштаба: гигантская городская терраса — между рекой и Центральным домом художника. Она же помост, настил, дека, палуба — отсутствие внятного имени тоже характерно, ибо отражает ее многофункциональность.

Правда, кроме художников, устроивших здесь осенью того же года фестиваль паблик-арта, террасу никто не заметил. Что неудивительно: объект довольно быстро занесло снегом. Казалось бы, брак, бардак, безобразие: зимой, товарищи, телегу надо было готовить! Да, мы долго запрягаем, но еще дольше согласовываем. А эту вещь согласовывали почти полвека — с тех пор как авторы здания ЦДХ оставили в стене проем, предусмотрев связь внутреннего двора здания с рекой. Это была настоящая революция: не застраивать набережные роскошными фасадами, как при Сталине, а открыть город воде. Но этого не получилось ни у них, ни у их последователей — хотя конкурсов на это место было предостаточно.

Решить вопрос мешало не столько пересечение интересов хозяйствующих субъектов, сколько эта имперская догма: место встречи города с рекой должно быть торжественным. При этом из догмы был исключен главный субъект — человек. Но как только Асс догадался, что здесь нужен не дворцовый поворот, а дачный переворот, все получилось. Сидя на этой террасе, в кои-то веки чувствуешь себя хозяином города. Покатая пустота превратилась в минималистский амфитеатр — пусть не полукруглый, но тут и нет необходимости фокусировать взгляды. При этом ощущение театральности есть: на сцене — река! Тут настолько празднично, но по-домашнему, что некоторые горожане даже задумались, не сыграть ли им здесь свадьбу.

На следующий год был наконец-то ликвидирован забор, много лет разделявший ЦДХ и реку, на его месте пролегла благоустроенная Крымская набережная, ставшая лучшим общественным пространством Москвы, забили фонтаны, зарезвились дети... Все это немного затмило террасу, но первым прорывом к будущему на этой территории была все-таки она.

Общественный туалет

WOWHAUS
Архитекторы:
Олег Шапиро,
Дмитрий Ликин,
Анастасия Измакова

Москва, Парк Горького

Шорт-лист

Число и состояние общественных туалетов Москвы совершенно не соответствуют столичному статусу. Их мало, найти их трудно — чаще всего туалет «стыдливо» замаскирован в пейзаже, вдобавок большинство стали анклавами городского дна.

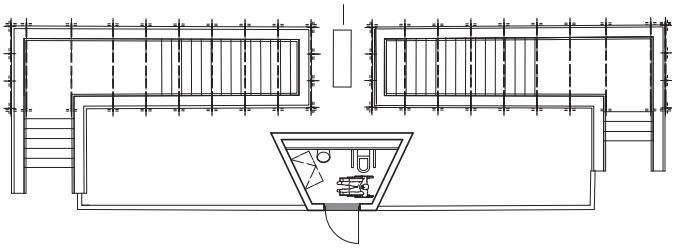
Выполняя задание, мы решали вопрос, какие условия необходимо заложить в проект реконструкции, чтобы впоследствии туалет не превратился в маргинальную территорию, чтобы он сам себя защищал от вандализма и хулиганства.

Мы предположили: если сделать общественный туалет эстетически интересным объектом, создать современное архитектурное решение для надземного павильона и интерьера подземной части, то возникнет своего рода «аура», ломающая поведенческие привычки, в новом пространстве и посетители будут вести себя по-новому.

Результаты этого эстетического эксперимента можно наблюдать после полугода эксплуатации: признаков деградации, «сползания» в зону маргинальности пока не обнаружено. Будем надеяться, что долгая жизнь объекта заставит поверить в полный успех такого подхода.

Реконструкция подземного туалета 1970-х годов оказалась непростой и с технической точки зрения. Гидроизоляция стен и потолка пришла в негодность, взамен неработающих систем горячего водоснабжения и отопления использовалось электричество, создавая большую нагрузку на сеть.

Для гидроизолирования здание предстояло раскапывать, и наши технические специалисты вместе со специалистами парка пришли к выводу, что выгоднее прокладки новых коммуникаций и расходов на их эксплуатацию будет установка теплового насоса: с помощью тепла земли здание само себе обеспечит подогрев пола и горячую воду. Заметим, что в каком-то смысле экономия стала лейтмотивом проекта — реконструкция была реализована в рамках очень ограниченного бюджета.



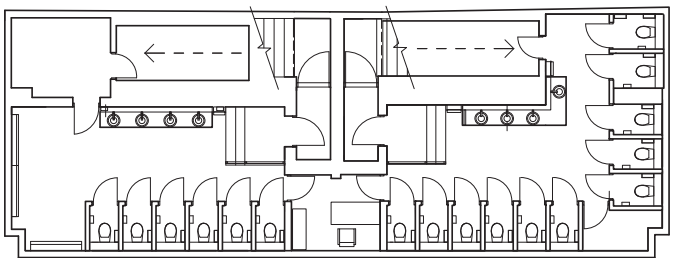


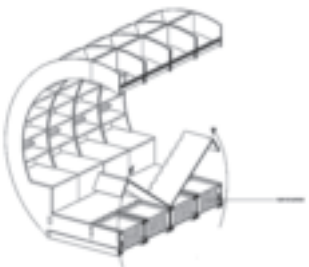
Фото: Илья Иванов

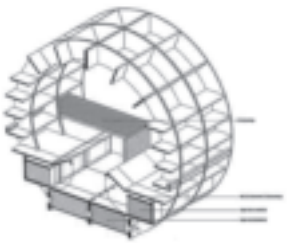
Гоголь-модуль Вариант «Барабан»

RueTemple
Архитекторы:
Дарья Бутахина,
Александр Кудимов

Москва, Парк Горького,
Сад им. Баумана, парк «Музеон»

Шорт-лист





Летом 2012 года в Москве состоялся архитектурный конкурс на проект мини-павильона для книжной торговли. Организаторами конкурса выступили Институт книги, BURO 17 и АРХИWOOD. Конкурс проводился при поддержке Департамента СМИ и печати Правительства Москвы в рамках программы «Книги в парках». Задачей участников было создать такой объект, который пару дней в неделю функционирует как торговая точка, а в остальное время превращается в парковую мебель — лавочку или беседку. То есть не загромождает пространство унылым складским объемом, а работает на благо горожан — привлекая их оригинальностью формы и комфортностью пребывания. И провоцирует на общение с книгами в выходные или во время книжных фестивалей. Из цитаты про то, что «нам нужны подобрее щедрины, и такие гоголи, чтобы нас не трогали» и родилось название: эти «гоголи» должны нас трогать. А мы — их. Поскольку же предполагалось установить по несколько штук в каждом парке, возникли «модули».

После долгих прений в финал конкурса вышло два проекта. И даже не все члены жюри сразу сообразили, что сделаны они одной и той же командой. Причем командой совсем юной — мастерской Rue Temple. Первый проект понравился заказчикам своей практичностью, а жюри — интерактивностью: книжный шкаф с одной стороны, а с другой пирамидка-лесенка. Пусть и не амфитеатр, но что-то на эту тему — если сдвинуть вместе. Но победил другой их проект: цилиндрическая пергола, крытая поликарбонатом, ребра жесткости которой служат книжными полками. Конструктивная схема объекта проста: полукольца вырезаются из листа фанеры 3×1,5 м и сшиваются в кольцо с помощью металлических пластин, между собой кольца перевязываются горизонтальными связями, которые и есть полки. Нижние широкие полки служат сидением для продавца и столом для кассового аппарата. Они же используются для отдыха горожан в те дни, когда объект не функционирует по первому назначению. В подпольном пространстве — устройство хранилища для книг.

Окончательный итог конкурса был великолепен: решено были строить обе версии — и «барабаны», и «лесенки»! И «Гоголь-модули» совершили триумфальное шествие по московским паркам, обосновавшись сразу и в «Музеоне», и в Парке Горького, и в Саду им. Баумана.

Фото: Александр Кудимов

«МикроЛофт»

BIO-architects
Архитектор: Иван Овчинников

Москва, парк «Музеон»,
фестиваль «Микродом»

Победитель по версии жюри

Необычайно эффектный по форме, да еще парящий на высоте 4,5 м «МикроЛофт» многие приняли за железный. Трудно было поверить, что это сооружение несут деревянные опоры. Но то была лишь «обманка», демонстрирующая возможности современных материалов — LVL-бруса. Он склеивается из нескольких слоев лущеного шпона хвойных пород (толщиной 3 мм), при этом волокна древесины смежных слоев располагаются параллельно (в отличие от фанеры), что и обеспечивает высокую прочность. Но в этой «обманке» есть и вторая часть: сам дом выглядит таким тяжелым, потому что кажется железным. Да и не просто железным, а ржавым. Что весьма иронично трактует тему полета, ставшую популярной в архитектуре модернизма. Поначалу она была связана со всеобщим воодушевлением идеями прогресса и преодолением земного тяготения. Затем, уже в эпоху «экологической трепетности», появилась дополнительная мотивация: сохранить естественное покрытие, траву, почву — именно за этим поднимал на ножки свои виллы Ле Корбюзье. Что не мешало ему бестрепетно сносить старые города (слава богу, в проектах), поднимая над ними свои небоскребы — тоже на ножках. Похожее лукавство есть и здесь: «МикроЛофт», конечно, стоит всего на трех точках, но никакой необходимости взгромождать его на такую высоту не было. Ни затесненного участка, ни редких популяций муравьев, ни особых видов на окрестности. Так что это в чистом виде жест художника, забирающегося в свою «башню из слоновой кости», дабы возвыситься над суетой и обывателем. Но куда приводят такие мечты — и про отрыв от действительности, и про полет — XX век слишком хорошо показал. Поэтому дом и ржавый — уже не утопия, а, скорее, антиутопия. А если вместо солнечных батарей к нему привинтить пропеллер — то и вовсе пепелац из фильма «Кин-дза-дза».

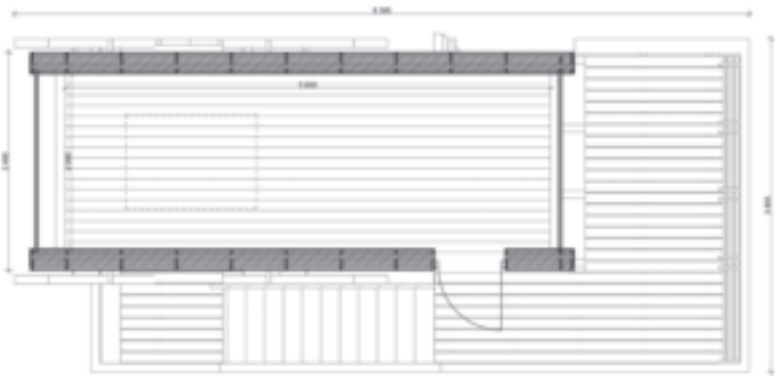


Фото: Иван Овчинников

Яйцо в кубе

Архитекторы: Алексей Мельников, Тимур Арсланов

Москва, парк «Музеон», фестиваль «Микродом»

Шорт-лист

Этот маленький объект декларирует сразу массу тем, актуальных для современной архитектуры: здесь есть многофункциональность, мобильность, компактность, интерактивность, прозрачность. В зависимости от наклона «Яйцо» может выполнять три разных функции. В вертикальном положении это кабинет, рассчитанный на одного или двух человек. Если его перевернуть, кабинет превратится в гостиную. Еще одно вращение преобразует пространство в спальную комнату. И если в вертикальном положении площадь объекта составляет всего 3,6 кв. м, то в результате суммирования внутренних поверхностей, она превращается уже в 16 кв. м! Причем превращается она действительно плавно (а не как те шорты) — достаточно облокотиться на стену, чтобы подготовить дом ко сну (чем с восторгом и занимались все гости фестиваля «Микродом»). Правда, венское бюро AllesWirdGut ухватило витавшую в воздухе идею чуть раньше и воплотило ее в круглый turnOn, но там, по большом счету, кинетическая скульптура. Здесь же — вполне себе дом, имеющий и глубину, и стены, и окно (оно же вход). Кроме того, его аппетитный силуэт не идет ни в какое сравнение с механистичным футуризмом австрийцев, не говоря уж о материале — таком родном и милом дереве.

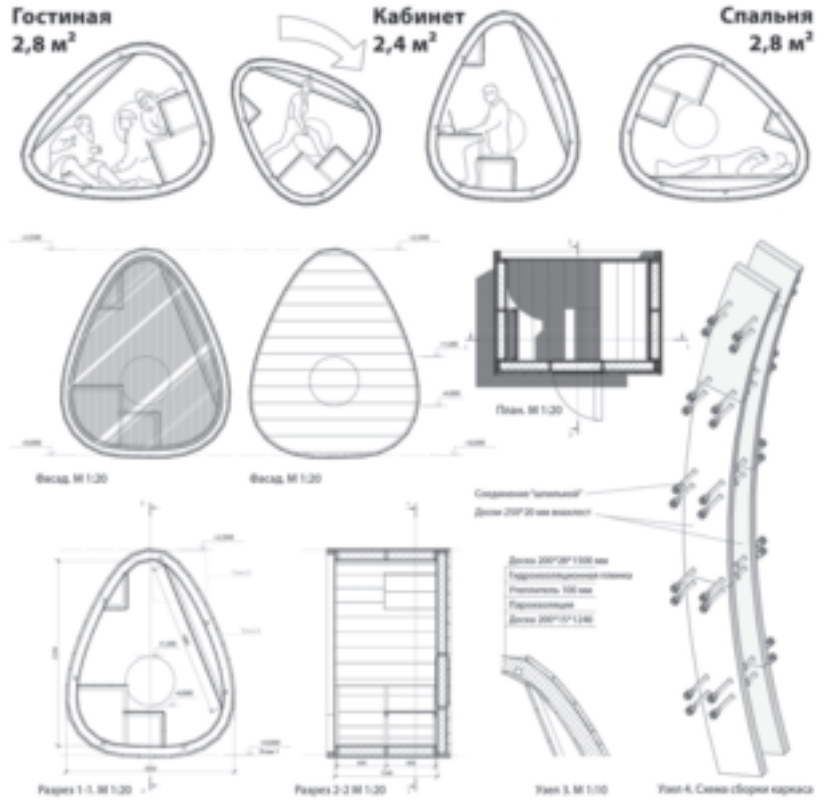


Фото: Иван Овчинников

«Микростудия»

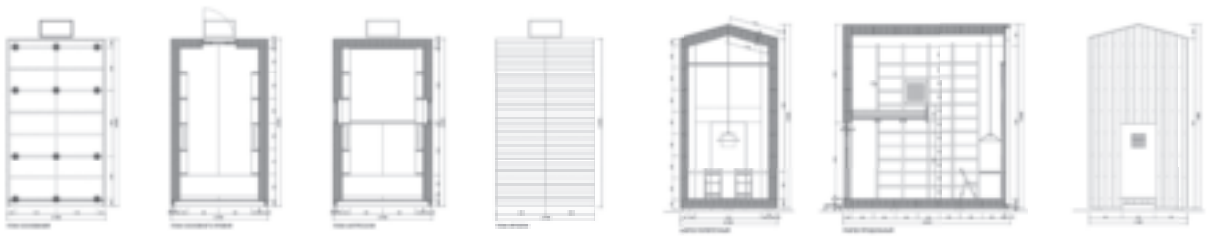
MADETOGETHER
Архитекторы: Лиза Фонская, Никита Асадов

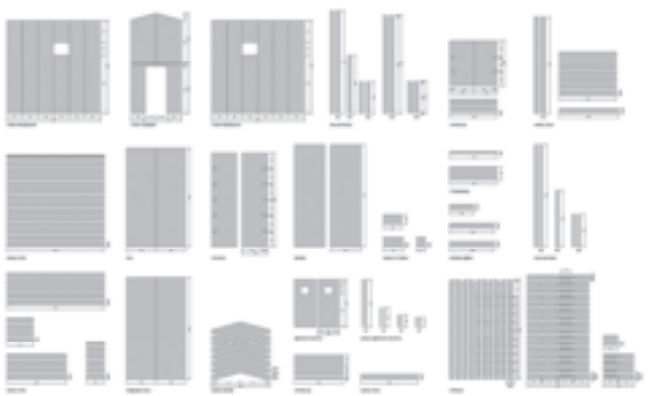
Москва, парк «Музеон», фестиваль «Микродом»

Шорт-лист

Фото: Андрей Асадов, Никита Асадов

«Микростудия» проектировалась как своего рода концепт-кар: здесь проверялись и отрабатывались новые идеи и решения, закономерно вылившись в необычный образ. Привычный силуэт деревянного дома под скатной кровлей растет вверх, избывая свою традиционную горизонтальность, и доходит, кажется, до предельной точки. По крайней мере, до той, где это движение вверх еще можно зафиксировать сплошным остеклением (впрочем, и этот стеклопакет долго никто не брался изготовить). Этот «срез» превращает главный фасад дома в витрину: эксперимент на тему прозрачности/непрозрачности ставится в рамках более глобального опыта о границах публичного/приватного. Домик задуман как мастерская, находящаяся на территории публичного парка. Соответственно, не только находящиеся внутри могут созерцать природу, но и наружный наблюдатель имеет возможность подглядывать за творческим процессом (впрочем, авторы идут еще дальше, проектируя в глубине домика спальню). При этом витраж сделан из смарт-стекла, блокирующего ультрафиолетовое освещение (вентиляцию обеспечивают два маленьких окошка в боковых стенах), то есть обращенный на юг дом не оказывается дискомфортным для работы. Рабочее пространство необычно высокое (при этом лаундж-зона, наоборот, низкая). На ту же высоту (почти 5 м) возносятся стеллажи, фактически становясь стенами – развивая многозначность дома, где окно есть стена (а стена – окно). При этом стеллажи становятся еще и лестницами, по которым можно попасть на антресоль. Которая, в свою очередь, не просто антресоль, а кровать (та самая спальня). К витражу, во всю его ширину, примыкает рабочий стол, обеспечивая искомое счастье «работы на природе» (но все же не на даче, а в городе – откуда и непроницаемость при всей прозрачности). Кроме того, в «Микростудии» нестандартное отопление: под фанерным полом прячется инфракрасный теплый пол, который прогревает помещение даже зимой. При этом все отопление вместе с освещением потребляет менее одного киловатта – здание, как ноутбук, можно подключить к стандартной розетке при помощи штепселя. Наконец, дом имеет нестандартный каркас (балки из LVL-бруса, а фасад и крыша из термодерева) и необычный фундамент. Поскольку павильон был задуман как временный объект, фундамент отсутствует, а вся нагрузка распределена на двенадцать регулируемых опор, которые стоят на небольших бетонных плитках, оставшихся в парке после реконструкции дорожек (что, конечно, находка для тех, кто хочет поставить на участке небольшой домик). В первый год в «Микростудии» проводились детские мастер-классы, сегодня она живет в парке как выставочный экспонат на тему близкого будущего, где привычные границы сместятся.



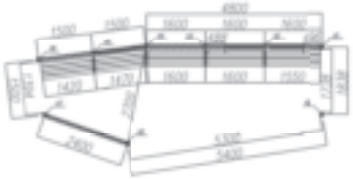


Остановка «Драмтеатр»

«Проектная группа 8»
Архитекторы: Надежда Снигирева, Михаил Синюхин, Дмитрий Смирнов

Вологда

Победитель по версии народа



Если объекты фестиваля «Активация Вологды» (2012) строились спонтанно и стремительно, то возведению новой автобусной остановки предшествовала огромная работа (недаром ее авторы были в числе «активаторов» и все набитые шишки отрефлексировали). Сначала молодые архитекторы провели широкомасштабное социологическое исследование. Были проанализированы остановки общественного транспорта (вологодские и не только) и собраны пожелания всех вовлеченных сторон — пользователей транспорта, городских властей, перевозчиков, руководства близлежащих учреждений, городских активистов. Вологодчане желали, чтоб не дуло и не капало, чтобы стекла не бились и объявления не клеились. И еще света, чтобы читать. В общем, техзадание тянуло на полноценный ТПУ... После этого была создана социально-функциональная схема павильона, а современные методы параметрического моделирования позволили оперативно вносить изменения в проект, учитывая антропоморфные данные, организацию потоков и особенности выраженного уклона тротуара. Идея использования дерева как основного материала тоже была предложена горожанами, которые рассказали о том, что в Вологде дерево традиционно использовалось при строительстве остановок. Реализация многое изменила, тем не менее остановка оказалась на редкость вандалоустойчивой (что городские власти считают главным успехом и чему во многом способствовал металлический каркас). Стилистика же павильона обусловлена архитектурным контекстом, в частности соседством с Драматическим театром — памятником эпохи советского модернизма.

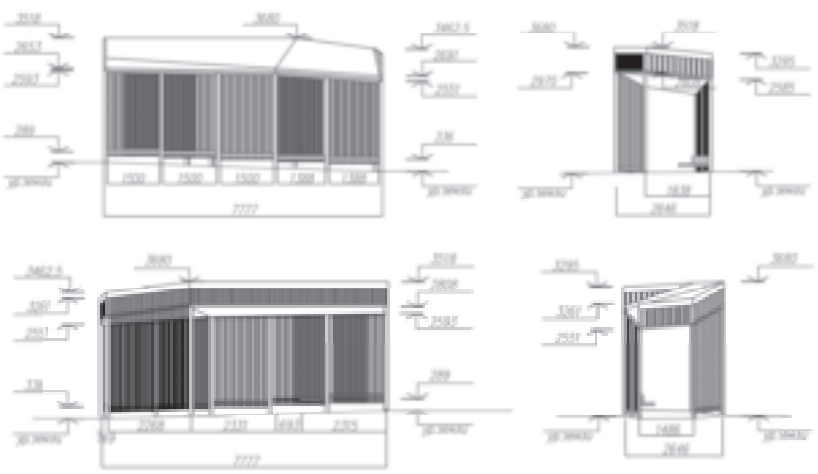


Фото: Дмитрий Смирнов

Пешеходный мост

«АИ-студия»
Архитекторы: Василий Сошников, Иван Колманок, Алена Бусыгина
Конструктор: Александр Соловцов

Москва, ВДНХ

Победитель по версии жюри

Эхом ушедшей эпохи глядит мост над «самым большим катком страны» — на московской ВДНХ. Эффектный его облик в виде переливающихся волн света, навеянный, как уверяют авторы, арктическими пейзажами и северным сиянием, изумительно рифмуется с «облегченным сталинизмом» ВДНХ. Правда, этот извод стиля еще называют «курортным», так что все вместе начинает казаться каким-то сюрреалистическим пейзажем в духе Владимира Сорокина: «Каток в Магадане. Северное сияние. 1940 год».

Соответствует этому образу и история его рождения. «Насколько раньше «Меха на ВДНХ» никого не волновали, — пишет Юлия Шишалова, — настолько сейчас эта территория находится в центре внимания городских властей, готовых бросить на развитие Выставки достижений все мыслимые и немыслимые ресурсы. Главное — чтобы было быстро, эффектно и эффективно. Примерно с такими пожеланиями администрация ВДНХ обратилась и к «АИ-студии»: осенью приняли решение по поводу «главного катка страны», и за считаные недели требовалось построить на его территории пешеходный мост, который бы связал между собой все зимние «павильоны». Но как мост должен выглядеть, чтобы связь оказалась еще и визуальной? Причем желательно не только с сезонными раздевалками и кассами, но и с архитектурными шедеврами советских времен, которые на ВДНХ повсюду? Команда «АИ-студии» нашла решение, которое сразу понравилось заказчику и которое, благодаря доступу к «ресурсам всей России», обусловленному значимостью задачи, удалось реализовать в срок. Мост, возведенный вблизи фонтана «Дружбы народов», представляет собой волнообразный каркас с реечным деревянными фасадом, причем к каждой рейке «привязана» лампа с цветным светом. Авторы утверждают, что и форма, и декоративный образ моста были навеяны арктическими пейзажами и северным сиянием — и действительно, в темное время суток деревянная конструкция переливается поистине «неземным» светом».

Можно было бы сказать, что этот объект продолжает тему деревянных мостов, столь ярко начатую мостом в Парке Горького, если бы не смутные предчувствия, что он закрывает ее. А вместе с ней — и целую эпоху надежд и обновлений, «капковскую оттепель», в которой городская деревянная архитектура сыграла очень важную роль.

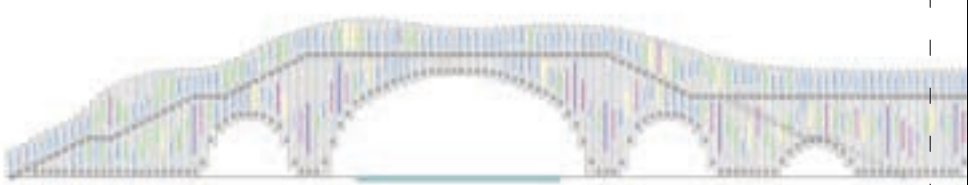
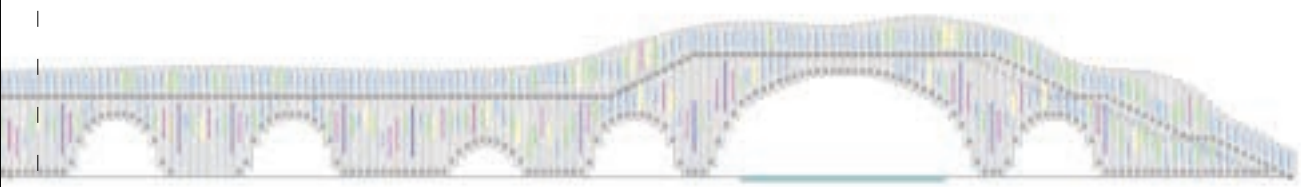


Фото: Дмитрий Чебаненко



«Руины»

«Команда А»
Архитекторы: Елена Пупышева, Евгения Ларкина, Елена Авершина, Анна Борматова, Айза Курбанова, Надежда Катаева, Анастасия Охрямкина, Алена Битколова, Жанна Нугербекова, Александрина Левандовская, Светлана Скрипа

Санкт-Петербург,
Таврический сад,
фестиваль «Древолюция»

Победитель по версии народа

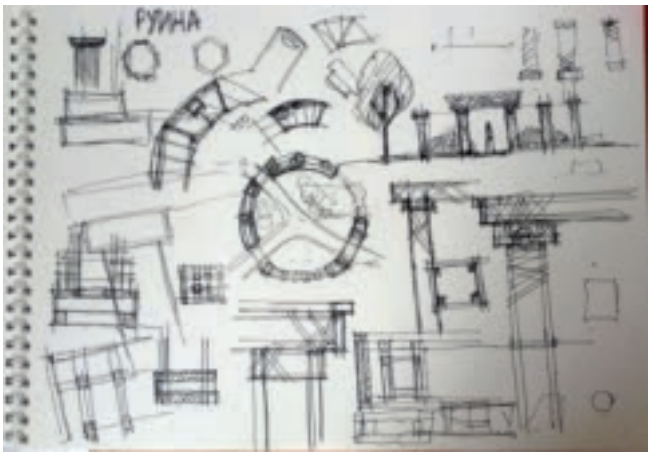


Фото: Анастасия Охрямкина, Елена Пупышева

Как и другие объекты фестиваля «Древолюция», «Руины» расположены в Таврическом саду, поэтому определяющим для авторов стало сохранение связи с историей. «Наш проект, — пишут они, — это остатки некогда классической ротонды, символ временных изменений, отражение истории в текущем облике парка. От полноценной ротонды в проекте осталось лишь шесть колонн, на каждой из которых история отразилась по-своему. Руины находятся на пересечении дорожек парка, ровно по центру участка для проектирования. Колонны выделяют центр, формируя площадь, — это и новое место встреч, и новый маршрут для посетителей. Нам приятно находить фотографии свадебных фотосессий с нашим объектом и просто селфи посетителей: это показывает, что объект «живет» вместе с людьми.

Используемым материалом является древесина ЛВЛ, что не только экологично, но и сохраняет естественный облик парка. Дерево для нашей команды — это особый материал с достаточной пластичностью формы и легкостью возведения объекта. Все основные элементы и пропорции дорической колонны мы сохранили в нашем объекте. Белая лессировочная краска выделяет колонны на фоне летней зелени парка, в холодный период маскирует под естественное окружение объекта.

Изначально объект планировался как временный, на пару месяцев, но «Руины» так прижились в парке, что спустя год мы нашли слегка покосившиеся колонны в неплохом состоянии, а пара колонн исчезла. Их судьба неизвестна нам, и мы не ждем их возвращения».

Театр теней. Спуски к воде

Творческое объединение «МЫ»
Архитекторы: Антон Яковлев, Сафиулла Сайфутдинов, Екатерина Стаканкова, Анна Новикова, Алексей Дейкин, Федор Щербаков, Федот Александров, Дмитрий Ковалев, Андрей Александров, Мария Журкина, Оксана Портнова, Владислав Хохлов, Анастасия Грибанова

Санкт-Петербург,
Таврический сад,
фестиваль «Древолюция»

Победитель по версии жюри

Жить на воде, у воды (или хотя бы видеть ее в окне!) — обостряющаяся с каждым глотком выхлопного газа мечта горожанина. Но рек и прудов в наших городах немного, на всех не хватает, поэтому архитекторам приходится решать такую задачку: как увеличить количество воды, возле которой можно быть, не меняя ее объема? Привычными ответами стали обитаемые дебаркадеры и деревянные пляжи, один из которых — «Красный пляж» в Вологде (2012) — послужил точкой отсчета в проектировании этого объекта. Но ситуации были разными (там — городская набережная, тут — исторический сад; там — советские бетонные плиты, тут — памятник садово-паркового искусства; там напротив — город, здесь — лишь гладь воды и деревья), поэтому разными были и решения. Вологодский пляж — цельный и фундаментальный объект, питерский — лишь легкие ступени, сохраняющие вибрацию смыслов: то ли это лесенки к воде, то ли — зрительный зал. «Архитектура — это люди, Архитектура — это связи прошлого, настоящего и будущего, — пишут авторы. — Дерево дает нам шанс это почувствовать и понять, проникнуться. Связь человека с истоком, с природой, с водой — мы увидели это в этом месте и постарались дать почувствовать это другим, создав спуски к воде, на которых можно сидеть и общаться друг с другом, с природой, с водой, с собой».

Фото: Антон Яковлев и другие

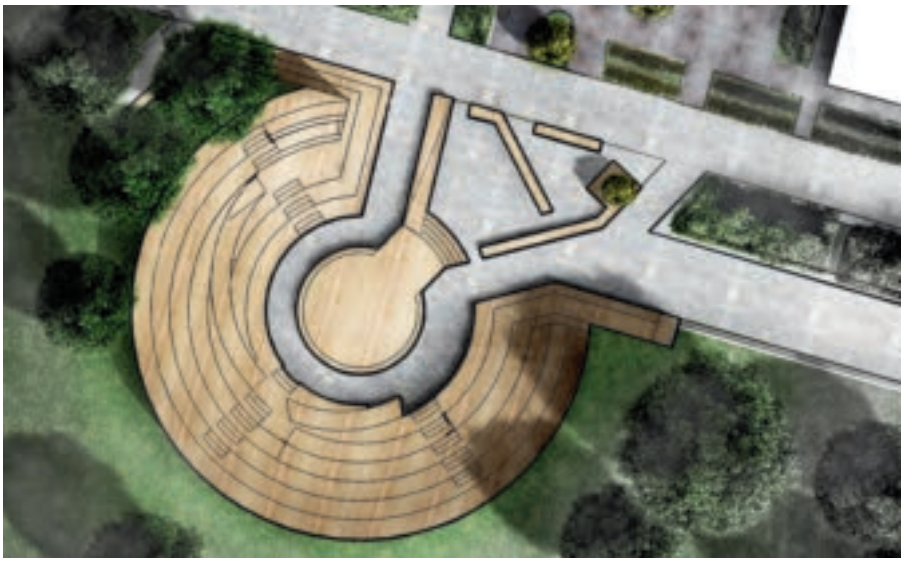
Амфитеатр

«Архитектурный десант»
Архитекторы: Арсений Овчаренко,
Анастасия Развалова,
Дарья Толовенкова

Республика Татарстан,
поселок городского типа Апастово

Шорт-лист

Зона амфитеатра в п.г.т. Апастово олицетворяет собой чашу, наполняемую различными элементами — музыкой, смехом, разговорами. Это место, притягивающее в свою воронку всю общественную жизнь, проходящую в парке. Амфитеатр предназначен для проведения летних мероприятий, выступления творческих людей, общения жителей. Он представляет собой ступенчатый сегмент круга 12 м в диаметре, обращенный в сторону парка. По высоте делится на шесть ярусов. В центре располагается сцена с доступом для МГН.



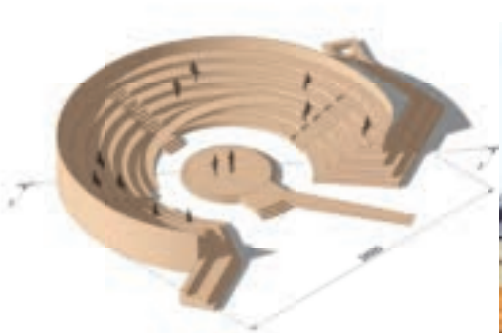


Фото: Даниил Шведов

Интерьер

Номинация

Эта номинация появилась в премии не сразу, хотя отделывать квартиры деревом было модно всегда, а деревянные интерьеры активно печатались в глянцевых журналах и в 1990-е годы. Но именно восприятие дерева как сугубо декоративного элемента долго мешало Экспертному совету принять эту тему. И только тогда, когда архитекторы стали превращать деревянные интерьеры в сложные увлекательные пространства, номинация расцвела пышным цветом.

Деревянная курватура

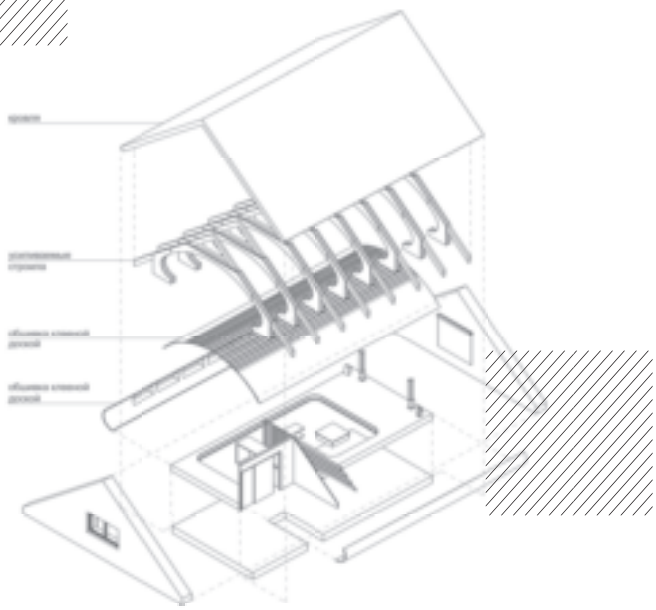
Архитектурная лаборатория
Дмитрия Александрова
и Веры Гапон

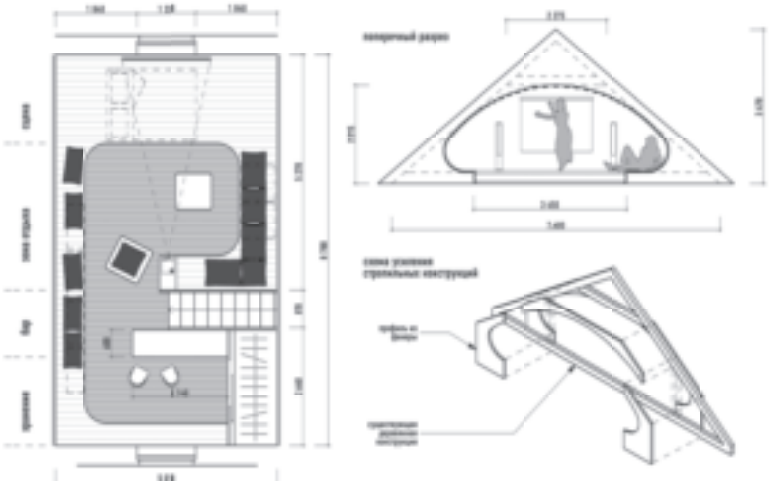
Архитекторы:
Вера Гапон,
Дмитрий Александров

Московская область,
деревня Пикино

Победитель по версии жюри и народа

Проект выполнен для телепередачи НТВ «Дачный ответ». Была поставлена задача преобразовать пространство мансарды в многофункциональную зону отдыха. Мы решили не перенасыщать пространство мебелью, а сделать единый элемент, который функционально ответит на все поставленные вопросы. Вместо ломаного потолка нарисовали округлый свод, плавно переходящий в лавку-подиум по периметру комнаты. Несущие конструкции оказалось возможным раздвинуть и усилить с помощью фанерных направляющих. Такое решение позволило использовать ранее недоступное пространство в углах и визуально расширить помещение. Под подиумом разместили выкатные тумбы, ящики и спальное место. Пространство в коньке кровли использовали для размещения осветительных приборов, а свет пропустили сквозь деревянный реечный потолок. Также в интерьере присутствует дополнительная светодиодная подсветка по периметру подиума и в нишах. Реечная перегородка разделила пространство на две зоны — активную, с домашним кинотеатром и караоке, и камерную, с барной стойкой и небольшим шкафом-купе.





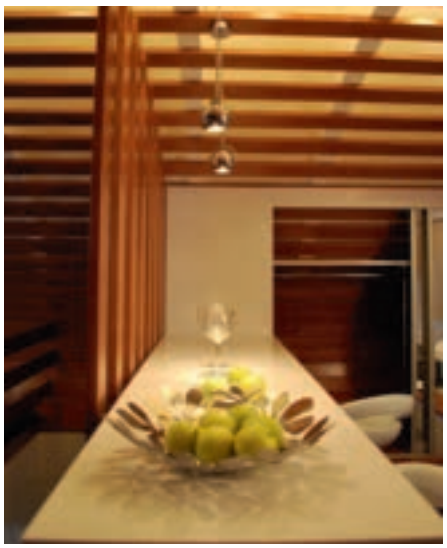


Фото: Дмитрий Александров

Инфоцентр

Архитектор:
Иван Овчинников

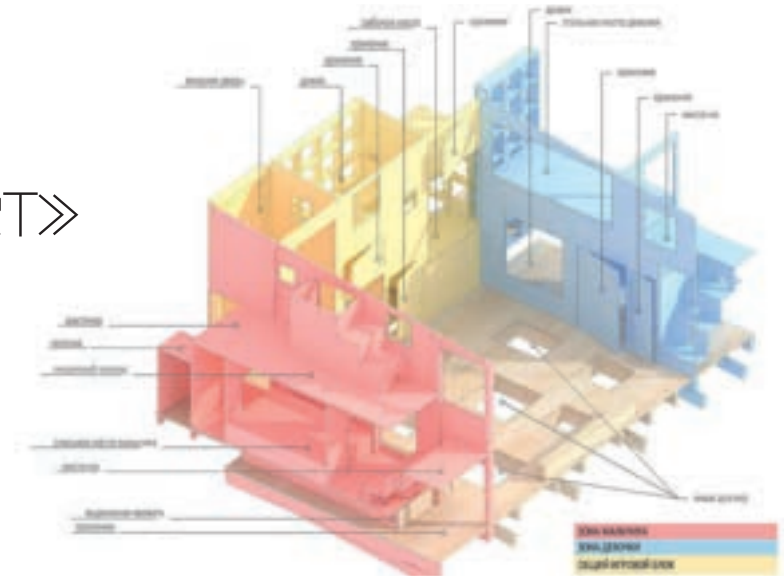
Тульская область,
Заокский район,
«АрхФерма»

Победитель по версии жюри

Первый проект реновации старого промышленного здания на «АрхФерме». Раньше здесь располагался цех кормования, последние двадцать лет здание было заброшено и постепенно разрушалось. После реновации появился второй ярус, четыре жилых комнаты, кухня и обслуживающие помещения. Основной композиционный элемент интерьера — стеллажи, выполняющие функцию книжных полок и несущие нагрузку второго этажа. Интерьер сочетает в себе необработанную кирпичную кладку и дерево в разных его проявлениях — полы и стены, деревянная мебель и светильники.

Фото: Ольга Штылькова

Интерьер детской комнаты для телепередачи «Дачный ответ»



RueTemple

Архитекторы:
Александр Кудимов,
Дарья Бутахина

Московская область

Шорт-лист

Дети нерациональны и непостоянны, они ежеминутно развиваются и нуждаются в возможности нового выбора, поэтому мы постарались сформировать интерактивное пространство, с которым дети могли бы вступать в диалог, сами выбирая путь передвижения и меняя функцию своих «местечек» и игровых зон.

Дети нуждаются в ощущении, что у них есть личная территория, которая сомасштабна им по размерам, потребностям и интересам и не имеет ничего общего со взрослым миром, поэтому мы избавили комнату от стандартных взрослых предметов мебели: от скучных столов, шкафов, комодов, тумбочек, стульев, кроватей, компьютеров и телевизоров.

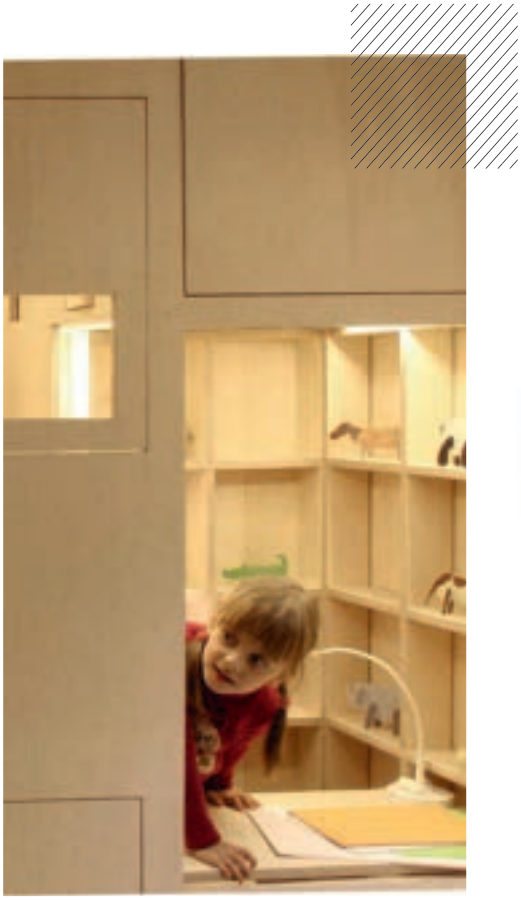


Фото: Александр Кудимов, Дарья Бутахина

Smolenka «Oak Tube» Apartment

Архитектор:
Петр Костелов

Москва

Шорт-лист

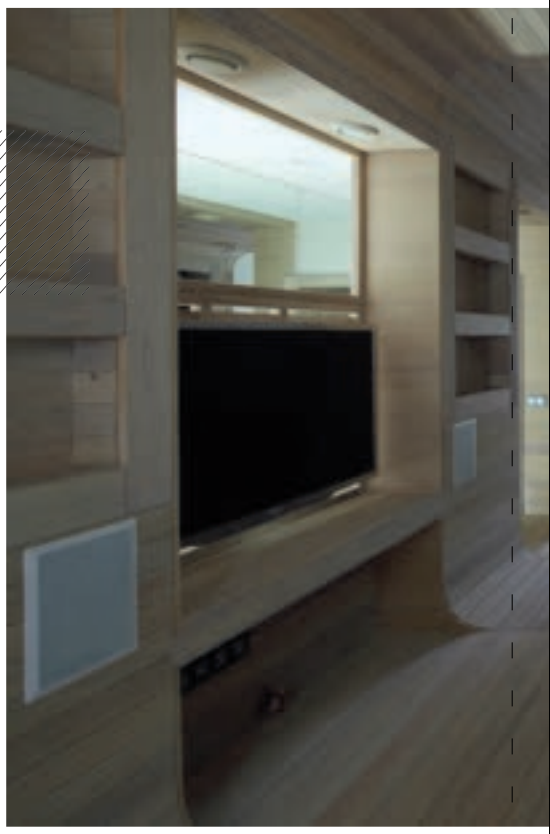
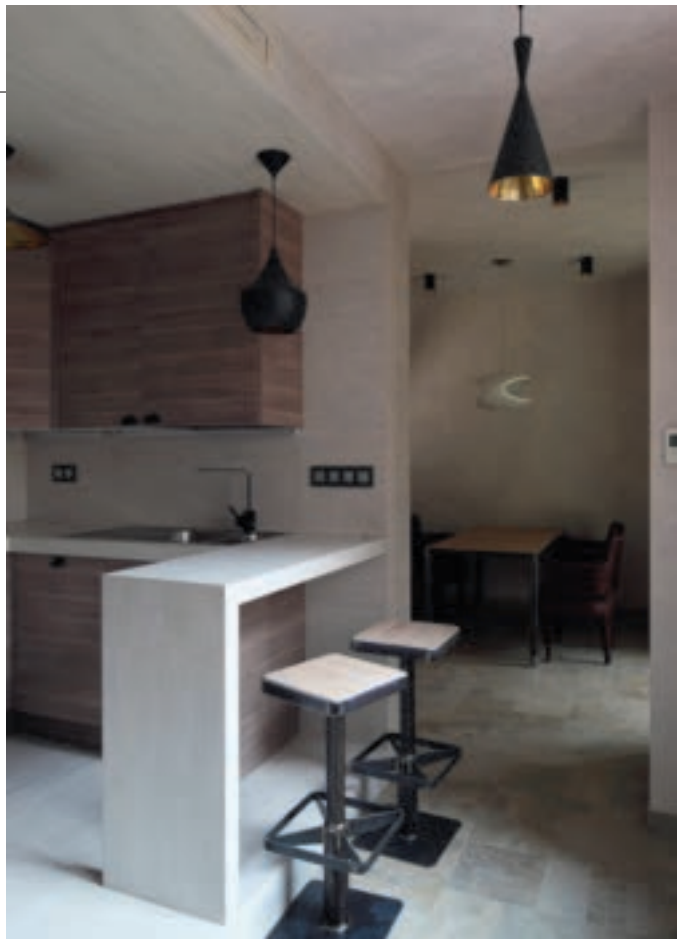


Фото: Зинур Разутдинов

Квартира находится на пятом этаже многоэтажного высокого дома с внутренним двором. Большой балкон рядом со столовой, невысокий этаж и тени от внешней части дома во внутренний двор, сильно препятствовали проникновению солнца с этой стороны. Большая часть квартиры имеет сильно вытянутые пропорции. Расстояние между окнами довольно большое — 14 м. А с учетом балкона и стен увеличивается еще на 2,5 м — до 16,5 м! Между конструктивными, монолитными стенами ширина была всего 3,3 м, а в местах расположения вентиляционных шахт всего 2,8 м. При таких пропорциях и расстоянии получалось, что средняя часть квартиры практически не освещалась. Было решено оставить эту часть квартиры без глухих стен. Стену со стороны столовой оставили открытой. А стену со стороны гостевой комнаты сделали из стекла, с возможностью перекрытия шторами при необходимости. В итоге эта часть квартиры состоящая из столовой, гостиной, рабочей зоны и гостевой комнаты, получила освещение с двух сторон.

Пропорции квартиры и недостаточное освещение определили пространственно-планировочное решение. Средняя часть квартиры была приподнята на подиум, чтобы лучше «ловить» свет, падающий из окон. Плавный, скругленный переход между стенами, полом и потолком визуально объединил и тем самым расширил небольшое расстояние между стенами гостиной. Эта часть квартиры отделана светлым дубом, который плавно переходит с потолка на стены и на пол, образуя шкафы, полки и рабочий стол. Художественное решение фактически было определено образовавшимся «деревянным тоннелем» средней части квартиры, состоящим из мягкой и рабочей зоны, граничащей со столовой с одной стороны и гостевой комнатой с другой. Внешние части «трубы» отделаны композитным камнем. Торцы трубы имитируют срез формы. А неплотное, через воздух, примыкание к внешним стенам подчеркивает легкость и как бы привнесенность всего объекта извне. Общая площадь — 110 кв. м.



Офис и шоу-рум для DK Project

«Мегабудка»
Архитекторы:
Кирилл Губернаторов,
Артем Укропов, Дарья Листопад,
Светлана Твердова

Москва, Artplay

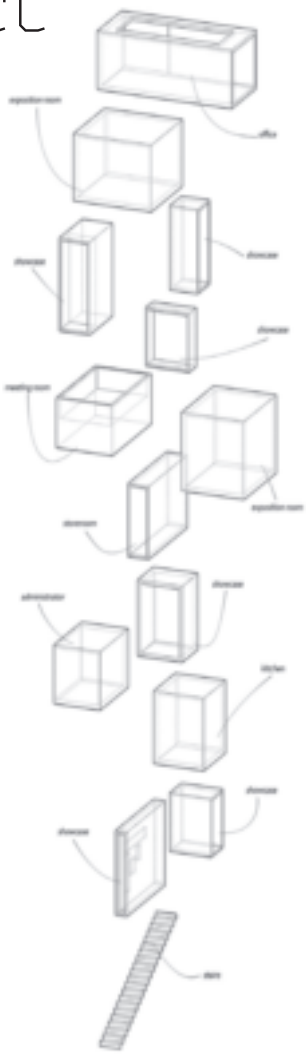
Шорт-лист

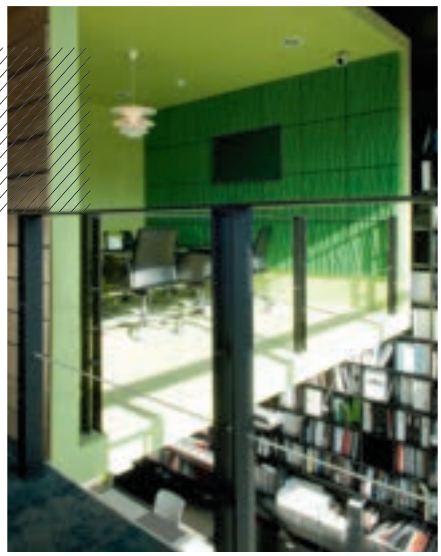
Задача: спроектировать яркое многофункциональное пространство, удобное для офисной работы, наглядное для демонстрации элементов интерьера, комфортное для проведения лекций и располагающее к общению в дружеских встречах.

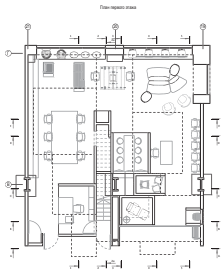
Концепция: мы отошли от привычного взгляда на интерьер, освободившись от комплексов горизонтального поэтажного проекта, и поместили в исходное пустое пространство сложный арт-объект, состоящий из параллелепипедов.

Внутренний цвет каждого параллелепипеда зависит от его функции. Между всеми функциями можно затейливо передвигаться. А сам объект зонирует исходное пространство вокруг себя.

Теперь новый офис-шоу-рум компании DK Project является яркой точкой дизайна и коммуникаций на территории Artplay, объединяет дизайнеров, архитекторов и творческих людей, которые ценят качество и готовы делиться новыми идеями, совместно работать и развивать концепции современного дизайна.







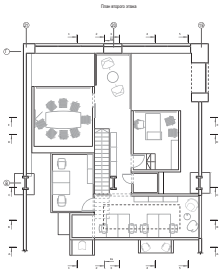


Фото: Кирилл Губернаторов

Фанерная квартира

«Мастерская Алексея Розенберга»
Архитектор:
Алексей Розенберг

Москва

Победитель по версии жюри

Проект был выполнен в рамках телевизионной программы «Квартирный вопрос». Реконструкция коснулась гостевой части квартиры, включая прихожую, коридор, гостиную, кухню и гостевой санузел. Основой идеи решения интерьера стало применение строительной фанеры, то есть такой, которая обычно не используется в качестве отделочного материала. Она была выбрана за ее интересную и богатую фактуру. Листы фанеры были нарезаны, покрыты в несколько слоев тонировочным маслом разных оттенков, за счет чего приобрели сложный неоднородный цвет, а затем уложены на стены и потолок со швом. Шаг раскладки фанерных панелей придал интерьеру динамику и ритм. Кроме фанеры в отделке использована плитка, подобранная в цвет окрашенной фанере, и прокатный черный металл, образующий пространственный каркас.

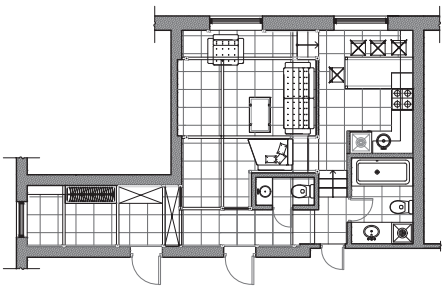


Фото: Виктор Чернышев

«Куб»

RueTemple
Архитекторы:
Дарья Бутахина,
Александр Кудимов

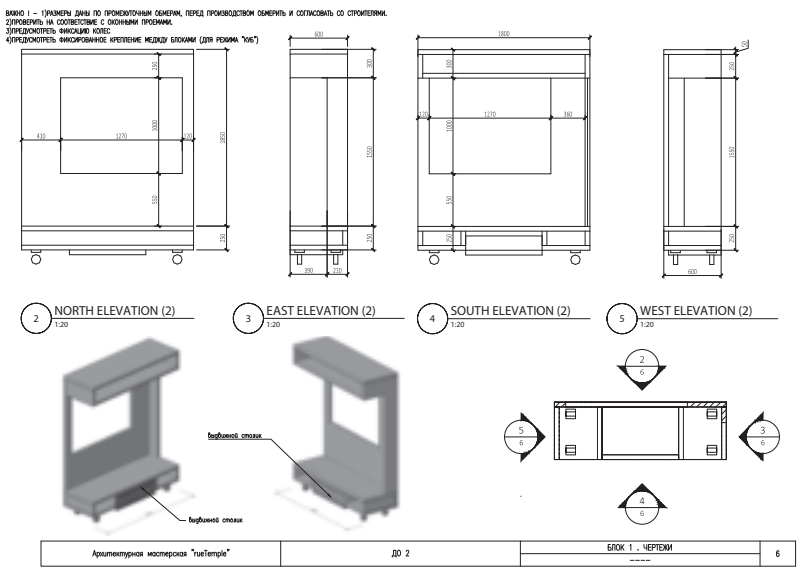
Московская область

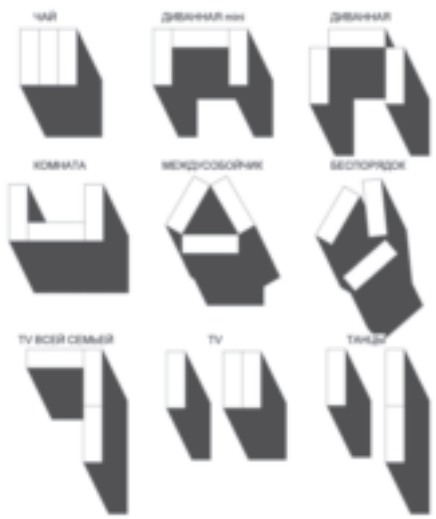
Шорт-лист

Проект создан по заказу программы «Дачный ответ» (НТВ).

Концепция: перед нами стояла задача создать динамичную зону отдыха.

Для решения этой задачи был создан куб-трансформер. Он состоит из трех подвижных модулей. В зависимости от взаимного расположения модулей куб превращает комнату в гостиную, уютный чилаут, кабинет, отдельную комнату или спальню с одной или двумя кроватями — вариантов трансформации множество.





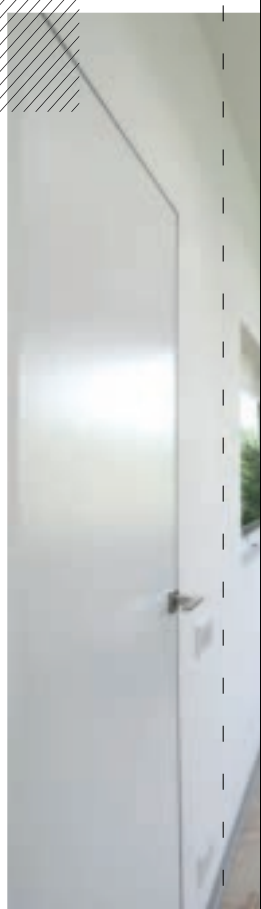


Фото: Александр Кудимов

«Z-квартира»

«Мастерская Алексея Розенберга»
Архитектор:
Алексей Розенберг

Москва

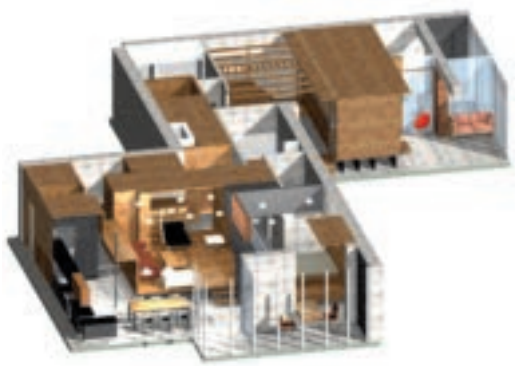
Победитель по версии жюри

Квартира площадью 175 кв. м рассчитана на семью с двумя маленькими детьми. По плану она делится на две неравные части: в ближней к входу парадной части находятся кухня, гостиная, столовая и спальня родителей; в меньшей по площади и более удаленной от входа части — пространство для детей, здесь разместились две детские комнаты и игровая.

Парадная часть квартиры решена как свободно перетекающее пространство, для организации которого автор придумал Z-образные перегородки. Их форма легко считывается с торца. Они четко разграничивают зоны, одновременно визуально расширяя каждую из них.

В интерьере много подиумов, и вместе они создают насыщенный «ландшафт». Однако их главная функция — утилитарная, так как пространство под ними организовано для хранения. Всего под подиумами устроено 57 выдвижных ящиков.

Фото: Константин Дубовец



Дерево в отделке

Номинация

Эта номинация не совсем то, чем она кажется. Она не про резьбу и наличники. Она понадобилась, чтобы развести дома с деревянным конструктивом и дома, деревом лишь отделанные. Это принципиально с профессиональной точки зрения: такие дома строятся по совершенно разным законам, и сравнивать их очень сложно — ровненький бетонный дом, на котором доска лежит идеально, и дом бревенчатый, дышащий, живой. Хотя понятно, что для непрофессионалов важнее другое: и то, что внутри такой дом приятен на ощупь, и то, что снаружи он не агрессивен: не разрушает природный ландшафт искусственными материалами; наоборот — дерево как бы «прописывает» дом в загородном пейзаже…

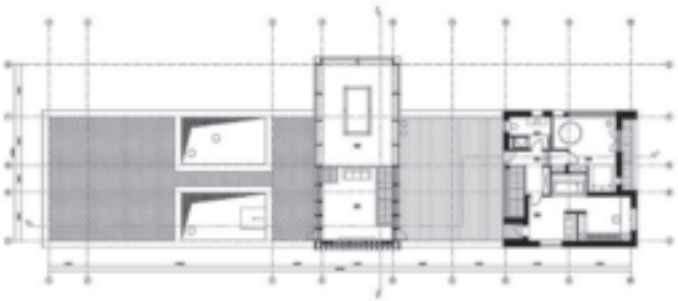
Загородный дом

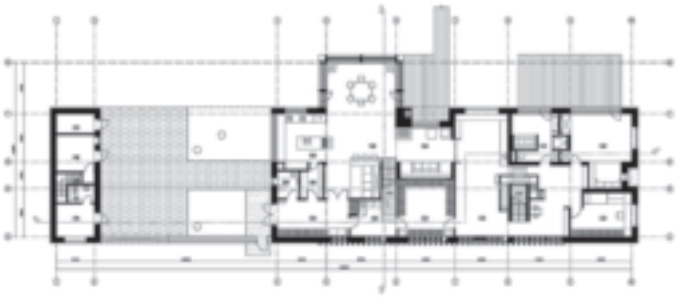
«Цимайло Ляшенко & Партнеры», «РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA)
Архитекторы: Александр Цимайло, Николай Ляшенко, Ольга Конюкова, Иван Трофимов

Московская область, Новопеределкино

Шорт-лист

Дом отгораживает приватную территорию сада от уличной. Поэтому со стороны улицы вертикальные стойки разбивают остекление на узкие полосы, создавая жалюзийный эффект. Границу же между садом и помещением, наоборот, нужно было максимально размыть — отсюда большое остекление. Зоны гостиной-столовой, бильярдной, чилаута сформированы из несущих клеено-деревянных стоек и структурного остекления. Остальное — монолитная конструкция, облицованная лиственницей. Доски лишь пропитаны защитным грунтом и подвергнутся дальнейшему естественному старению.





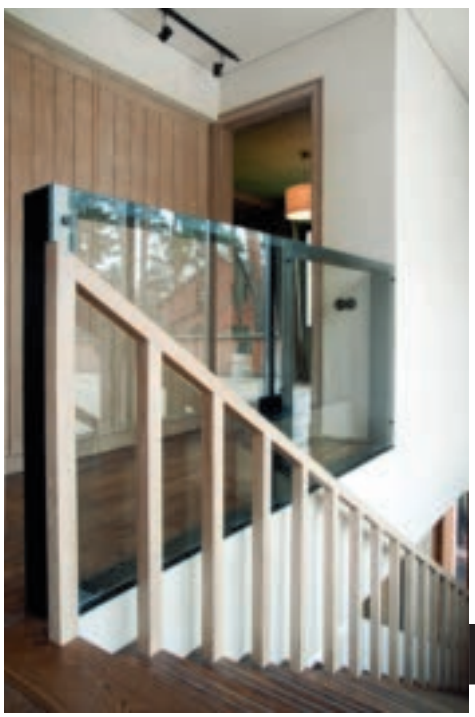


Фото: Константин Дубовец

Вилла в Васильево

NPS Tchoban Voss
Архитекторы: Сергей Чобан, Фредерик Себастиан Шольц, Павел Земсков, Евгений Пфайль

Ленинградская область

Победитель по версии народа

Двухэтажный жилой дом с подвалом расположен на берегу реки Вуокса в живописном районе Карелии. Здание выполнено из массивного соснового бруса толщиной 250 мм, крепящегося к внутренней металлической конструкции. Последовательное использование принципа выступающих и нависающих геометрических объемов здания, посредством контраста выбранных материалов и традиционного для Карельского перешейка использования дерева как строительного материала образуют структурированный, архитектонический акцент на берегу реки Вуокса.

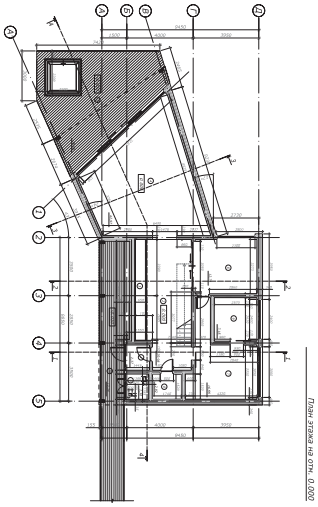
Фото: Алексей Народицкий

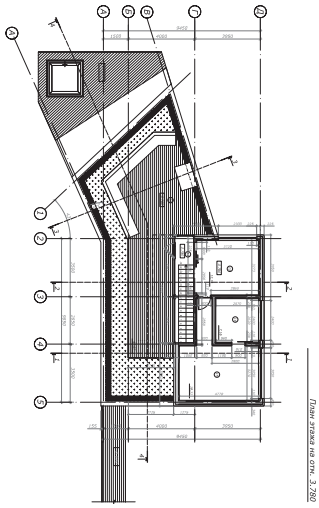
«Дом-пазл»

«Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева»
Архитекторы: Тотан Кузембаев, Александра Черткова, Данир Сафиуллин

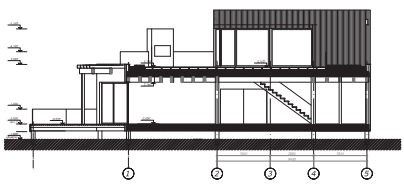
Московская область, деревня Ламишино, База отдыха «Лазурный берег»

Шорт-лист





Разрез 4-4



Коттедж возведен по каркасной технологии фахверкового типа, следовательно достаточно легок. Чтобы эта особенность постройки ощущалась визуально, архитектор поставил ее на столбчатый фундамент, приподняв над уровнем земли. Размещение дома над уровнем земли обеспечивает минимальное вмешательство в существующий ландшафт. На плоской крыше одноэтажного объема обустроена большая терраса, часть которой озеленена. Ограждение террасы сделали стеклянным, чтобы оно не мешало любоваться открывающимися отсюда видами. Снаружи дом отделан доской лиственницы. Обшивка выполнена по принципу вентилируемого фасада. Для предотвращения теплопотерь использовано в два раза больше утеплителей, чем это необходимо по российским строительным нормам. Южный фасад дома максимально остеклен, что позволяет использовать солнечное тепло в зимнее время. А наличие козырька обеспечивает тень в летнее время, когда солнце находится высоко. Ограждение галереи и завершающей ее террасы набрали из деревянных реек, оставив между ними небольшие просветы. В результате получили эффект прозрачного дерева, который ощутим только изнутри. Общение внутреннего пространства с природой обеспечили большие витринные окна и сплошное остекление одного из фасадов. Абсолютно глухим оставлен лишь один, торцевой фасад, обшивка которого выполнена в виде пазлов, набранных из остатков досок и реек и тонированных в разные оттенки дерева. Площадь дома небольшая, планировки компактны и в то же время функциональны. Коттедж получился не только привлекательным внешне, но и теплым, надежным, безупречным с точки зрения экологии и очень комфортным для его обитателей.

Фото: Илья Иванов

Загородный жилой дом House 4L

Gikalo Kuptsov Architects
Архитекторы:
Сергей Гикало,
Александр Купцов,
Ольга Шапурова

Московская область

Шорт-лист

В основе проекта — переосмысление архетипа русской крестьянской усадьбы с жилым домом, различными службами и внутренним двором, образованным домовыми постройками. Основной дом — двухэтажный, службы, скотные сараи замещаются гаражом с навесом — современным стойлом железных коней-частных автомобилей, над которым расположена квартира прислуги. Хозяйственная функция (сад, огород, пруд для домашней птицы) минимизирована, зато появляется развитая рекреационно-спортивная часть — разноориентированные террасы, беседка для чайных церемоний, детская и спортивная площадки. Здание основного дома размещено на пересечении основных проектных осей — въездной, соответствующей короткой стороне участка и продольной, соотносящейся с длинной стороной. Оси подчеркнуты растянутыми по ним правильной геометрии ландшафтными элементами, из которых крайние, объемные (въездные ворота — стена с плющом и беседка — стенка для тенниса) визуально и физически фиксируют границы землевладения. В этой координатной сетке существует первые этажи расположенного при въезде объема гаража с кладовыми и основного дома. Вторые этажи своими частями поворачивают по солнцу, создавая новую систему координат. В главном здании на первом этаже расположены прихожая, гардеробная, гостевая комната, кухня-столовая, гостиная и бассейн 4×6 м с сауной и комнатой отдыха. На север ориентирована так называемая «тусовочная» с выходом на собственную террасу и видом на детскую площадку и стену, увитую плющом. Своя небольшая терраса с видом на беседку есть и у гостиной, уровень которой понижен относительно нуля на 450 мм. Окна бассейна и стеклянный эркер кухни ориентированы на юг и юго-восток соответственно и из этих помещений предусмотрен выход на просторную террасу-деку с местом для приготовления пищи на открытом воздухе. С террасы открывается вид на цветник — пруд — грядки — фруктовый сад — спортплощадку — и стену для тенниса. Терраса-дека становится символическим центром всего дома, фактически выполняя роль архаического двора, застланного бревнами. В нашем случае сквозь деревянный настил вырастает дерево — символ этой семьи. На втором этаже традиционно расположены спальные комнаты всех членов семьи , игровая и квартира прислуги (над гаражом). В эти помещения нас приводит главная лестница, расположенная на центральной оси дома. Другая лестница, ведущая из «тусовочной», обеспечивает возможность автономного существования для старшего сына, двусветная комната которого имеет спальную антресоль. В комнатах, ориентированных на восток — юго-восток, устроены эркера, поворачивающиеся окнами-люкарнями к первым лучам солнца. Углы объема второго этажа зафиксированы нишами балконов, с которых хозяева могут осматривать свои владения.

Фото: Илья Иванов

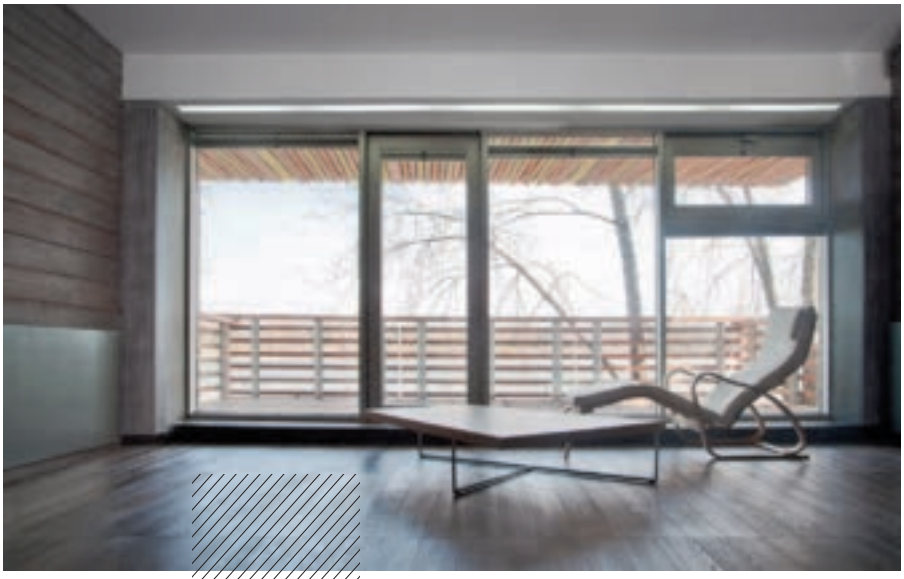
Дом яхтсмена

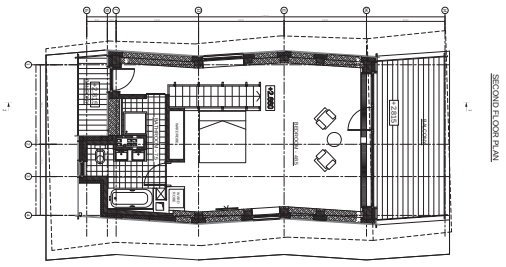
X.Y.Z., архитектурная мастерская
Архитекторы: Светлана Головина, при участии Юрия Назарова и Анны Метелкиной

Московская область, курорт Пирогово

Победитель по версии жюри

Двухэтажный дом спроектирован по регламенту застройки: высота не более 6 м, габариты в плане 12×6 м. Общая площадь — 113,5 кв.м. Основная несущая конструкция — монолитный ж/б. Ограждающая конструкция стен — клееный брус. Фасад — навесные деревянные рейки в чередовании с оргстеклом Plexiglas. Конструкция навесного фасада разработана архитекторами специально для этого дома. В интерьере работает клееный брус (ограждающая конструкция стены) и зашивка внутренних стен из клееных досок, выполненных под размер к каждой из стен. Вся встроенная мебель выполнена из тонированного дуба по чертежам архитекторов (компания «Интар Плюс»).





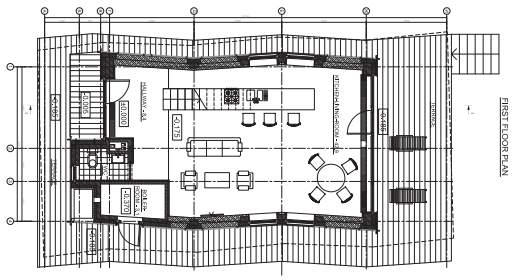


Фото: Алексей Народицкий

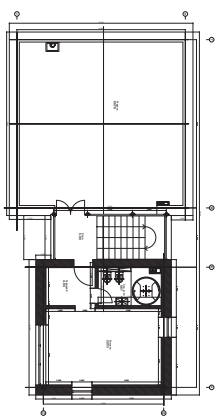
Группа индивидуальных жилых домов «Свитчер»

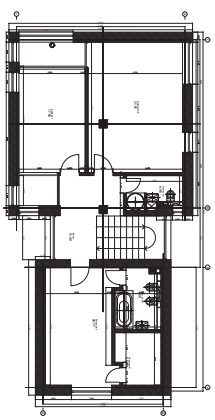
Архитекторы:
Алексей Розенберг,
Петр Костелов

Тверская область,
Конаковский район, поселок
«Конаково Ривер Клаб»

Спецприз жюри

Застройка поселка «Конаково Ривер Клаб» на Московском море задумана как система из групп домов по шесть-десять объектов каждая. Дома под условным названием «Свитчер» образуют одну из этих групп и располагаются на границе между общественной и частной зонами поселка. От большого объема гостиницы, находящейся на берегу, застройка постепенно увеличивается по высоте и линия «Свитчеров» замыкает собой обзор, представляя своеобразную аллюзию на крепостную стену. В таком ключе решается и архитектура «Свитчеров», которые состоят из двух разных по высоте и объему башен. Обе башни квадратные в плане, один квадрат почти вдвое больше другого, большая башня ниже, она двухэтажная, меньшая по объему башня имеет три этажа, башни соединены прозрачным узлом лестничной клетки. Деление каждого дома на два объема зрительно увеличивает их количество, превращая их ряд в протяженную градостроительную линию. При этом каждый из домов группы, подчиняясь общей планировочной схеме, разработан с собственной системой проемов и в соответствии с ней ориентирован на участке. Цветовое решение группы построено таким образом, что низкий объем у всех домов одинаковый, а высокая башня в каждом случае своего цвета. Все вместе создает поле для комбинаторики, на которой строится вибрирующая композиция группы — разнообразная, но построенная на принципе подобия. Отделка выполнена «драными», как бы долго простоявшими на ветру, досками. В низкой объемной башне на первом этаже находится гостиная зона, на втором — кабинет, открытый стеклянной стеной в гостиную и зона хозяйской спальни, на эксплуатируемой плоской крыше располагается терраса, накрытая холодной скатной кровлей. Каждый этаж высокой башни — это отдельная комната.





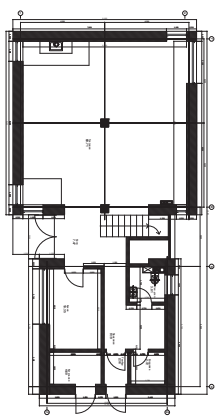


Фото: Алексей Князев

Черный дом на горе

«Архитектурная мастерская 0,618»
Архитектор: Федор А. Опарин

Ленинградская область,
Верхняя Бронна

Шорт-лист

Дом на «высоком месте» с видами на четыре стороны. Компоновка в три уровня позволяет использовать в интерьере эти качества, а также — при небольшом пятне застройки — выйти на необходимую площадь.

Типологически это традиционный «дом на подклете». Первый уровень — монолитный ж/б с эффективным утеплением. Жилые уровни деревянные: клееный брус. Межэтажные перекрытия монолитные по клееным балкам. Наружная обшивка — необработанная доска с утеплением. Кровля — металлическая черепица с каменной крошкой (имитация гонта).

В нижнем уровне расположены подсобные, хозяйственные и технические помещения. Второй уровень — зона дневного пребывания. Третий — спальная зона.

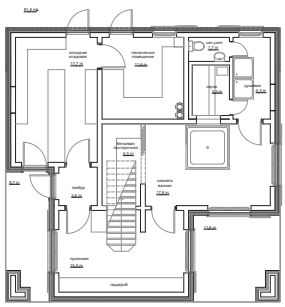
С точки зрения формообразования это попытка найти объемное решение, выявляющее качества клееного бруса как современного строительного материала. Часть второго этажа выполнена консольно, использованы угловые окна с большими для деревянного дома размерами, третий уровень вывешен над гостиной.

Мы попытались найти сбалансированное решение между традициями загородного деревянного дома и модернистским началом в архитектуре, между формой и объемом (дом по сути — куб: 11×11×11), а также между соотношением проема и стены, то есть между видовыми качествами, освещенностью и теплоэффективностью. Сдвижные ставни здесь — не только декоративный элемент, но и возможность изменять соотношения этих характеристик в зависимости от времени года и природных факторов.

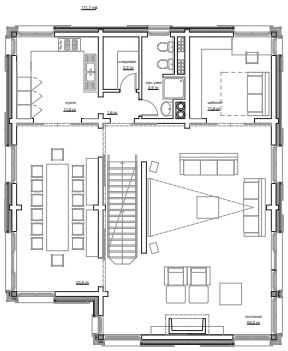
Инженерное оборудование в совокупности с увеличенной теплоизоляцией обеспечивает энергоэффективность дома. В качестве основных приборов отопления устроены межэтажные перекрытия из монолитного железобетона с интегрированными трубами с теплоносителем. Энергоемкость большая и полы работают по принципу русской печи: долго нагреваются и долго остывают.

По части наружной отделки — это попытка вдохновиться скандинавским домом, залив-то Финский. Цвет — эстетика необработанных деревянных домов русского Севера. Выветренная и высушенная древесина. Жду, когда дом начнет «красиво стареть».

план на отм. 0.000



план на отм. +2.775



план на отм. +5.775

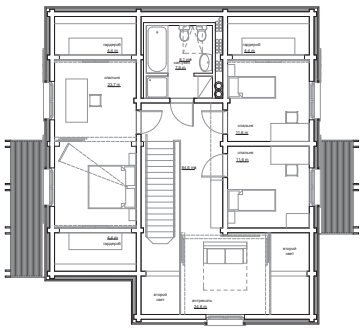


Фото: Егор Рогалев

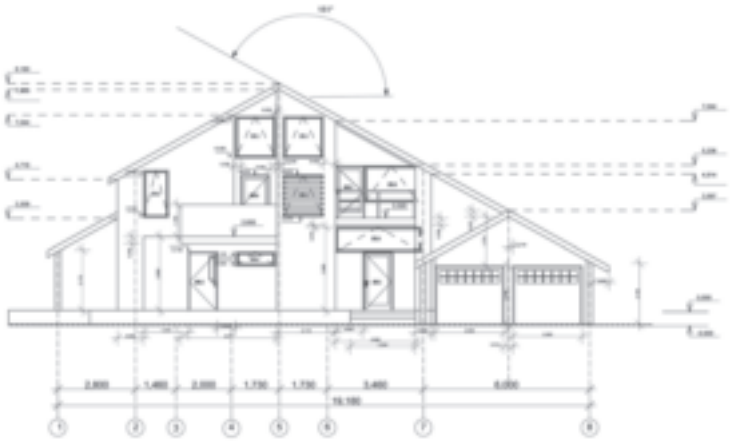
Дом в Духанино

Архитекторы: Алексей Розенберг, при участии Петра Костелова

Московская область

Гран-при

Задача энергетической устойчивости обусловила большую толщину стен дома. Это стало поводом для пластического решения фасада: он состоит из двух слоев — заглубленного металлического и наружного деревянного. Окна, размещенные в разных слоях, образуют то глубокие ниши на фасаде, то эркеры в интерьере.



Фасад главный 1:100

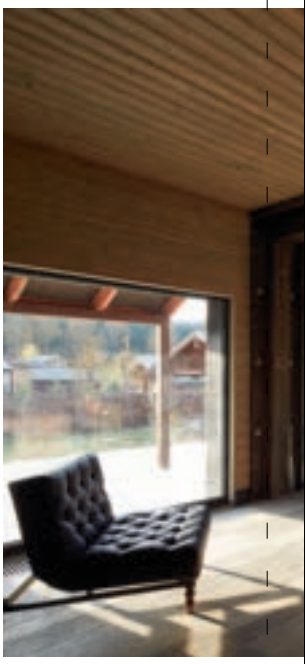


Фото: Константин Дубовец

«Дом-депо»

Архитекторы: Алексей Розенберг, Петр Костелов

Тверская область, Конаковский район, поселок «Конаково Ривер Клаб»

Победитель по версии народа

Дом спроектирован для активной семьи, часто принимающей гостей. Крытый большой двор служит благоустроенным продолжением гостиной. Фасад обшит доской из необработанной лиственницы разной ширины. Крыша крыта состаренной медью.

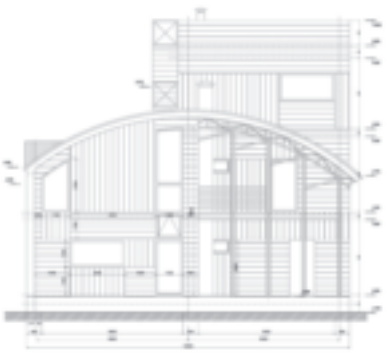


Фото: Зинон Разутдинов

Дом «Астон»

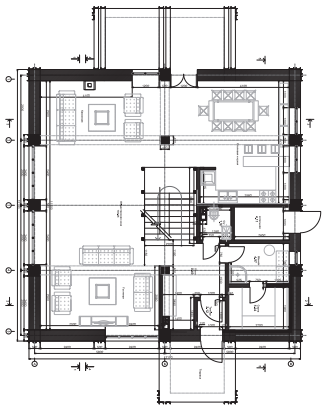
Архитекторы: Петр Костелов, Алексей Розенберг

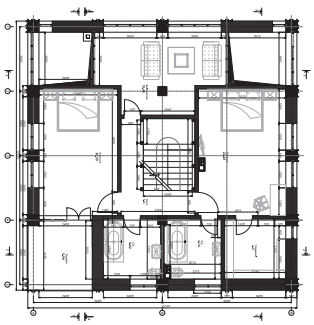
Тверская область, Конаковский район, поселок «Конаково Ривер Клаб»

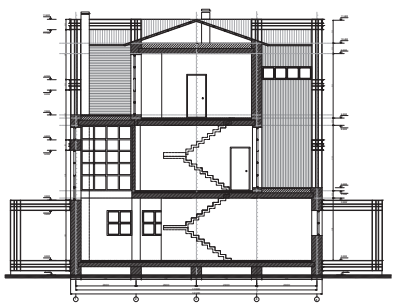
Шорт-лист

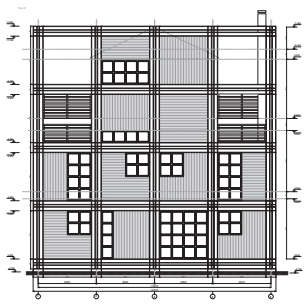
По своему внешнему виду «Астон» напоминает деревянный куб, упакованный в металлический каркас, а интерьеры выдержаны в строгом современном стиле. Производя впечатление четырехэтажного, дом на самом деле имеет три этажа, которые имеют четкое функциональное деление.

Экстравагантная архитектура дома «Астон» удивляет неожиданными источниками освещения и пространственными лабиринтами, световыми колодцами и затененными углами, разноуровневыми этажами и балконами.









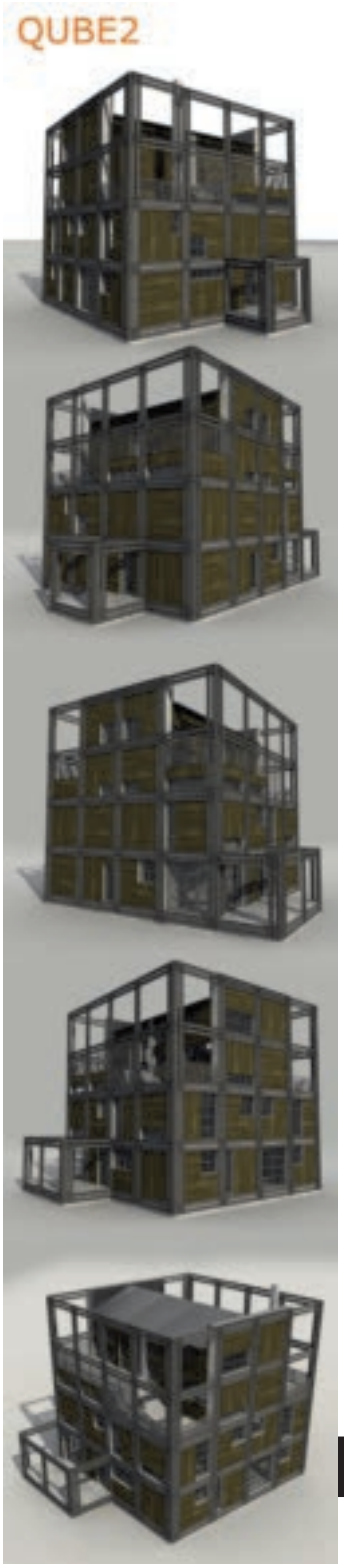


Фото: Зинон Разутдинов, Николай Малинин

Павильон России на Всемирной выставке «ЭКСПО-2015»

Архитектурное бюро SPEECH
Архитекторы: Сергей Чобан
Алексей Ильин, Марина Кузнецкая,
Андрей Перлич

Италия, Милан

Победитель по версии жюри

Выставочный павильон представляет собой динамичную пространственную структуру, олицетворяющую стремление к постоянному развитию и движению вперед. Его плоская кровля повышается по мере приближения к главному входу, образуя эффектную 30-метровую консоль закругленной формы, и тем самым придавая сооружению запоминающийся силуэт, хорошо заметный в панораме всех сооружений «ЭКСПО-2015». Со стороны главного входа консоль облицована полированной нержавеющей сталью, превращающей этот элемент в гигантское зеркало, в котором посетители и туристы могут фотографировать себя и свое окружение. Фасады павильона выполнены из дерева, а кровля решена как обшитое натуральной доской и озелененное общественное пространство, которое, с одной стороны, органично интегрирует здание в ансамбль выставки, а с другой подчеркивает его связь с природой, самобытным российским ландшафтом.

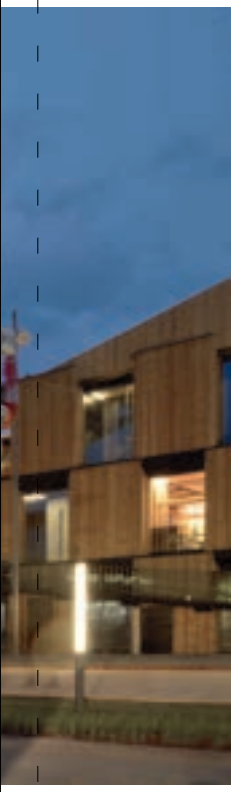


Фото: Алексей Народицкий

Арт-объект

Номинация

Самая любимая номинация. Потому что именно здесь, где образность доминирует над функциональностью, — простор для фантазии, полная творческая раскрепощенность, свобода эксперименту.

Гиперболоидная градирня

Архитектор: Николай Полисский
Соавторы: Игорь Парыгин, Иван Парыгин, Александр Новиков, Анатолий Галдин, Александр Акимкин, Александр Игнатов, Виталий Пестерев, Александр Изотов, Юрий Захлебин, Виталий Кондрашов, Александр Краснов, Алексей Гусев, Сергей Носков, Константин Фоминов, Евгений Захлебин, Иван Ильичев, Константин Безуглов, Алексей Шведов, Олег Безуглов, Андрей Белов, Алексей Буковский, Владимир Стребань, Вячеслав Киселев, Владимир Онуфриев, Дмитрий Мозгунов, Дмитрий Климкин, Юрий Климкин, Антон Славский

Деревня Никола-Ленивец
Фестиваль «Архстояние»

Шорт-лист

Николай Полисский и его команда «Никола-Ленивецкие промыслы» несколько лет плели из веток скульптуру-башню. По неумолимым законам гравитации башня-ветеран начала медленно оседать и валиться на бок. Пришлось укреплять ее древесными «готическими» контрфорсами. Получилось даже еще краше и осмысленней с точки зрения богатства архитектурных референций: тут вам и суровые фортификации раннего Средневековья, и ренессансная Пиза, и нервно-нервюрная готика, и конструктивистский минимализм... Название — оммаж тем смиренным, тяжело осевшим трубам гиперболоидной конструкции, что соседствуют в ансамблях ТЭЦ с тонкими высокими трубами и используются для охлаждения воды с помощью воздуха. Что характерно: гиперболоидные поверхности рассчитываются уравнением в декартовых координатах. Поэтика классического рационализма принципиальна и в данном случае.

Сергей Хачатуров

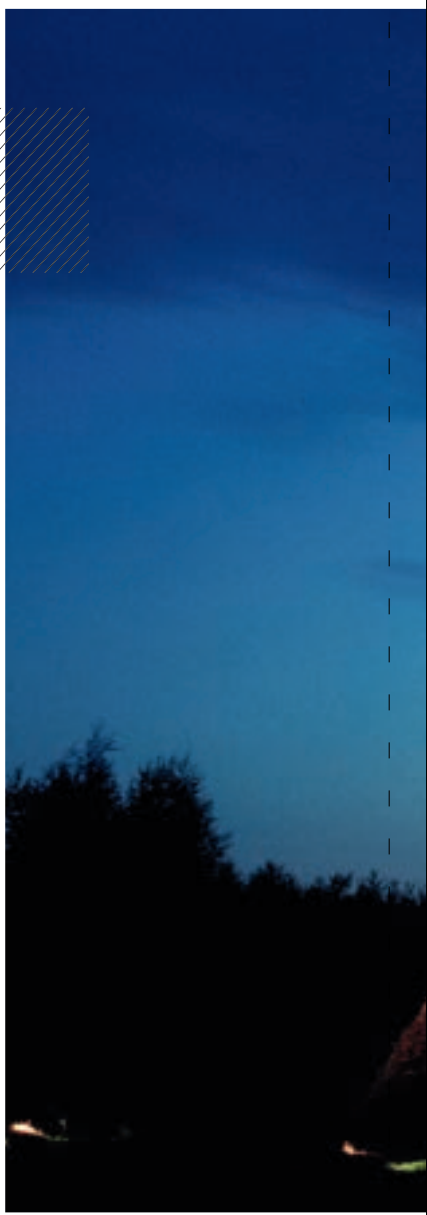
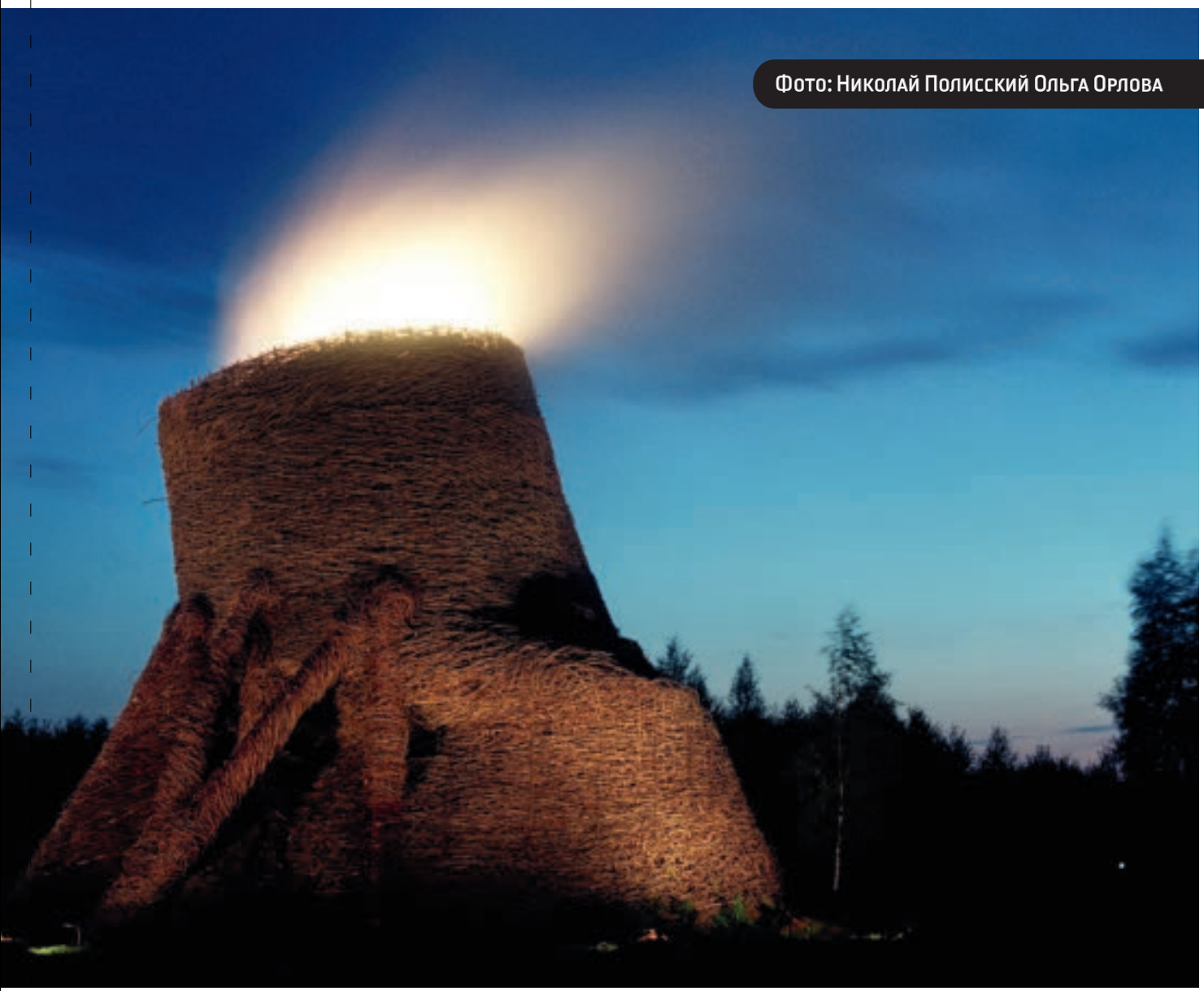


Фото: Николай Полисский Ольга Орлова

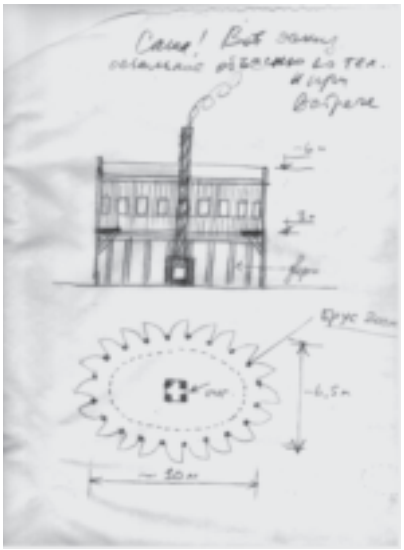


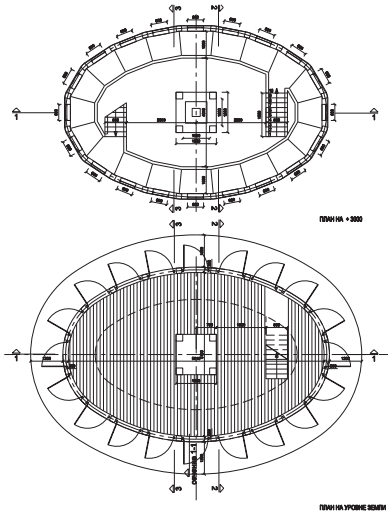
Ротонда

Бюро «Александр Бродский»
Архитектор: Александр Бродский

Деревня Никола-Ленивец
Фестиваль «Архстояние»

Победитель по версии жюри





Тема фестиваля «Архстояние»-2009 года — «Вне земли». Для ленд-арта, что по-английски дословно означает «земляное искусство», это довольно неожиданно. Кураторы попытались переместить ракурс восприятия ландшафта в воздух, расширяя понятие земли до планетарного масштаба. Это уже Земля, и, соответственно, искусство Земли. Проект Бродского иллюстрирует именно такой взгляд. Посреди поля, засеянного гречихой «пришельцами» (ландшафтными архитекторами из Франции), он приземлил овальное сооружение со множеством дверей по периметру. Присутствие этого непонятного, одиноко стоящего объекта, похожего на НЛО, придает окружению новый таинственный смысл. Взгляд сверху на территорию бывших совхозных земель обнаруживает в ее прямоугольниках, линиях и овалах инопланетную вязь в духе пустыни Наска. Само сооружение подобно симулякру, в котором «гости» воспроизвели главные признаки земной архитектуры с неизбежными (в силу удаленности) искажениями. Классическая ротонда приобрела эллиптическую форму привычной космической орбиты. Колоннада превратилась в череду простенков и дверей, заполнивших интерколумнии. Интересно, что двери здесь поменяли свой изначальный онтологический смысл. В отличие от окон, символизирующих открытость, двери — часть системы, «охраняющей» периметр от вторжения посторонних. Однако обилие дверей обессмысливает эту функцию. И тут уместно вспомнить другое (магическое) назначение двери как неизбежного атрибута при переходе в другую реальность. Для Бродского таких реальностей существует множество — столько, сколько и дверей. И каждая со своей историей, краской, трещинами — отражение утраченного мира... А Ротонда — тот же «Солярис», инопланетная субстанция, в пустом пространстве станции пробуждающая у обитателей личные переживания прошлого и настоящего.

Елена Гонсалес

Фото: Юрий Пальмин

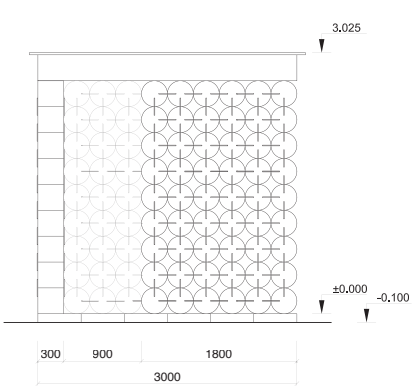
Курительная

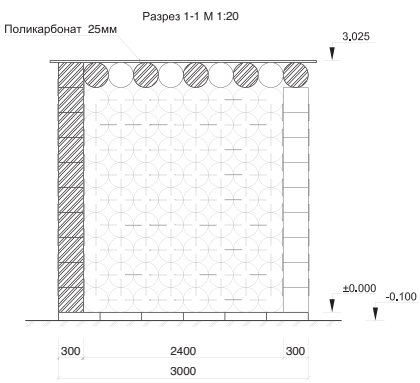
Архитектурная мастерская
Тотана Кузембаева
Архитектор: Тотан Кузембаев

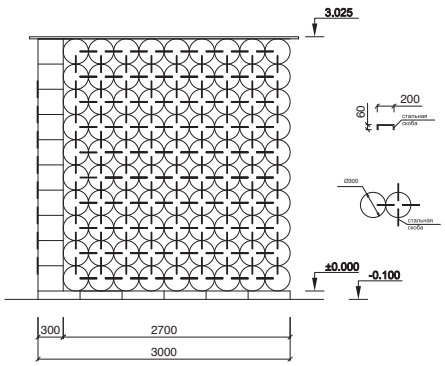
Московская область,
Мытищинский район,
курорт «Пирогово»

Шорт-лист

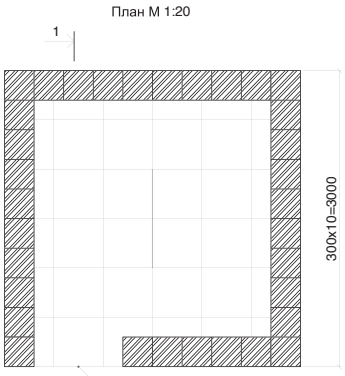
На территории курорта «Пирогово» разрешено курить только в специально отведенных для этого местах. Авторы собрали курительную из обрезков бревен, которые остались от фонарей, которые спроектировал для курорта Евгений Асс. Бревна закреплены между собой скобами. В итоге получился деревянный кубик, фасады которого сформированы торцами бревен. Внутреннее пространство помещения подсвечено красным светом, в нем находится скамейка и урна для окурков.






3.025
200
60
±0.000
-0.100
300
2700
3000

План М 1:20

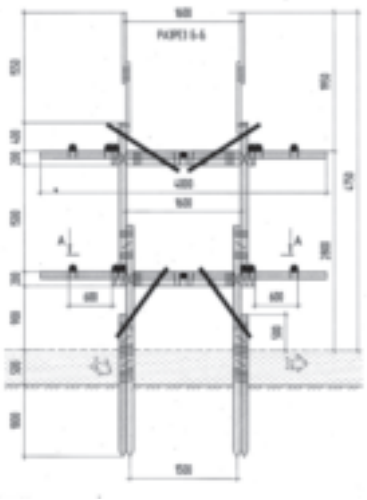

1
300x10=3000
1
Тротуарная плитка
500x500

«ГнезДом» на воде

КОМАНДА SUЧЬЯ
Архитекторы:
Надежда Жданова, Игорь Боков,
Юлия Васильева, Елена Жданова,
Дарья Терпиловская,
Кирилл Островский,
Елена Трубина, Кристина Гринцова,
Татьяна Фуксман,
Анна Константинова

Алтай, фестиваль «Города»

Шорт-лист



Фестиваль «Города» прошел пятнадцать раз (с 2005 по 2013 год) в самых разных уголках страны. Молодые архитекторы под предводительством Ивана Овчинникова и Андрея Асадова строили феерические объекты (в основном из дерева), обретали бесценный опыт общения с материалом (с природой, друг с другом), претерпевали немыслимые лишения и были счастливы. «Города» стали легендой, из них вышли десятки нынешних звезд, некоторые объекты даже чудом сохранились, большинство же утилизировано местными жителями.

Фестиваль «Зеленый берег» прошел летом 2009 года далеко от цивилизации — на Мультинских озерах Алтая. Ребята валили лес, сплавляли его на плотах (саморучно связанных), осваивали пилораму; одним из символов фестиваля стала «Девушка с бревном». Шестьдесят его участников соорудили семьдесят объектов — возможно, самых романтических в истории архитектуры XXI века. Одним из них был ГнезДом.

Детская мечта о собственном домике реализуется в нем по всем пунктам. ГнезДом автономен, удален, безопасен, прозрачен и лохмат. Ощущение небрежности создано с профессиональным расчетом, темы допотопной первородности и тонкой умышленности соединены здесь в точнейшей пропорции. Актуальным представляется и позиционирование объекта не только как создающего виды, но и самого таковым видом являющегося. Привычная в такого рода объектах ночная подсветка завершает образ, ключевым в котором становится глагол «завораживать».

Фото: Андрей Асадов

Буква «Покой»

Команда SKIPeople
(АМ «Сергей Киселев и Партнеры»)
Архитекторы:
Ольга Пономаренко,
Полина Илюшина,
Андрей Бреславцев,
Глеб Холопов

Рязанская область,
Старая Рязань,
Фестиваль «Города»

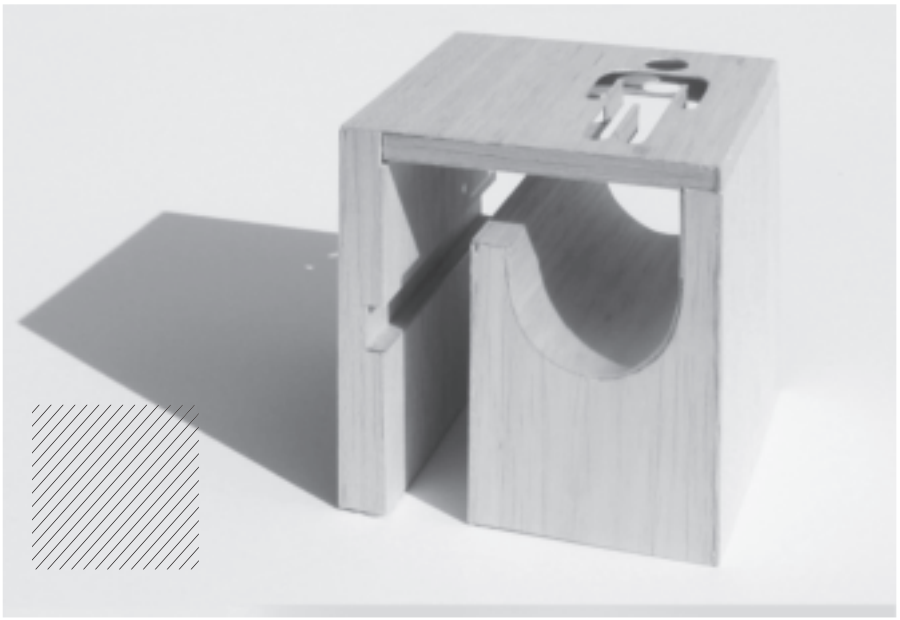
Победитель по версии жюри

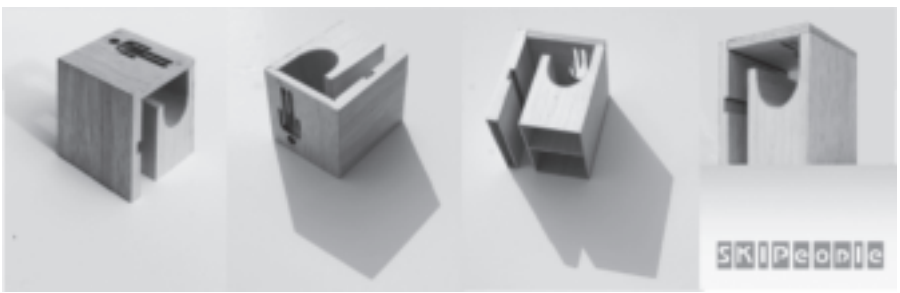
Объект был реализован в «Городе Азъ» в рамках фестиваля «Города». Акция проводилась в связи с празднованием Дней славянской письменности и культуры на городище Старая Рязань. Задачей участников было выразить в архитектурной форме смысл знаков алфавита глаголицы, организованных в определенном порядке, в виде «Глаголического круга».

Состояние покоя — это бездействие, отдых, отсутствие возмущений и тревоги, равновесие и внутреннее ощущение свободы, необходимое для появления новых идей и нового движения.

В объекте «Покой» воплотились три стороны этого состояния — эстетическая, физическая и эмоциональная.

Внешне объект представляет собой статичный, уравновешенный объем. Как будто вырезанный в толще массива абрис буквы глаголического алфавита «Покой» образует внутреннее пространство. Оказавшись внутри, человек ограждён от всего суетного. В верхней части конструкции устроен проем — схематическая проекция зрителя. Это «окно в небо» — единственная возможность коммуникации с внешним миром, необходимая и достаточная для переживания покоя.





And
G or
LP
SKIPeople
bL gy
i a
n
a

«Столпы ОСВОДа»

«Дети Иофана»
Архитектор: Степан Липгарт

Тульская область,
Заокский район, «АрхФерма»
XII Архитектурный
фестиваль «Города»>

Победитель по версии жюри

«Столпы ОСВОДа» — название объекта, иронично соединяющее его эстетические качества с функциональным назначением. Задача объекта: поднять на высоту некоторое количество спасателей для наблюдения за прудом. Второе условие: максимально простые в сборке конструкции. Впрочем, это условие было дано уже от себя, поскольку быстро стало ясно, что объект будет собирать небольшое количество человек. Две одинаковые башни-вышки сформированы двумя симметричными конструкциями, совмещающими ордерную стройность и пластичную вертикальную динамику. Образ башни — две руки, соприкоснувшиеся запястьями и открытые ладонями к небу. В этих «ладонях» собственно и находятся места для спасателей. Арки, образованные конструкциями, продолжают направление дороги, спускающейся с холма к пляжу пруда. Постановка башен под небольшим углом друг к другу, придающая дополнительную пространственную жесткость конструкции, — воспоминание об арке Главного штаба в Петербурге. Со стороны холма над аркой консолью выдвинута площадка, что усиливает динамику сооружения. Венчают башни небольшие красные флажки, по четыре на каждой. Основной материал для вышки — доска 150×50 мм, циркульные элементы выпилены лобзиком из доски 200×50 мм, в верхней части также использована доска 100×50 мм, настил и сидения сделан ы из досок 200×25 мм. Доски соединены между собой в основном саморезами, а также болтами.

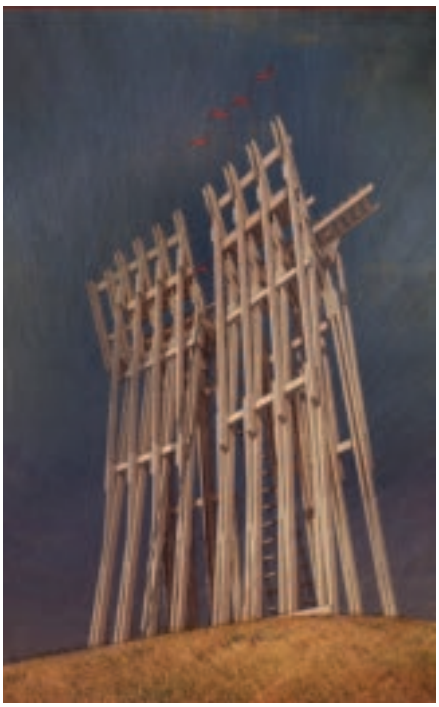


Фото: Николай Малинин, Ольга Штылькова

Световая инсталляция «Ветки»

Команда «з_Аи»
Архитекторы: Елена Пупышева; Антон Хрипко (автор технологии), Геннадий Бакунин (управление технологией), Юрий Власов (деревообработка), Михаил Журат

Тульская область, Заокский район, «АрхФерма» XII Архитектурный фестиваль «Города»

Шорт-лист

ОБРАЗ. Образ инсталляции возник из ее функции: осветить территорию вокруг объекта, создать прототип абажура, некого ночного фонаря, вокруг которого возникает пункт отдохновения; с возникновением образов мотыльков, летящих на свет; или маяка, который служил бы ориентиром путникам. Для этого захотелось создать игру контрастов: света и тени, легкости и прочностью, геометрии в сочетании с хаосом, этаким упорядоченным хаосом.

МАТЕРИАЛ. Экологичный материал — дерево. Однако для создания необходимой ажурности конструкции мы воспользовались конструктивной и технологической новизной изобретения: патент на полезную модель РФ 92435 с приоритетом от 1 сентября 2009 года. Мы захотели попробовать это техническое решение в действии.

КОНСТРУКЦИЯ. Объекта состоит из модулей-панелей, полученных методом склеивания под давлением слоев, состоящих из тонких планок сечением 25×35 мм с применением связующего — современного всепогодного клея. Такая конструкция позволила нам смонтировать объект за два часа! Вся конструкция собрана без гвоздей, только в углах сопряжения скреплена саморезами и зафиксирована диагональными распорами.

ФОРМА. Форма чистая в прочтении. Правильная геометрическая, но со сломанной симметрией — прямоугольная трапеция. В плане — квадрат 2,7×2,7 м. Высота сторон — 2 м и 2,7 м. В ажурных стенах и потолке угадывается растительный орнамент — ветки дерева.

МЕСТО. Для световой инсталляции мы выбрали холм. Чтобы создавался обзор во все стороны. Возникала бы «оторванность от земли». Некая подвешенность. Объект «открыт» на озеро и освещает узкую тропу, идущую вдоль берега и соединяющую два других объекта фестиваля. Таким образом, наша инсталляция фиксирует центр сосредоточения объектов на берегу.

ИНТЕРЬЕР. Сочетание образов света — разные типы светильников, в которых должны угадываться луна и звезды, светящие сквозь ветви деревьев. Это находит образную перекличку с окружением, с лесом и природой. Для луны использован сферический бумажный светильник большого диаметра, для «звезд» — гирлянды точечных светильников и плафоны из перьев и пуха птицы (для мягкого размывания света).

ОСВЕЩЕНИЕ. Ночь: свет внутри, он рвется наружу сквозь деревянные решетки, витиеватыми лучами ложится на окружающие предметы, растворяется в темноте ночи. День: источник света извне кидает пестрые тени на пол и «стены», движение снаружи внутрь.

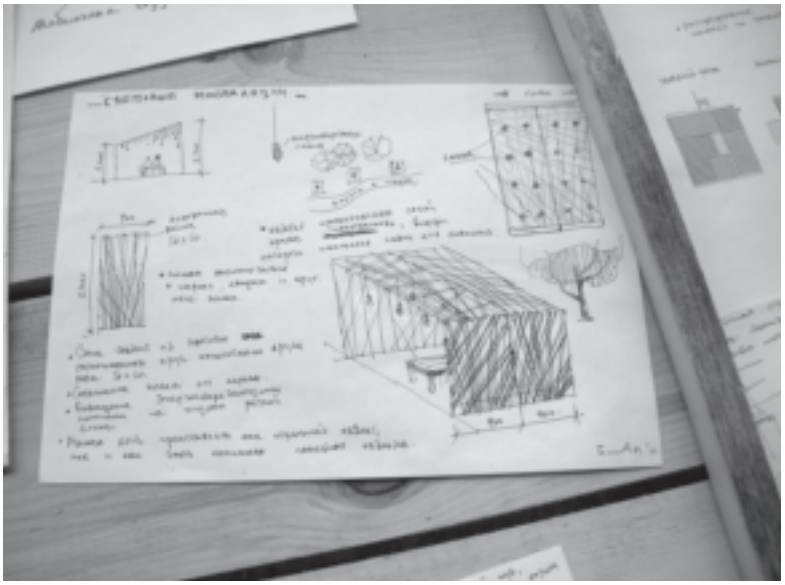


Фото: Андрей Асадов, Николай Малинин

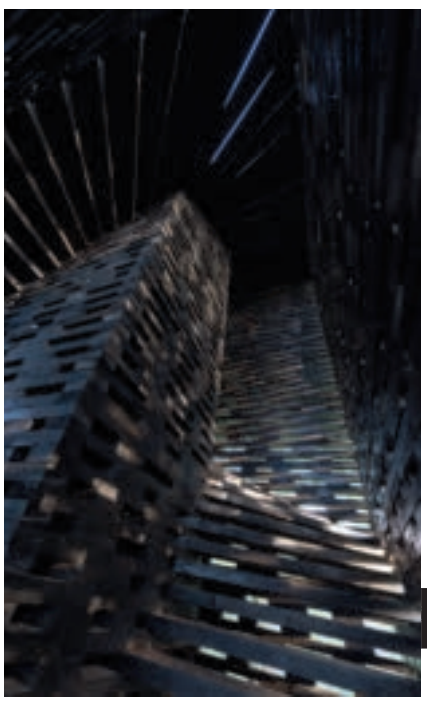
Арка

Бюро Bernaskoni
Архитекторы: Борис Бернаскони, Ксения Трофимова, Стас Субботин

Калужская область,
деревня Никола-Ленивец,
фестиваль «Архстояние-2012»

Спецприз жюри

Арка расположена на границе леса и поля по оси просеки. На пути к Арке находится только лес. Высота сооружения 13 м. Фундамент Арки устраивается из сварной конструкции на железобетонных сваях. Уровень гравийного пола возвышается над землей на 150 мм. Дренажная система — под гравием, послойно. Элементы из дерева сложены друг на друга с зазорами, образуя комнаты и лестницы, ведущие на смотровую площадку на крыше. Плоская кровля устроена из нескольких слоев дерева для отвода воды. Здесь можно разместить дерн для роста травы и защиты стены от дождя. Арка — это объект и пространство одновременно. Она может остаться экспонатом, но и способна функционировать как обитаемое помещение: сторожка, апартаменты, бар, информационный центр территории. Арка может стать парадным входом в парк или смотровой площадкой. Со временем дерево потемнеет, а внизу у земли покроется мхом и зарастет травой и кустарником. Арка должна стареть вместе с окружающим ее лесом. Материалы, из которых изготовлена Арка, должны быть вторично использованы либо в полезном строительстве, либо пойти на топку печи.



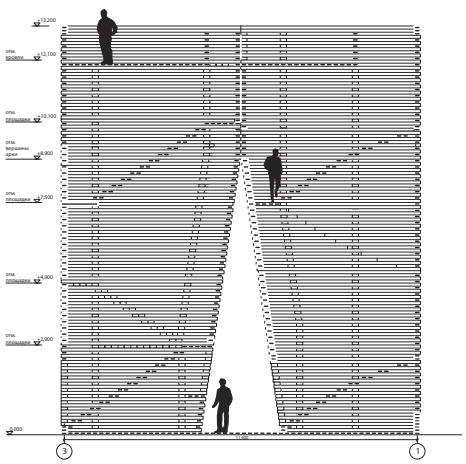


Фото: Юрий Пальмин

Храм в Антах

ТПО «Лесосплав»
Архитекторы: Александр Берзинг, Андрей Воронов, Георгий Снежкин, Евгений Новосадюк, Иннокентий Падалко

Тульская область, Заокский район, «АрхФерма»

Победитель по версии жюри

Объект — архетип, отсылающий зрителя к одноименному и наиболее древнему типу античного сооружения эллинистического периода. Своим появлением он продолжает когда-то прерванные традиции садово-паркового искусства периода романтизма, проявляющиеся в гармоничном украшении природных ландшафтов произведениями архитектуры в виде небольших тематических павильонов и беседок. Но вместо живописного парка фоном и контекстом данному строению служит еще более живописный и несколько брутальный пейзаж когда-то заброшенной советской животноводческой фермы, территория которой постепенно развивается, превращаясь в активное культурное пространство. Сам Храм расположен на небольшом естественном возвышении и ориентирован своим портиком на просторную долину с озером.

Павильон создан в рамках архитектурного фестиваля «Города»», проходившего на территории «АрхФермы». В качестве основного строительного материала были использованы спрессованные блоки из соломы, приобретенные с помощью организаторов фестиваля в соседнем совхозе. Выбор такого необычного архитектурного решения вызван не только экологическими соображениями. По концепции авторов проекта создание монументального объекта из сена идеально отвечает выбранному МЕСТУ (в самом широком смысле этого слова) и максимально приближает этот объект-символ по визуальному восприятию и душевному ощущению к его архаическим прообразам.

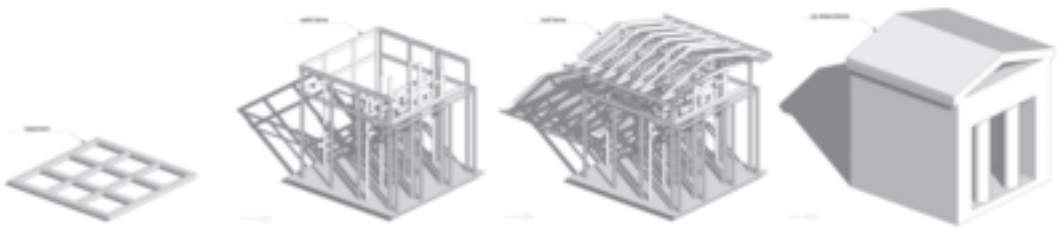


Фото: Александр Берзинг, Иван Овчинников

«выСОТЫ»

Команда «БуБля»

Иркутск, Байкал,
фестиваль «БухАрт»

Шорт-лист

Чтобы открыть для себя что-то новое, бывает достаточно просто посмотреть вокруг на величайшего архитектора всех времен — природу. Основную роль в нашей инсталляции безусловно играет сама структура сот — гексагональная решетка. Несмотря на свою простоту, она буквально завораживает зрителя. Это очень пластичная фигура, легко гнется и вытягивается, принимая любые формы, не теряя при этом своей жесткости.

Если вдуматься, то современные многоквартирные дома не что иное, как соты — компактные жилые ячейки, составленные в единую структуру. В этом смысле модульная башня и есть воплощение жилища нашего века. Внутри нее создается универсальное пространство, наполняя которое, можно придавать ему всевозможные функции.

Когда глядишь на ночную фотографию объекта, вспоминается архитектура метаболизма. Уходящий в небо луч света — как раз тот стержень, на который насаживаются жилые ячейки. Незавершенность конструкции лишний раз подчеркивает модульную структуру, позволяющую достраивать ее вслед за лучом бесконечно.

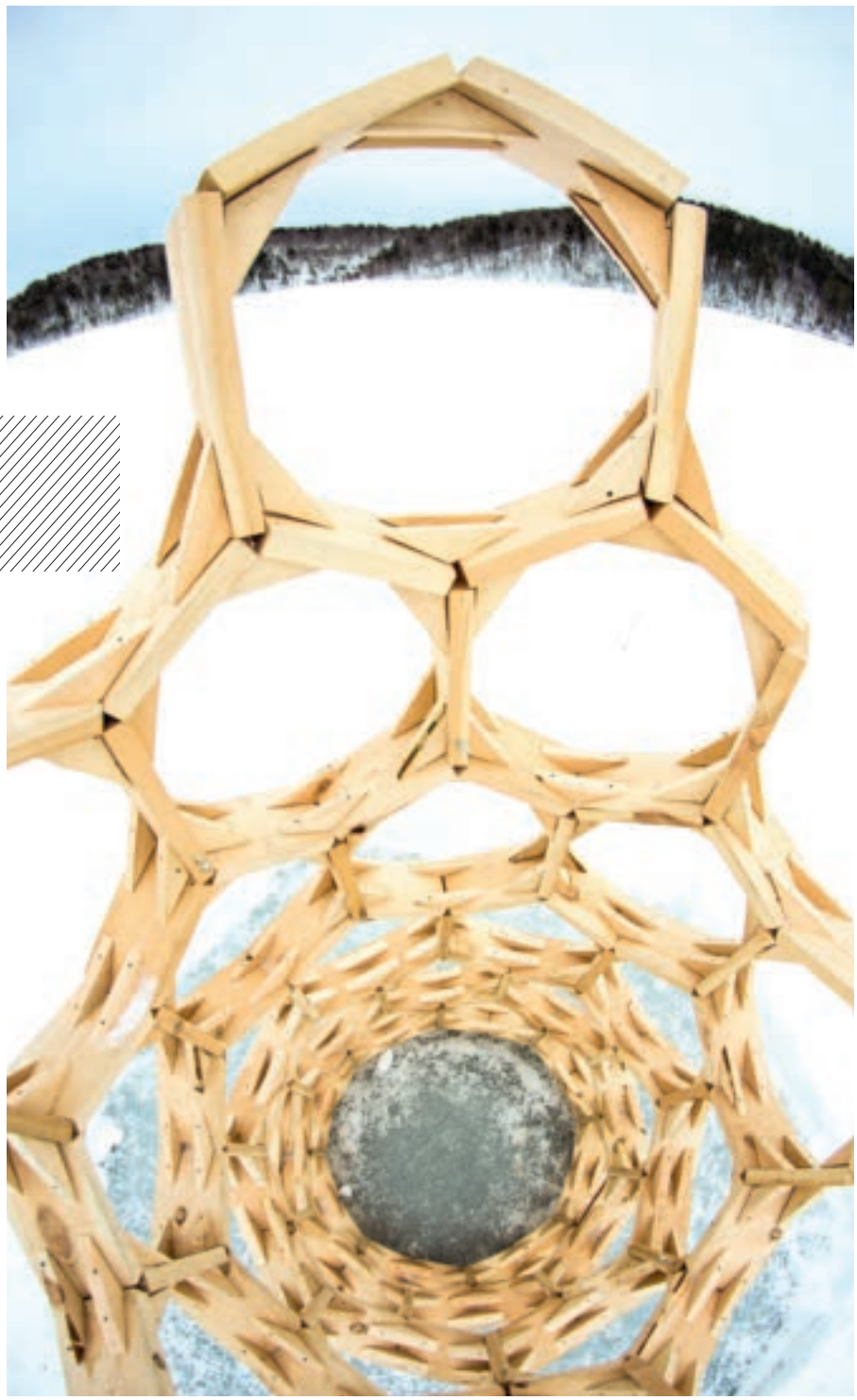


Фото: Мария Баранова, Евгений Рупасов

«Ленивый зиккурат»

«Поле-Дизайн»
Архитекторы: Владимир Кузьмин, Николай Калошин

Калужская область, деревня Никола-Ленивец

Победитель по версии жюри

Как правильное произведение современного искусства «Зиккурат» обращается сразу ко всем ценностям и проблемам. Он сложен из бревен, пораженных жучком-короедом, то есть авторы не уменьшали лесных запасов, а, наоборот, работали «санитарами леса». Что особенно cool, ибо даже не recycle, а substandard materials. Учитывая же, что короедом поражено много деревьев в Калужской области, это не столько молчаливый монумент, сколько звонница, бьющая в набат о проблеме. И это, конечно, звонница — ее срубили «в реж», то есть с просветом между бревнами — именно так, как делались древнерусские звонницы (как и другие подобные объекты общественного назначения, не предполагающие долговременного пребывания человека). В отличие от иных типов рубки, применявшихся для домов и храмов, такая конструкция облегченная (что и позволяет набрать должную высоту), экономичная и быстровозводимая. Кроме того, зиккурат как бы перепрыгивает века, за которые те звонницы приходили в известное живописное состояние, и демонстрирует это качество с ходу. Наконец, зиккурат «помнит» и о тех объектах, с которых начиналась слава самой знаменитой ныне деревни современной России. Он «шлет поклон» зиккурату из сена Николая Полисского (2000), его же Дровнику (2002), его же Маяку (2004). По опоясывающим башню лестницам можно забраться на смотровую площадку — и с высоты 18 м некоторые из объектов Никола-Ленивца увидеть. Внутреннее пространство имеет интересные акустические свойства: летом 2014 года здесь прошло несколько театрализованных представлений и музыкальных перформансов.

Фото: Николай Калошин, Владимир Кузьмин, Виктор Поляков, Никита Шохов, Дмитрий Лещинский

Cuboed

«Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева»
Архитектор: Олжас Кузембаев

Тульская область,
экопарк «ЯснoПоле»

Шорт-лист

Биосфера — глобальная система со сложнейшей структурой прямых и обратных связей между всеми ее элементами. При этом человечество на современном этапе — один из важнейших элементов этой системы, который (парадокс!) ее планомерно деформирует и разрушает. Однако такое положение дел не вечно: природа сильнее человека и обязательно возьмет свое, и не факт, что человечеству останется в ней место. Инсталляция является наглядной демонстрацией триумфа природы над делом рук человеческих. Со временем лес, в который встроена инсталляция, крепко врастет в конструкцию и станет с ней единым целым. Наступает новое время — время жить и строить по законам природы и с ориентацией на эти законы. Внутри Кубоеда остается достаточно места, чтобы осмыслить эту идею.

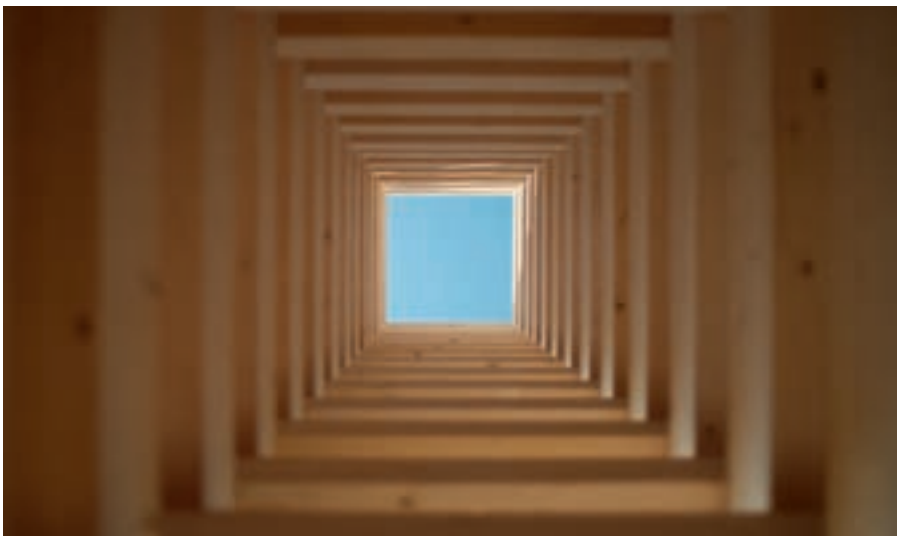
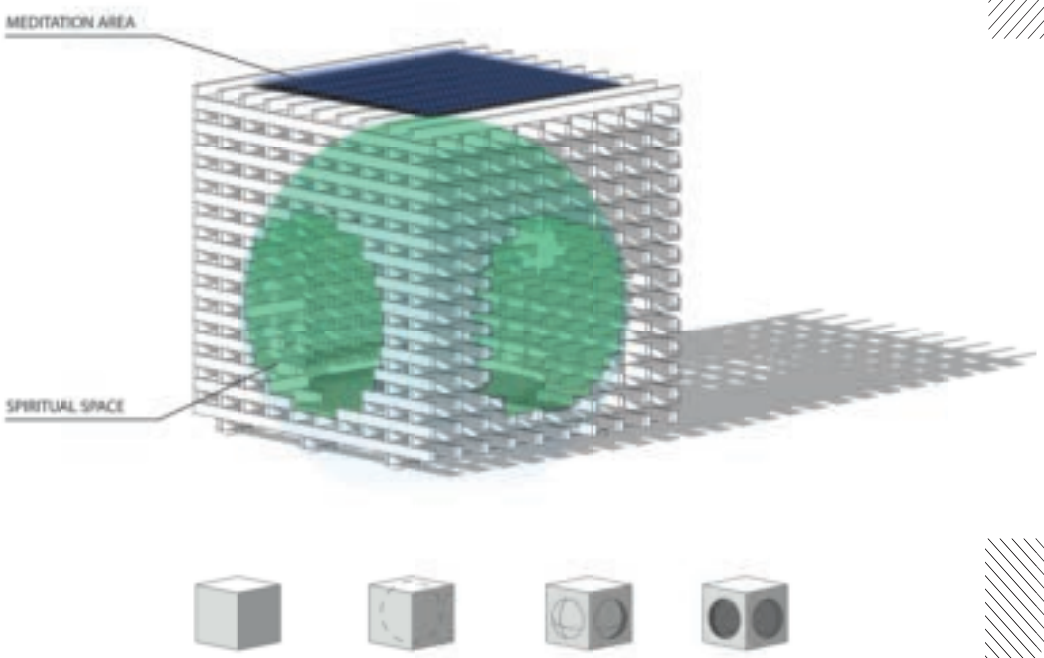


Фото: Олжас Кузембаев


MEDITATION AREA
SPIRITUAL SPACE

Реставрация

Номинация

Эта номинация появилась лишь в 2013 году — на фоне стремительно ухудшающегося состояния памятников с одной стороны и всплеска движения добровольцев-реставраторов — с другой. Не мысля себя экспертами, Оргкомитет премии привлекал к обсуждению лучших специалистов (Александр Попов, Андрей Бодэ, Александр Никитин, Ольга Севан, Игорь Шургин, Антон Мальцев), но, увы, даже они решительно расходились в оценке номинантов. Налицо — трагическое отсутствие профессионального согласия, и в то же время — острая необходимость этого разговора. Каковому премия, надеемся, будет все же способствовать.

Церковь Ильи Пророка

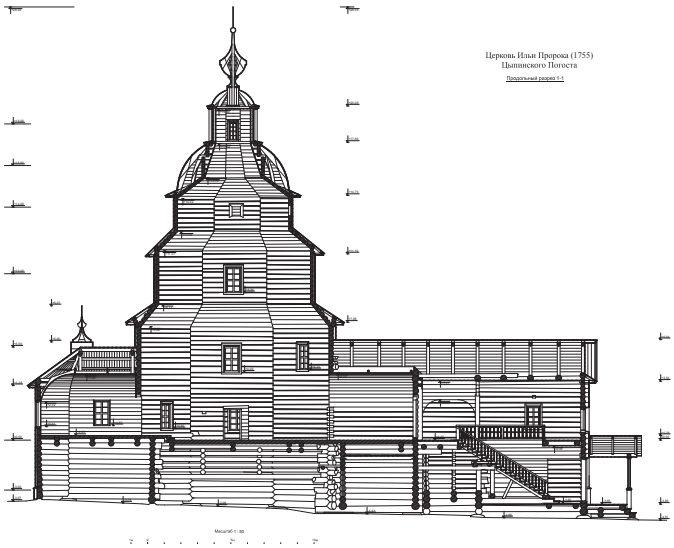
«Реставрационный центр — архитектура, производство, обучение»

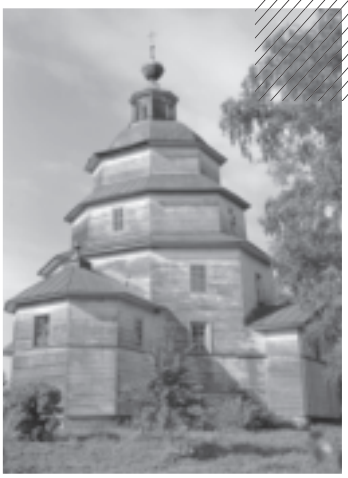
Архитекторы:
Александр Попов,
Антон Мальцев

Вологодская область, деревня Цыпино

Шорт-лист

Церковь Ильи Пророка (1755) — памятник деревянного зодчества, расположена близ села Ферапонтово, в двух километрах от Ферапонтова монастыря. Единственным достоверным источником при реставрации храма были архивные фотографии 1940-х годов. Благодаря этим фотографиям стала возможной реставрация храма на период ремонта XIX века.





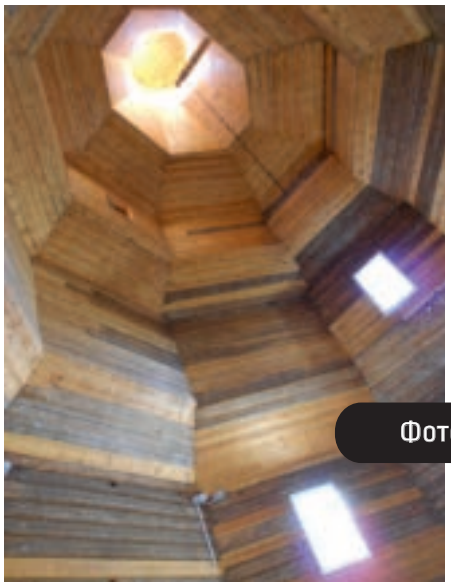
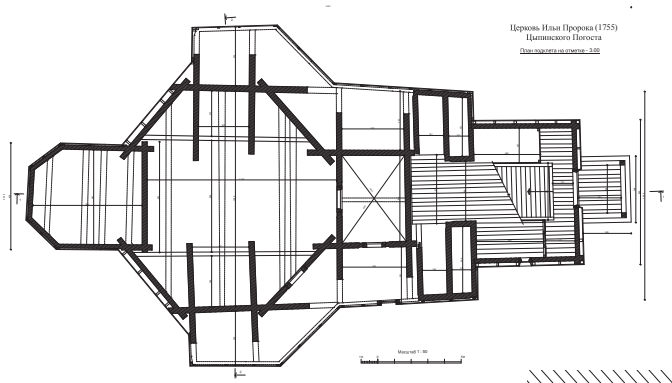


Фото: Сергей Подъяпольский, Антон Мальцев, Илья Иванов, Николай Малинин



Церковь Ризоположения из деревни Бородава

«Реставрационный центр — архитектура, производство, обучение»

Архитекторы:
Александр Попов,
Антон Мальцев

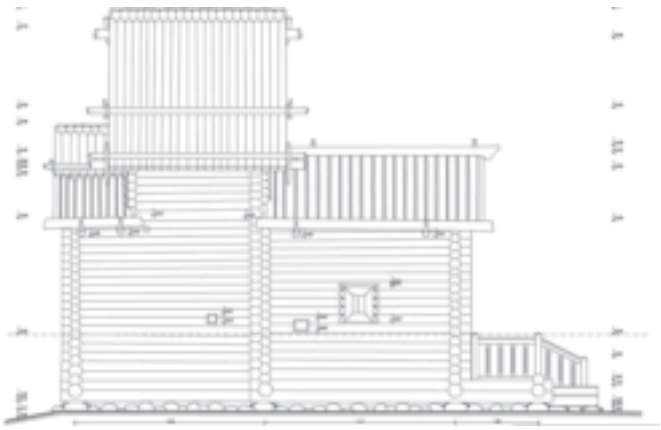
Вологодская область,
город Кириллов

Шорт-лист

Каждый знает (и это единственное, что знает каждый), что деревянные объекты на Руси строились «без единого гвоздя». Тем более в XV веке, когда гвозди были страшно дороги. А церковь Ризоположения — единственный, достоверно датируемый этим веком храм (причем как записью на антиминсе, так и дендрохронологией). Однако глава, которая венчает церковь, прибита гвоздями. Значит, она поздняя, не говоря уж о том, что вообще луковичные главки — продукт века семнадцатого. Гвозди же оказались и вовсе советскими, вбитыми в 1957 году, когда церковь перенесли из зоны затопления на территорию Кирилло-Белозерского монастыря. Тогда как слеги под кровлей, наоборот, родные, XV века. Но как же они сохранились? Ответ дала оригинальная система влагоизоляции: по слегам настелен тес, на нем — берестяные маты, а сверху они снова прижаты тесом. Если бы при этом использовались гвозди, они бы рвали бересту, вода просачивалась, и храм бы элементарно не прожил столь долгий век.

И Александр Попов рискнул впервые в практике отечественной реставрации воссоздать безгвоздевую кровлю — как самый интересный и оригинальный элемент памятника. Но для этого главку пришлось убрать. А это уже вопрос политический: без гвоздей — да, пожалуйста, но без главки? И хотя мы встречаем подобные изображения на рисунках путешественников XVII века, век XXI разразился по этому поводу скандалом. Попова обвинили в «неумеренности творческих амбиций», в том, что он «экспериментирует над памятником за казенный счет», не забыли и того, что «добро» на это «преступление» дала его жена, как раз работавшая директором Кирилло-Белозерского монастыря...

Храм же тем временем продолжал реставрироваться. Чтобы добиться полной аутентичности, Попов снова выковал топор XV века — теперь уже по аналогии с найденным при археологических раскопках в Вологде. А чтобы сохранить памятник, его пришлось поместить в специальный ангар. Что, конечно, затрудняет любованием оным, но становится хорошим поводом вернуть в него родные иконы, хранящиеся в музее монастыря. (Эти девятнадцать работ долго приписывались Дионисию, но еще дольше — полвека! — пребывали в Москве, сначала на реставрации, а после в экспозиции музея Андрея Рублева, пока Галина Иванова, тот самый вышеупомянутый директор, не добилась их возвращения). Единственное, что пока непонятно, — где ставить крест. Споры об этом идут даже внутри реставрационной команды, но все они при этом выложены в интернет — и это еще и первый случай столь открытого реставрационного процесса.



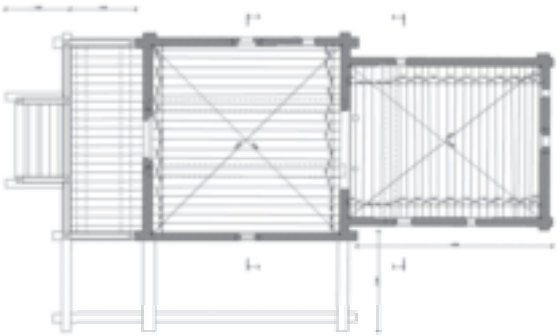


Фото: Антон Мальцев, Николай Малинин

Георгиевская церковь в Коломенском

ПРК «Карэнси»
Реставраторы: А. В. Никитин (главный архитектор проекта), П. Н. Омельницкий (главный инженер проекта), Т. В. Барсова, А. В. Маркелов, И. Н. Шургин (историко-архивные изыскания), О. А. Герасимова, В. Ю. Попов, О. И. Никитина, Т. В. Кошкина, И. Н. Белоусова, М. А. Романова

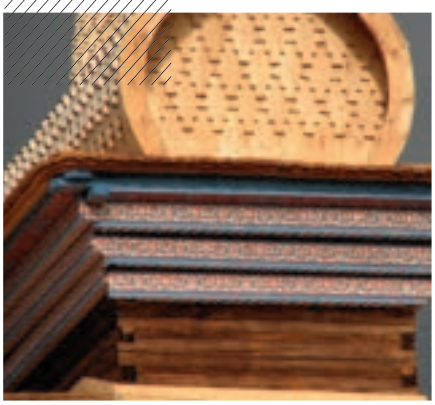
Архангельская область, Верхнетоемский район

Победитель по версии жюри и народа

Деревянный храм во имя Святого великомученика Георгия был построен в 1685 году на берегу реки Ёрги, правого притока Северной Двины. В 1890-е годы церковь была обшита досками, в 1920-е годы в ней устроили клуб, позже — склад. Иконостас и остальное убранство храма не сохранились. В 2003 году по инициативе художника Ивана Глазунова церковь осмотрела группа специалистов МГОМЗ «Коломенское» и реставрационной фирмы «Карэнси». В 2007 году под руководством ее специалистов были выполнены натурные исследования и проект реставрации храма. В 2008 году храм был разобран и перевезен на территорию Коломенского.

В 2009–2011 годах фирмы «РЭИМ-5» и «Карэнси» выполнили реставрацию храма и собрали его на новом месте. При реставрации памятника использовалась историческая плотничная технология и современный метод укрепления деревянных конструкций — армированный полимербетон (под руководством М. В. Капустиной).

По материалам натурных и архивных исследований были разработаны два варианта проекта реставрации: на XVII век и на XIX век. К производству работ был принят первый вариант. По этому проекту выполнены следующие работы. Устройство фундамента, реставрация отдельных бревен конструкции сруба, восстановление утраченных нижних венцов четверика и алтаря. Раскрытие конструкций чердачного перекрытия и подклета, реставрация полов XVII века. Восстановление консольных выпусков четверика, воссоздание конструкций «висячей» галереи, двусходного крыльца, окон и дверей трехкосящатой конструкции. Изготовление и установка кованых кольчатых решеток в оконных проемах. Воссоздание алтарной бочки. Восстановление бочки на малом четверике. Воссоздание трех глав и крестов на бочке малого четверика, тесового покрытия, покрытия лемехом в форме «городка» бочек и глав, охлупней бочек и крыльца, конструкции тяблового иконостаса, пристенных лавок на галерее и в храме, клиросов, расписных «подзорных» досок на повалах четверика, алтаря и на верхнем четверике. Устройство отмостки и всего комплекса работ по благоустройству территории памятника, устройство инженерных систем (электроснабжение, система молниезащиты, системы безопасности).



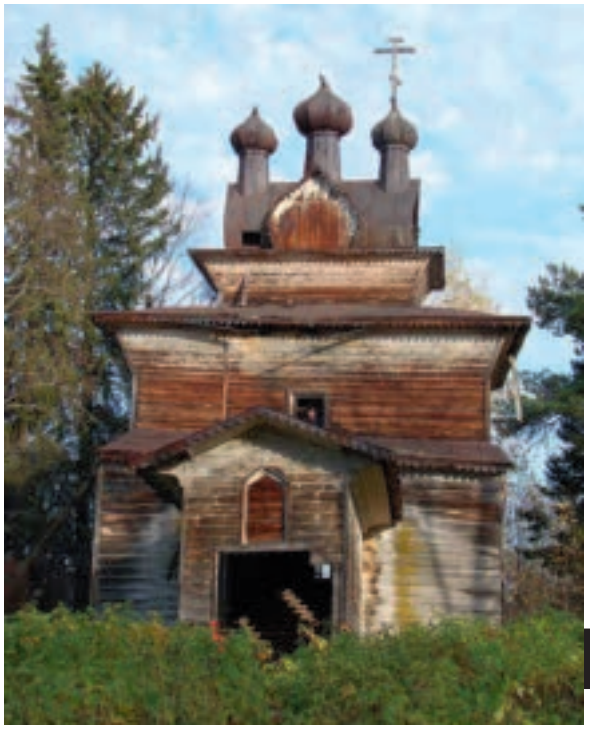


Фото: Игорь Шургин, Александр Бокарев

Порженский погост

Противоаварийные работы (2009–2011): плотники-реставраторы Кенозерского национального парка
Эскизные и рабочие проекты реставрации церкви и ограды: Институт Спецпроектреставрация (Л. Ткаченко, эскизный проект, 1986); В. А. Попов (корректировка эскизного проекта 1986, эскизный проект реставрации, 2004); В. А. Титов (эскизный проект и рабочая проектно-сметная документация, 2006–2008)
Реставрационные работы (2013–2016): ИП «Е. Б. Силинский», бригадиры Иван Таскаев и Алексей Смачный
Реставрация «небес» молельного зала и алтаря, трех икон, тябловых конструкций «небес» и рам иконостаса: ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря

Архангельская область, Кенозерский национальный парк

Победитель по версии народа

Практически в самом сердце Кенозерского национального парка, вблизи границы Каргопольского и Плесецкого секторов находится один из самых труднодоступных, но вместе с тем один из самых замечательных и притягательных памятников деревянной архитектуры Русского Севера — Порженский погост. Архитектурный ансамбль Порженского погоста XVIII века является одной из лучших страниц деревянного зодчества Кенозерья.

Центр ансамбля Порженского погоста — церковь Георгия Победоносца с редкой для Кенозерья клинчатой кровлей возведена в XVIII веке в традициях русского деревянного зодчества XVI–XVII веков, в XIX веке обшита тесом и украшена декоративными элементами в стиле классицизма. Небольшая главка на тонкой высокой шейке, врезанная в клин крыши и покрытая лемехом, усиливает художественное восприятие этого редкого по красоте строения. На месте когда-то существовавшей небольшой паперти с крыльцом в XIX веке построена обширная трапезная с папертью и восьмигранной бревенчатой звонницей над ней. Бревенчатая ограда, окружающая храм, «святую рощу» и прилегающую территорию кладбища, была возведена в XVIII веке. Она почти квадратная в плане с рубленными в «лапу» башенками по углам, крытыми шатровыми тесовыми кровлями и увенчанными крестами. Посреди южного прясла устроены Святые ворота с двупольными расписными полотнами, которые также венчает шатер с крестом. Вся ограда покрыта тесом на два ската. В интерьере церкви — алтаре и храме — сохранились потолочные перекрытия «небом» с апостолами в четверике и с архангелами в алтаре. Георгиевскую церковь закрыли в 1938 году. Однако в середине XX века, по свидетельству местных жителей, в церкви велись службы, на Пасху совершался крестный ход.

Порженский погост — сокровище Парка. Ансамбль поражает своей гармоничностью, выбором места и, несмотря на небольшие размеры церкви, монументальностью. В нем, затаенном в лесных и озерных просторах, наиболее ярко воплощена красота и величие древнего духовного центра людных когда-то русских деревень. Здесь архитектура и природа дают в сумме столь сильный эффект, что поставить что-либо на Севере в один ряд с Порженским погостом практически невозможно.

В 1984–1985 годах студенческим отрядом «Атеист» Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова в церкви были проведены реставрационные работы. В 2009–2010 годах плотниками Кенозерского национального парка выполнены противоаварийные работы. В 2011 году начались ремонтно-реставрационные работы.

В 2013 году по прямому распоряжению президента РФ были выделены средства на реставрацию уникального памятника деревянной архитектуры. Спустя три года восстановление ансамбля полностью завершено! Это редчайший случай в современной реставрационной практике, когда восстановление культового памятника такого масштаба было не только начато, но и закончено.

В процессе восстановления памятника заменены окладные венцы, старый сруб трапезной полностью демонтирован и перебран. Произведено устройство кровельного перекрытия, осуществлена переборка полов из плах, чердачного и цокольного перекрытий по деревянным балкам, отреставрированы сохранившиеся и изготовлены вновь утраченные заполнения оконных и дверных проемов. В притворе и звоннице установлены деревянные лестницы. Также реставраторами произведена внутренняя и наружная обшивка здания, перебраны конструкции шатра звонницы, отреставрированы главы. Восстановлена рубленая ограда Порженского погоста. На памятнике архитектуры установлена молниезащита.

Одним из вопросов, требовавших принятия сложного решения, была покраска храма. Принятию такого решения предшествовала кропотливая работа в государственных архивах республики Карелия, Архангельской области. Доподлинно известно, что в 1875 году стены Георгиевской церкви впервые обшили тесом и покрасили. Определить последний по хронологии цвет краски помог глубокий спектральный анализ сохранившихся лемешин с главок и теса обшивки церкви, выполненный художниками-реставраторами ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря. Они же выполнили реставрацию «небес» церкви, рам иконостасов, филенчатой двери ограды. В ходе работ на одной из граней «неба» была обнаружена датирующая надпись — значительное научное открытие.

В молельном зале и алтаре Георгиевской церкви Порженского погоста установлены копии «небес», также в церкви появились копии четырех икон, написанных во второй половине XIX века для церкви Георгия Победоносца Порженского погоста.

В 2016 году — в юбилейный год Парка — состоялось торжественное открытие Порженского погоста.

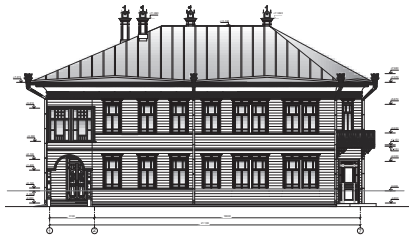
Фото: Александр Штрик, Анна Чиркова, Евгений Мазилов

Дом Черноглазова

Архитектор:
Владимир Лукин
Инвестор:
Герман Якимов
Руководитель работ:
Владимир Новоселов

Вологда,
улица Чернышевского, дом 17

Победитель по версии жюри

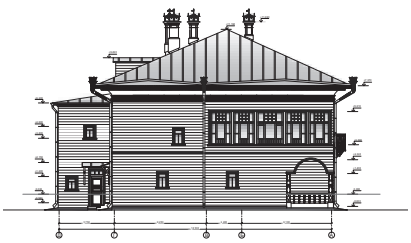


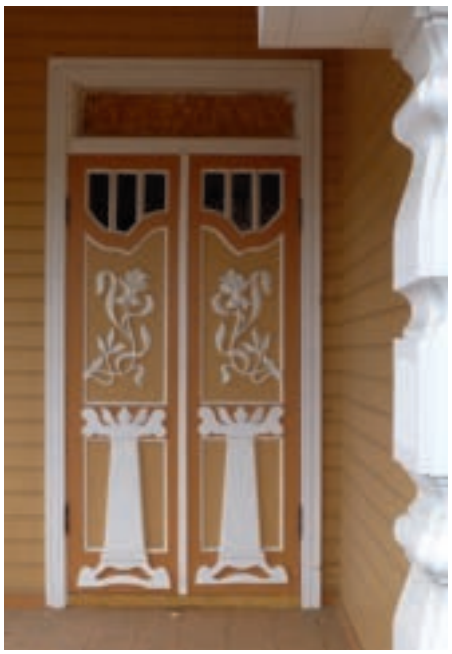
Дом на нынешней улице Чернышевского был построен в начале XX века крестьянином Черноглазовым. В начале XX века на первом этаже здания размещался трактир, с 1942 по 1948 год — Молотовский райком партии, затем, до 1959 года здесь работал облпрофсовет. После чего на первом этаже здания разместилась аптека, а на втором — Дом научно-технической пропаганды и Северо-Западное книжное издательство. До недавнего времени строение состояло на балансе Вологды и длительное время пустовало.

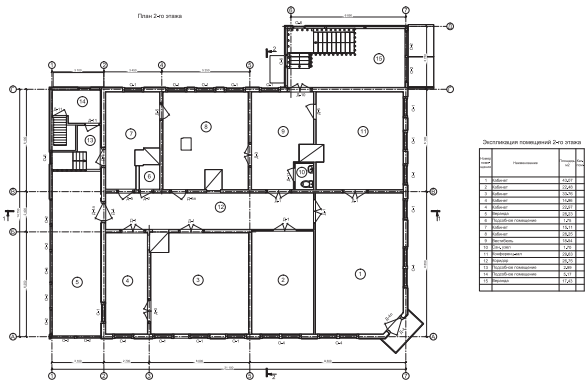
В 2014 году собственником объекта стал вологжанин Герман Якимов, а дом получил статус объекта культурного наследия регионального значения. По инициативе собственника и за его счет был разработан проект реставрации памятника, в ходе которой был усилен фундамент дома, заменена часть венцов сруба, устранены просадки основной части здания и пристроек, ликвидированы протечки в кровле, отреставрирована обшивка и резное декоративное оформление фасадов дома. Также реставраторы открыли второе крыльцо здания, выходящее на улицу Чернышевского, воссоздали двери, которые украсили накладные лилии, а также окна веранды в стиле модерн. Установлены точные копии железного козырька по улице Гоголя, по существующим образцам сделаны точные копии дымников и сливных труб.

Во время реставрации открылись интересные данные по истории дома. Благодаря дендрологическому анализу удалось выяснить, что деревья для его постройки были спилены в 1904 году, а вот существующие стропильные конструкции установили на здании в 1914-м. Скорее всего, в год начала Первой мировой войны к дому пристроили боковую веранду, над которой появилась общая новая крыша. Обнаружилось, что боковой фасад, который в советское время был закрыт, изначально обладал остеклением. В интерьерах здания сохранились печи с изразцами, межкомнатные дверные полотна, профилированные карнизные тяги. Было много споров, в какой цвет красить фасад памятника. Благодаря сохранившимся капелькам краски под старыми наличниками выбрали колер, почти повторяющий расцветку дома в начале XX века.

В отреставрированном доме собственник открыл цветочный магазин.

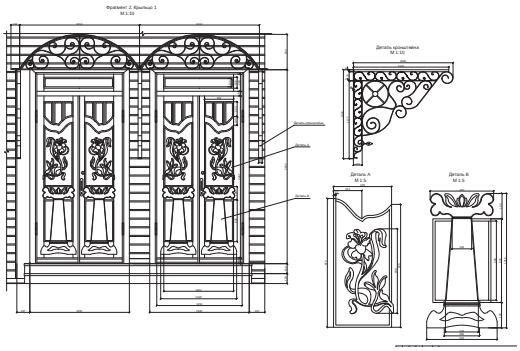






Экспликация помещений 2-го этажа

Номер на плане	Наименование	Площадь, кв.м
1	Кабинет	43,01
2	Кабинет	21,45
3	Кабинет	15,76
4	Кабинет	14,89
5	Кабинет	15,07
6	Коридор	10,43
7	Холл/гардероб	7,75
8	Кабинет	15,11
9	Кабинет	15,23
10	Вестибюль	10,63
11	Кладовая	1,73
12	Комната	15,01
13	Коридор	15,73
14	Подсобное помещение	3,09
15	Подсобное помещение	11,11
16	Лестница	17,23



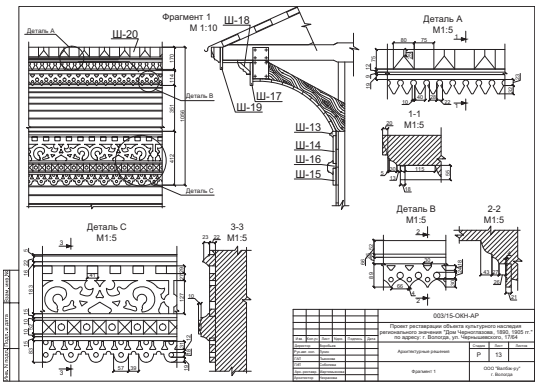


Фото: Сергей Юров, Николай Малинин и др.

Лесной терем Асташово

«Реставрационный центр — архитектура, производство, обучение»
Архитекторы:
Александр Попов, Антон Мальцев, Антон Бабичев
Заказчики: Андрей Павличенков, Ольга Головичер

Костромская область, Чухломской район, деревня Осташово

Гран-при

Произведена реставрация деревянного жилого дома богатого крестьянина-отходника. Здание построено в 1897 году по мотивам проекта И. П. Ропета. К началу реставрации (2011 год) был заброшен в течение сорока лет и представлял собою руины. Реставрация производилась путем полной переборки сруба, с заменой сгнивших элементов и последующим воссозданием интерьеров. В результате сохранность оригинальных деревянных деталей составила 50–60 %. При реставрации сохранены исторические технологии — штукатурные работы по дранке, применение кирпича в перекрытиях в деревянном объеме. По сохранившимся фрагментам реконструирован вид парадной лестницы, лепнины, изразцовых печей. Одновременно с реставрацией создана инфраструктура, необходимая для туристического развития объекта — дорога, коммуникации, гостевые дома. В 2017 году ожидается, что восстановленный терем посетят около пяти тысяч туристов.

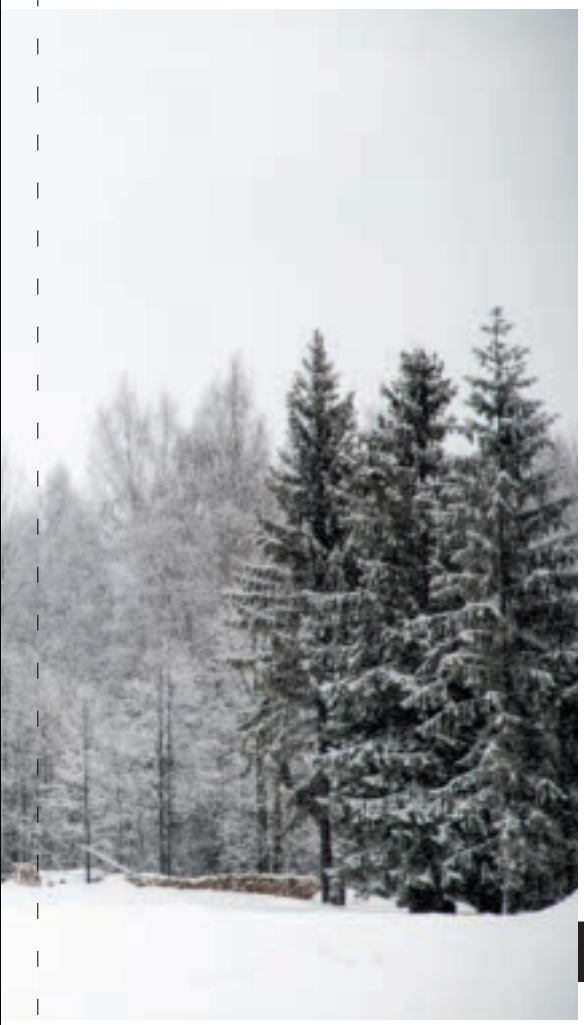


Фото: Антон Мальцев, Андрей Павличенков,

Contemporary wooden

THE SEARCH FOR IDENTITY
IN BUILDING MATERIALS

TEXT: NIKOLAY MALININ
INTERPRETER: NATALIA MELIKOVA

FOR CENTURIES THE ARCHITECTURE OF A RUSSIAN HOUSE COULD NOT BE CONCEIVED WITHOUT WOOD, AND A WOODEN HOUSE COULD NOT BE CONCEIVED WITHOUT ARCHITECTURE. USEFULNESS AND BEAUTY MERGED INTO A SINGLE PHENOMENON AND THANKFULLY EXAMPLES OF SUCH ARCHITECTURE STILL ADORN RUSSIA. BUT IN 1917, THE NATURAL DEVELOPMENT OF TIMBER ARCHITECTURE CAME TO AN END. REVOLUTION ABOLISHED IT ALL: WOOD (AS INCONSISTENT WITH THE SPIRIT OF THE TIME), VILLAGES (REPLACING THEM WITH COLLECTIVE FARMS), THE IDEA OF A PRIVATE HOUSE (REPLACING IT WITH THE HOUSE-COMMUNE AND THE COMMUNAL APARTMENT). AS A BUILDING MATERIAL WOOD REAPPEARED ON THE SCENE ONLY IN THE LATE 1990S, WHICH OVER THE COURSE OF NEARLY 20 YEARS FORMED A WIDE SPECTRUM OF TRENDS, WHICH DIFFER BOTH STYLISTICALLY AND IN SOURCES OF INSPIRATION.

DACHA PASSEISM

THE HISTORY OF MODERN WOODEN ARCHITECTURE IN RUSSIA BEGINS WITH AN BUILDING WHICH WAS NOT EVEN BUILT BY AN ARCHITECT. THE BUSINESSMAN NIKOLAI SUTYAGIN BEGAN BUILDING HIS 12-STORY HOUSE IN A SUBURB OF ARKHANGELSK AS A TWO-STORY BUILDING (1998). BUT THE HOUSE SHOT UP AS IF IT WERE IN ONE OF PUSHKIN'S TALES: FIRST THE OWNER WANTED TO SEE FROM HIS WINDOWS THE KUZNECHIKHA RIVER, THEN — THE NORTHERN DVINA, AND THEN THE WHITE SEA. USUALLY, THIS TYPE OF SPONTANEITY LEADS TO ABSURD RESULTS, AND HERE EMERGED A VERY PICTURESQUE TOWER, A SORT OF WOODEN NEUSCHWANSTEIN CASTLE. BUT LOCAL AUTHORITIES DECLARED THAT «THE TALLEST WOODEN BUILDING IN THE WORLD» WAS A "SAMOSTROY" (RUSSIAN FOR UNAUTHORIZED CONSTRUCTION, OR IN OTHER WORDS, A STRUCTURE BUILT ON ONE'S OWN INITIATIVE) AND DESTROYED IT IN 2009. WHILE QUITE UNFORTUNATE, THIS WAS TO BE EXPECTED.

THE FORM OF A "DACHA SAMOSTROY" — SOMETHING FLIMSY, RICKETY, AND PUT TOGETHER SLAPDASH — WAS CUNNINGLY UTILIZED BY THE 95 DEGREES RESTAURANT (2000) IN PIROGOVO, WHILE IN FACT BEING AN EXPENSIVE RESTAURANT, WHICH WAS BUILT BY ALEXANDER BRODSKY, RUSSIA'S BEST ARCHITECT-ARTIST. «I LIKE THIS SORT OF THROWN TOGETHER, BEST OF ALL," SAYS THE AUTHOR. "IN MANY OF MY WORKS ONE CAN SEE THE INCLINATION TOWARDS A LOW-BUDGET AND SIMPLICITY. SIMPLICITY NOT IN THE MODERNIST SENSE, BUT IN THE SENSE OF A NATURAL MATERIALIZATION OF EACH OBJECT, THE OMISSION OF THE SUPERFLUOUS AND THE UNNECESSARY." AND SOMETIMES — OMISSION OF THAT WHICH IS OBLIGATORY, FOR EXAMPLE, WINDOWS. WINDOWS USUALLY INDICATE OPENNESS. THE VODKA CEREMONIES PAVILION (2003) WHICH IS MADE COMPLETELY OUT OF THEM — IT WOULD SEEM, IS A MANIFESTO! BUT NO, ALL OF THEM ARE COVERED UP WITH WHITE PAINT, WHICH CREATES INTIMACY ESSENTIAL FOR THE MAIN RUSSIAN PRIEST. IN CONTRAST TO WINDOWS, DOORS SYMBOLIZE SECRECY, WHICH IS WHY THERE IS USUALLY ONE OF IT, WHEREAS IN THE ROTUNDA (2009, PART OF THE ARCHSTOYANIE FESTIVAL IN NIKOLA-LENIVETS) THERE ARE 20 OF THEM! BUT THIS IS BY NO MEANS A METAPHOR OF OPENNESS, BUT RATHER A SENSATION OF AN "ETERNAL VESTIBULE." ONE THAT CAN BE INTERPRETED AS AN ABUNDANCE OF CHOICE, AND AT THE SAME TIME ITS ILLUSIVENESS.

HOUSE 133 (2009) IN THE TVER REGION CAN BE READ AS AN HOMAGE TO THE SOVIET DACHA (COUNTRY HOUSE) ACCORDING TO ITS AUTHOR, PETER KOSTELOV. "IN SOVIET TIMES, INDIVIDUAL CONSTRUCTION WAS NOT WELL-DEVELOPED. BUT THOSE WHO STILL CONTRIVED TO BUILD A DACHA USED A WIDE VARIETY OF MATERIALS FOR THIS. AS A RESULT, THE HOUSE CONSISTED OF FRAGMENTS, SCRAPS, AND PATCHES, REFLECTING THE MEANS OF ITS OWNER DURING A SPECIFIC PERIOD OF CONSTRUCTION TIME. LIKEWISE, KOSTELOV'S HOUSE IS A SORT OF PATCHWORK, A QUILT WHERE EACH WOODEN PATCH IS GATHERED FROM A WIDE VARIETY OF BOARDS (LINING, BLOCK HOUSE, WOOD BLOCKS, SHOVEL SHAFTS) AND THEY ARE JOINED TOGETHER IN JUST AS MANY WAYS (OVERLAPPING AND SO ON).

A MORE AUTHENTIC VERSION OF "SAMOSTROY" IS PRESENTED BY ANDREY CHERNOV FROM NOVOSIBIRSK. HE MAKES OPENLY LOW-TECH STRUCTURES IN WHICH HISTORICAL ARCHETYPES ARE REINTERPRETED AND REPRODUCED IN THE CHEAPEST MATERIALS. FOR EXAMPLE, DACHA HOUSE (2009) IN THE FORM OF CAMPANELLA, OR BBQ GAZEBO (2009) IN THE SHAPE OF AN ICOSAHEDRON, OR STUDIO (2010) — ENTIRELY COVERED UP WITH BOARDS, BUT WITH GREENHOUSE SKYLIGHTS... IT IS LOGICAL TO COUNT THE BARN IN NIKOLA-LENIVETS (2006) BY PROJECT MEGANOM AS A SYMBOL OF THIS ENTIRE

trend. It is a most trivial in appearance construction made of rough planks, with scores of drilled holes at different angles, and what is more, at the time of construction there was a drill lying nearby and any participant of the Archstoyanie festival could take part in the drilling. During the day, from the outside the barn looks like just a barn, but when you step inside, each wall appears like a stained-glass window. At night, the house itself becomes a stained-glass window, lit from inside by a 500 watt lamp.

LYRICAL EXPRESSIONISM

Another trend of "new wood" architecture is associated with the names of Totan Kuzembaev and Svetlana Golovina. On the one hand, they are based on the form making of the Russian avant-garde, on the other — on new technological possibilities. Therefore, their buildings by all means are suspended (above the ground or over water), their walls and roofs bend and curve, they are resplendent with either an unusual red color, or on the contrary, the usual wood shingles. No wonder each of these structures easily finds a name: Bridge House, Telescope House, Ramp House. It is a constant test of the strength of wood, a search for new imaginative features, an experiment — but with a touch of mandatory irony.

The first masterpiece of the Pirogovo Resort was the guest houses complex (2003) by Totan Kuzembaev. Lightweight, small, and bright — they parody the internationally fashionable idea of designer hotels, as well as the famous follies by Bernard Tschumi at Parc de la Villette in Paris. Metal frame, construction plywood in the interior, and pine boards on the exterior. Plus the revolutionary red color and a view looking out on to the water, for the sake of which the houses are raised off the ground. This constructivist message also found expression in the Telescope House (2004), though many saw in it only a formal reference to the avant-garde era, while in the combination of the circle and the diagonal — they saw Lissitzky's wedge. The same motifs define the appearance of one of the resort's best facilities — the Yacht Office by Kuzembaev (2006) was created as if with a single stroke of the pen: the wall becomes the roof, the roof becomes the balcony railings, turns, then by stairs goes down to the starting point. Moreover, the texture changes at every turn: a blank wall, roof timber, balcony grating. This game of textures is topped off with highly graphic letters on the facade facing the street, while the facade facing the water features grating made of broken lines, as if fluttering in the wind that blows from the reservoir...

The Fox Lodge motel (2007) by Svetlana Golovina, featuring a complex plan in the form of a snake and a no less complex barrel-shaped cross section, was derived from a more ancient tradition. Wood shingles (roofing material in the form of pointed plates) arose from the need to cover complex curvilinear surfaces (domes, corbel arches, barrels); in the search for cladding material for the rounded walls of the country inn, Golovina arrived at a similar technique: the walls are covered with wooden shingles with the same type of overlapping. The authenticity of the process is also indicative: in order to ideally outline the roundness of the structure, the shingles were fitted by hand. The form of the Fox Lodge sports complex (2004) came about in a similar way. The impressive exterior is largely due to the red color which was designed to conceal the mistakes made by the construction workers. But this necessary measure only added to the showiness of the country's first large-scale public facilities made of wood. Bright colors, angular shapes, lightness, abundance of open and semi-open spaces, a sophisticated design determining their interrelation, panoramic views — all of this symbolizes a new era in the development of an old material and decisively broke with tradition.

Fusion with nature is achieved by Ivan Kibirev and Valery Borzikov by other methods. Their Shanty House (2011) near Bakhchisara is a sphere whose frame consists of wooden struts on the geodesic, i.e. the shortest, lines connecting two points on a curvilinear surface. Invoking Buckminster Fuller's dome is an even more economical structure (built for 200 thousand rubles) — the Fixed Tent (2011) by Ivan Dyrkin in Novosibirsk. The main idea here is the same: economy of materials (the sphere has a minimum ratio between the surface area and the volume), energy efficiency (reduction by one-third of the wall area, which means — heat loss also), and harmonious inclusion into the natural context.

CHOPPED MODERNISM

The first modernist cottage of new Russia was the Goryachev House (1998) by Mikhail Labazov. Here a sense of novelty was achieved by referencing the most crass antiquity: the facade walls are arranged in the manner of an octagonal church (and for the sake of varied views of the Ozerninskiy reservoir), the angles that are generated form triangular balconies (another profound innovation), while the expansive overhang of the roof is due to the need to cover these balconies from rainfall.

If Labazov's house gave critics room for associations (it was referred to as "Sun House" and "Petit Trianon made of logs"), then the house-studio in Oshevensk (2000) by Alexander Ermolaev does not touch upon any extraneous themes, only asserting a cottage. The appearance was determined by the location: the Russian

LYRICAL EXPRESSIONISM

North, known for its huge village cottages. And the house is in their image, although all identity elements were carefully created: the uneven logs provide a "rickety" feeling; the windows are small, as they should be, but they are panoramic; the walls are not parallel because of the desire to spice up the interior space, which is the studio and ought to point young people towards unconventional designs.

Headlining this trend was Nikolai Belousov, who in 2004 created not just a production company of timber houses (with its own factory in Galich), but also organized an integrated process where the architect leads the way. Belousov admires traditional log houses, and exaggerates it, increasing the protrusion of the logs or accentuating them with polycarbonate. However, even the earliest houses by Belousov were not stylizations (although that's how it seemed to many), but rather he worked professionally with the space, creating with those very "extra" log protrusions a kind of loggia (house in Nikolina Gora, 2004) or an enchanting portal (bathhouse in Nikolskaya Sloboda, 2006). Due to the facades' horizontal proportions the appearance of the log house was radically changed (dacha in Kuzentsovo village, 2005), while a custom rafters system supports a glass cover that fills the house with so much light never before seen in any Russian cottage. Raised up, the roof is completely detached in the Roof of the World banya (a type of Russian sauna or bathhouse) (2008): it flies off beyond the perimeter of the log house, floats on its own supports, and is connected to the banya only by a cold loft (to avoid droplets and icicles). Contrary to all traditions, in places the banya is transparent (there's even a panoramic window in the steam room), and in general its appearance rather resembles a fair pavilion. Expanding the log construction in width, or in height, dividing it up in pieces and then putting it back together, detaching the roof and dematerializing the walls, Belousov step by step takes absolute freedom in dealing with this archetype. The dacha in the NIL village (2012), home to Belousov, is a neoclassical composition: two symmetrical towers connected by an almost transparent one-story volume, giant roof overhangs, and a signature passage, this time laid not crosswise, but lengthwise: walking through the house, you are always moving towards light. Belousov's latest iconic house is a bold celebration of light, and is not without reason called Sun Catcher (2015).

OLONETSK BRUTALISM

If in the previous chapter we dealt with the dematerialization of a log house, about its modernization and brightening, then the subjects of this section on the contrary will proclaim in every possible way a mood of austerity, severity, brutality. The practically obligatory gray color invokes the distinguished faded wood of the Russian North's ancient buildings, likewise in reference to them is the practice of using a minimum of decorative details (and in general restraint from visual tools), a common spirit of simplicity and solidity, and a gravitation towards cubic volumes. These buildings defiantly oppose the cult of glamorous and glossy beauty, and in general go against the notion of a luxurious house that was so embraced by Russian customers in the 2000s. And it is characteristic that often these houses are not made of lumber but rather just the frame, and at times are only trimmed with wood, but still these houses seek to have a "log feeling."

It is no coincidence that these type of houses are made for oneself, for friends, or as mini-hotels "for those who get it." In building a house for his parents (2004), Dmitry Dolgoy used timber to achieve a modern neutrality and evenness, that will likely become the signature style for KD architectural studio. The small house with a gable roof and a terrace encircling the building's perimeter seems familiar, but the gallery is too disproportional to the house, and the house itself is strangely horizontal, and the windows with unusual square proportions, while the roof sheathing is designed as a complex, multi-layered wooden texture.

Eugene Asse, on the contrary, struggled with smoothness. The house in the forest (2003) can honestly be called a cottage, which fits the description in size (80 sqm), lack of partitions (which implies temporary residence), and readiness for duplication: it was proposed to build these type of cottages all over Pirogovo Resort and rent them out to tourists. Given that structurally it is a genuine log construction, the house also needs to have the log construction depicted: it is composed of paired laminated lumber, for the joining of which special spikes (and cover plates, to prevent the ends from rotting) were prepared, but the excessive smoothness and sterility of the beam house compelled the author to cut grooves between the timber work. Full unity with nature is dictated by the large windows and is symbolized by the live tree which "wears" the house's terrace.

The gable roof of the VolgaDacha house by Boris Bernaskoni (2010) is the only familiar thing that it has. Everything else breaks with tradition. Even the volume is not quite traditional, even though it is in the proportions of the golden ratio. The color is even more original: black, a color that previously in wood architecture practically was never seen. The roof is also black, hence the impression of the volume's complete homogeneity. The interior, however, is white. So it turns out like a fruit with a different core and peel, which is also a rarity: wood houses are frequently made with just one material. As a rule, Russian houses are trimmed with boards horizontally, and here again everything is the other way around. The

STOPPED MODERNISM
OLONETSK BRUTALISM

modest-sized area (total of 90 sqm), is not typical for contemporary customers, and in addition the quite broad terrace decks are made of Siberian larch. This same theme is developed by Fedor Oparin in the House on the Mountain (2013) near St. Petersburg: practically a cube (11 x 11 x 11), dark gray color, aged rough boards and unique sliding shutters on every window, even on the very small ones, and aesthetic perforations in which one can see a connection to carved Russian architraves. "I'm waiting for the house to begin aging beautifully," says the author.

Ironically, this style perfectly matches the aesthetic needs of the «creative class.» It is no accident that Peter Kostelov and Alexey Rosenberg managed to build an entire resort in this spirit — the Konakovo River Club (2008-2016). Unusual in glamorous places, this style perfectly responds to the passion and drive that define the spirit of the resort. Built first were the Switchers (2011) — a sort of fortress wall protecting the village. Each house consists of two towers of different heights, square in plan, and with a finish that is "ragged", as if the boards stood in the wind a long time. Then there was River (2013), cleverly linking two mansions, Depot (2014), and finally Aston (2015) — a perfect cube with a complex inner world, a true spatial tetris.

Closing off the theme is the exquisite house in Dukhanino village (2015), where Rosenburg's favorite theme of "vibration" is realized with the help of a two-layer facade — one of metal, one of wood. It should be noted that for the first in the seven-year history of the ARCHIWOOD award (annual Russian award for the best wooden structure), the jury awarded a Grand Prix — and it was for this very house.

MAN-MADE HIGH-TECH

«High-tech» in wooden architecture is considered to be the use of laminated structures: this is a relatively new technology, involving factory production and the resolution of non-standard tasks. However, in the Russian reality, this term is not quite accurate: an architectural demonstration of the possibilities provided by modern science and technology is just not happening. Moreover, all of the bold and unique designs which are being developed by Stanislav Turkovskoy and Alexander Pogoreltsev's wooden constructions laboratory (Central Scientific Research and Experimental Design Institute of Building Structures), turns out are usually hidden behind an opaque cover. Or at least behind a translucent cover, such as the water park in St. Petersburg (2013). The plastic cover allows for the interior to be saturated with natural light, however, from an external observer's point of view the largest in Russia span comprised of a wooden structure, with a diameter of 90 m, is virtually hidden. At the same time this dome is not just a wooden roof (as laminated wood is commonly used), but actually a giant gazebo: the dome's framework reaches almost to the ground. A similar situation can be found at the Palace of Water Sports in Kazan (2013). But here the authors (Sergei Tchoban and Sergey Kuznetsov) using the building's ingenious external design were at least able to hint at the enchanting beauty hiding behind its walls.

Considering these problems, for high-tech in Russia it is more logical to have more low-cost objects, which are designed with the expectation of standardization, modularity and precise materialization, and moreover it is these features that determine the artistic appearance. One of the most striking of these type of structures became ArchShelter (2011) by Ivan Ovchinnikov that was built in the Shukolovo ski resort in 24 hours. Such speed was determined by the project's maximum constructability. The shape of a cube was adopted as the most energy-efficient (minimal area of the exterior cover with the maximal internal space), and the size of the cube (6 x 6 x 6 m) was determined by the standard size of cut lumber (it also helped to achieve non-waste production). With three floors and a total area of 100 sqm, the shelter contains 18 residential units completely suitable for temporary accommodation. The units can be converted into family or even relaxation zones, and in addition the shelter has a shower, toilet, and kitchen. The transparent facade, working as an advertisement of an alternative way of life, is made from 25-mm-thick polycarbonate, and all the connections of the supporting structures use bolts, which allows for the house to be disassembled, moved, and put back together in a new place.

MAN-MADE HIGH-TECH

Ovchinnikov went even further by manufacturing an extremely compact (25 sqm) DublDom (2013). This is a mass-produced house with its utilities (electricity, water, sewerage) in place in advance. Constructed with quality in a factory (wooden frame with insulation), it is then transported by truck (dimensions thought out), and in one day is set up on any site out in the countryside, and easily connects to the grid. In addition, the complete set includes all the necessary plumbing, furniture, and household appliances.

Finally, there is only one truly high-tech wooden house in Russia: Active House (2011) in the village of Zapadnaya Dolina. The name is not entirely correct: it consumes more energy than it produces, so it would be more honest to call it «passive house», which incidentally is also not bad: it's a «thermos house» with a minimum loss of heat, the engineering systems integrated into a single automated

control system, and a heat pump and solar panels. The architect's (Andris Trushinsh, Alexander Leonov) merit lies in a very high level of luminous comfort: the windows occupy even one third of the roof. The roof in this way (and also due to the absence of eaves and to the unity of the thermowood cladding) is transformed into a kind of "fifth facade" of the house, in result (also considering the number of bay windows and all kinds of projections) looking completely un-Russian. This arose, however, not from an ideology, but solely from the technical aspects.

MOSCOW SUBURBS MINIMALISM

Beginning with the experiments in temporary architecture, the idea of compactness is steadily moving into "big" architecture, and wood plays a fundamental role here. "An important layer in the understanding of wood as a building material is its special scale," says Eugene Asse. "It's true that laminated beams of incredible spans are now available. But aside from new technologies, we notice that structures out of timber are always on the scale of people, and this includes the tectonics of its walls, and the size of the beams. It's as if nature itself is telling us what size our home should be, no more and no less."

This wise understanding of the essence of wooden architecture is facing the world-wide boom of wooden skyscrapers, but Russia is still arriving at reasonable self-restraint. Moreover, it is necessary to be careful with it, as Eugene Asse himself demonstrates in the yachtsman houses in Pirogovo. In developing the concept of Zavidkina Cape, he strictly limited the territory of each house, as well as the dimensions, which are obviously making fun of the usual scale of country houses, as well as the inclination of their owners towards exclusivity. The architects had to invent new methods at times, either in experimenting with the trim (as did Nikolai Lyzlov), or combining wood with other materials (the pink plastic shutters give an unexpected piquancy to Svetlana Golovina's object), or turning the house into a sort of coupe (Totan Kuzembaev).

Even more extreme is Ivan Shalmin, who began to reduce the scale of the dwelling back in the series of "rough" house, which were lined with rough-board, and hence their name. The special feature of the structure is that the house is raised above the ground in order to prevent rotting: "That's how all of Siberia was built — and the ventilated baked goods storage facility stood the longest of all." Based on a fairly extreme philosophy: "The customer is always wrong. He know what he wants, but does not know what he needs. For this, there are professionals." Shalmin triumphantly completed a series of guest houses in the Bucharov Stream village (2008).

Cleverly using all the resources of its tiny plot is the house in Lapino (2013) by Anastasia and Sergey Kolchin: extending up, developing on the verticals, and topped with a pent roof. The set of visual tools is also minimal, as well as their size, reduced to just the orange accent on the entrance. Even fewer colors (just two shades of gray) are used in Alexey Illyin's own home (2015), which seems to prove that you can create a beautiful home without using any sort visual tools, merely using precise proportioning of the space and their connections. On the other hand, there is the equally conceptually decorative small Deco Pattern House (2013) by Peter Kostelov. The author turned the facade of the elongated residential parallelepiped into a solid pattern, bringing to mind carved architraves, but those that had passed through the computer.

For Russian designers, wood is something more than just a building material. Out of the everyday, most common and readily available material — as it has been in Russia for many centuries — it undoubtedly has become a matter of national identity. And it should be noted, that this is happening not for the first time: every time the country is remembering its history, its roots and traditions, wooden architecture is revived — in the early twentieth century, in the forties, and today. When the universal values of progress and globalization become topical, then wood tends to be forgotten: in the twenties, sixties, and nineties. But does the popularity of wood in recent years signify a longing for traditional values, and based on which the government defines cultural landmarks today? The excessive variety of developments in contemporary Russian wooden architecture, which was the theme of this article, leads us to lean more to the negative answer. But who knows what lies ahead ...

TEMPORARY AND WOODEN

And exactly the same qualities that define the negative attitude of many clients towards wood as a building material for a house (fragility, cheapness, plasticity, flexibility), also underlies its importance for the construction of temporary facilities. All of this, is an area for experimentation, but it is also precisely here where architects are discovering those new meanings which commercial «big» architecture hardly considers.

For example, transparency. A necessary condition for the successful functioning of the government, business, and society. Architecture reflects this imperative purely in a symbolical way, with glass office doors. But what goes on behind them, this in fact is certainly unknown. And even shops, with the necessity to "show things in their best light," having

MOSCOW SUBURBS MINIMALISM

TEMPORARY AND WOODEN

complete glazing is disagreeable. So the pioneers of transparency for us became the small public spaces out of wood: the gazebo in Marfino by Planar bureau (2010) or the chess club in Park Kultury (2011) by FAS(t) bureau.

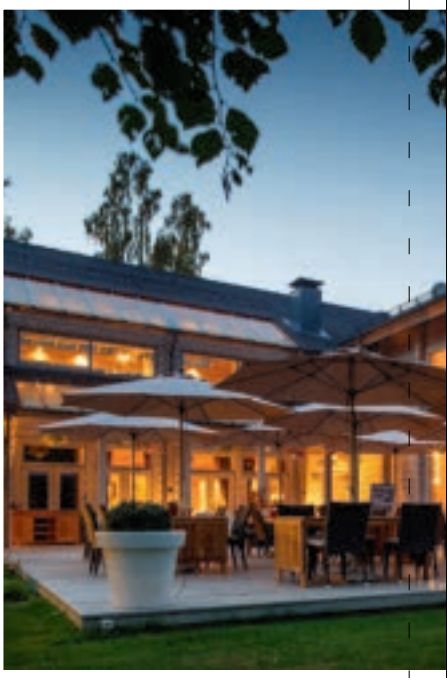
Another topical theme (and also at this point not much in demand by "adult" architecture) is life after life. Temporary objects honestly and responsibly think about their own recycling. To stay for a while, and then leave the next generation with a clean area. Admittedly, the door can even be slammed, the end becoming a performance: it was exactly like this, all ablaze, that the Gradirnya in Nikola-Lenivets (2009) by Nikolai Polissky ended, the skating rink along with the ice in Park Kultury (2010, WOWHAUS bureau) regularly end their season, and Drovnik (2003) also by Polissky, a giant ziggurat of wood, was commanded by god himself to burn.

Man dies in the flows of information, and the main sign of a healthy vacation is the absence of internet, and it is characteristic that most Russian land art objects have a single function: meditation. The Nicolino Ear in Nikola-Lenivets — essentially is a sculpture, invoking wood mushrooms and other natural protoforms — proposes one to «listen to the silence» (Vlad Savinkin and Vladimir Kuzmin, 2006). The wittily constructed Branches installation (2011) by Elena Pupysheva and Anton Hripko calls on viewers to contemplate it; the toilet by Ivan Ovchinnikov referred to as A Conversation with a Tree (2011): the «periscope» structures are positioned on a nearby oak tree.

The border between work and leisure has long been conditional; a space should appear that would present the opportunity to combine work and nature. And it has come up: Remote Office (2010) by Alexander Konstantinov in the Kaluga forest (the occasional windows frame an idyllic panorama), Floating Office (2011) by Ivan Ovchinnikov in the Zaoksky expanse — and there, the only necessity for work is Wi-Fi. The reverse movement is also logical: nature into the city. Studying outdoors is productive — as evidenced by the success of the wood-paneled Strelka (2010, WOWHAUS Bureau), Triangle Garden developed by students of the University of Vologda and built for themselves is an open air auditorium (Vera Smirnova, 2012). It may lack the stylishness of Strelka, but in general this architecture is not about form, but about the people, about self-organization. In searching for beauty here, it is not in the way the beam lies on the stand, but in how these objects fit into the environment, how the architects in three days with their own hands erected all of this, how these objects are living... Just as the Red Beach in Vologda (2012) — it is not so much the result, as the process, and this is another important component in the category of time.

Progress constantly reduces the size of the things we need, and accordingly — the required amount of space. But Russia can not forget Soviet crammed quarters, and still dreams of mansions. Therefore, truly compact objects can only be those meant for short stays: Sleepbox (2011) by Mikhail Krymov and Alexey Goryanov, or the Capsule Hotel (2011) by Kirill Bair and Darya Lisitsyna. Or the series of "micro-houses" erected during the Gorod festival in Muzeon Park (2013), out of which the most radical was an object that was moving not only in its space but also around its axes — the Egg in a Cube (Alexey Melnikov, Timur Arslanov).

Ломаные линии крыш дома создают ощущение объема и легкости деревянной постройки



ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА

Четкий план дома читается с первого взгляда. Единственное украшение фасада — разнокалиберные окна

Будучи древнейшим в мире строительным материалом, дерево пережило множество этапов восприятия в сознании человека. К нему относились как к признаку зажиточности и признаку бедности, как к символу борьбы с наступающим веком стекла и бетона и, наконец, как к новому стандарту загородной жизни. Сейчас архитектор вместе с заказчиком могут задумать любой дом — классический, модернистский, «шинуазный» или прованс — и без особого труда построить его полностью или частично из дерева.

Подобное разнообразие задач требует большого внимания к технологиям и деталям. Многие особенности дерева проявляются только после давнего опыта работы с ним, и без вмешательства профессионалов тут никак не обойтись.

ДЕРЕВО ПОЗВОЛЯЕТ СОЗДАВАТЬ ПОСТРОЙКИ ПРАКТИЧЕСКИ В ЛЮБОМ СТИЛЕ, И ПРИ ВСЕМ СВОЕМ РАЗНООБРАЗИИ ДОМА HONKA УДИВИТЕЛЬНО КОМФОРТНЫ, ГАРМОНИЧНЫ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫ, ЧТО СВОЙСТВЕННО ИМЕННО ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЕ.

Финская компания HONKA, работающая на российском рынке уже более двадцати лет и ответственная за строительство множества дач, усадеб и загородных домов, как раз тот случай. В ее арсенале и классические особняки с колоннами, и современные минималистические конструкции. Но объединяет их подход к материалу, который и сделал дерево популярным среди заказчиков самых разных вкусовых пристрастий. Домам HONKA удается сохранять естественную гармонию человека и его окружения. То есть именно то, чего так не хватает любому жителю современного мегаполиса и что мы ищем в размеренной загородной жизни.

HONKA®

WWW.HONKA.RU

Индекс

218 «А», КОМАНДА
Алена Авершина, Алена Битколова, Анна Борматова, Надежда Катаева, Айза Курбанова, Евгения Ларкина, Александрина Левандовская, Жанна Нугербекова, Анастасия Охрямкина, Елена Пупышева, Светлана Скрипа
WWW.BEHANCE.NET/ATEAMARCH

142 А-ГА
Рустам Керимов
WWW.A-GA-PROJECT.INFO

32 АКАНТ
Федор Арзаманов
WWW.AKANT-YAUZA.RU

88 200 202 АРХИТЕКТОРЫ АСС
Евгений Асс
WWW.ASSE.RU

56 138 АРХБЮРО 610
Юрий Трошев, Олег Волков
WWW.AB610.RU

120 226 АРХИТЕКТУРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
Вера Гапон, Дмитрий Александров
WWW.APX-LAB.RU

256 АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ 0,618
Федор А. Опарин
WWW.AM0618.COM

62 70 84 АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ Н. В. БЕЛОУСОВА
Николай Белоусов
WWW.BELOUSOV-ARCH.RU

34 42 80 126 144 158 248 272 290 АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ ТОТАНА КУЗЕМБАЕВА
Тотан Кузембаев
WWW.TOTAN.RU

38 АРХИТЕКТУРНОЕ БЮРО РОМАНА ЛЕОНИДОВА
Роман Леонидов
WWW.LEONIDOV.COM

86 АРХ ПРОЕКТ-3
Владимир Юзбашев, Наталья Брайловская, Екатерина Юзбашева
WWW.DOM-KOVCHEG.RU

286 БУБЛЯ
Мария Баранова, Евгений Рупасов
WWW.VK.COM/ARHBUHTA

182 270 БЮРО «АЛЕКСАНДР БРОДСКИЙ»
Александр Бродский
WWW.BROD.IT

278 ДЕТИ ИОФАНА
Степан Липгарт
WWW.DETIIOFANA.RU

92 КАФЕДРА ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ САМГТУ
Сергей Малахов, Евгения Репина
S_A_MALAHOV@MAIL.RU

298 «КАРЭНСИ», ПРОЕКТНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ КОМПАНИЯ
Александр Никитин, Игорь Шургин
HTTP://WWW.WOODENHERITAGE.RU/PROFESIONALS/CARPENTERS-WORKERS.HTML

150 «КАРЛСОН И К», АСБ
Олег Карлсон
WWW.KARLSON.PRO

184 КОНКРИТ ДЖАНГЛ
Феликс Машков
WWW.CJUNGLE.COM

114 АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВ
AKONST21@GMAIL.COM

36 72 130 232 254 258 260 262 ПЕТР КОСТЕЛОВ
PK71@YA.RU

268 НИКОЛАЙ ПОЛИССКИЙ
WWW.POLISSKY.RU

220 «МЫ», КОМАНДА ФЕСТИВАЛЯ «ДРЕВОЛЮЦИЯ»
Антон Яковлев
DOBREEDOBROGO@GMAIL.COM

172 НЛК-ДОМОСТРОЕНИЕ
Семен Гоглев
WWW.NLKD.RU

132 140 НЛО
Дмитрий Михейкин
NNLL003@GMAIL.COM

98 288 ПОЛЕ-ДИЗАЙН
Владимир Кузьмин, Николай Калошин
WWW.POLE-DESIGN.RU

52 ПОЛИГОН
Андрис Трушиньш, Александр Леонов
WWW.POLYGONLAB.TUMBLR.COM

196 214 ПРОЕКТНАЯ ГРУППА 8
Надежда Снегирева, Дмитрий Смирнов
WWW.8ARCHITECTS.COM

136 РЕЖЕНЬ-ПРОЕКТ
Егор Соловьев
WWW.REZHEN.RU

236 240 254 258 260 262 АЛЕКСЕЙ РОЗЕНБЕРГ
ALEKSEJ-ROZENBERG@YANDEX.RU

40 44 48 78 82 96 100 244 «РОССА РАКЕННЕ СПб» (HONKA)
Александр Львовский
WWW.HONKA.RU

294 296 304 РЦАПО
Александр Попов
WWW.RCAPO.RU

276 СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ И ПАРТНЕРЫ
WWW.SK-P.RU

300 СПЕЦПРОЕКТ-РЕСТАВРАЦИЯ
WWW.SPR77.RU

180 ТАММВИС
Антонио Михе
WWW.TAMMVIS.RU

102 ТАНДЕМ
Денис Чернов, Татьяна Панченко
WWW.TANDEMARCH.RU

74 ДЕНИС ТАРАН
TARAN.D.V@GMAIL.COM

104 ХВОЯ
Сергей Аксенов, Георгий Снежкин, Илья Спиридонов
WWW.CHVOYA.COM

210 ХИТЕКА
Алексей Мельников, Тимур Арсланов
WWW.HITECA.RU

166 244 ЦИМАЙЛО ЛЯШЕНКО & ПАРТНЕРЫ
Александр Цимайло, Николай Ляшенко
WWW.TLP-AB.RU

148 ЛАБОРАТОРИЯ ДЕРЕВЯННЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЦНИИСК ИМ. В. А. КУЧЕРЕНКО
Александр Погорельцев
WWW.CSTROY.RU/TSNIISK/LDK

128 216 AI ARCHITECTS
Иван Колманок, Александр Томашенко
WWW.AI-AR.CH

124 ARCH GROUP
Михаил Крымов, Алексей Горяинов
WWW.ARX-GROUP.RU

76 174 ARCHPOLE
Анна Сажинова, Константин Лагутин
WWW.POLESHOP.RU

68 112 208 228 BIO-ARCHITECTS
Иван Овчинников
WWW.BIO-ARCHITECTS.COM

46 50 282 BERNASKONI
Борис Бернаскони
WWW.BERNASKONI.COM

168 DARKDESIGNGROUP
Игорь Паличев
WWW.DARKDESIGN.RU

64 DK
Григорий Дайнов
WWW.DAINOV-DK.RU

94 154 FAS(T)
Александр Рябский, Ксения Харитонова
WWW.F-A-ST.COM

110 160 250 GIKALO KUPTSOV ARCHITECTS
Сергей Гикало, Александр Купцов
WWW.GIKALOKUPTSOV.RU

194 GORA
Стас Горшунов
WWW.GOR-A.PRO

116 KARANDASHOV
Дмитрий Кондрашов
WWW.KARANDASHOVSTUDIO.RU

66 LE ATELIER
Сергей Колчин, Анастасия Колчина
WWW.LEATELIER.RU

212 MADETOGETHER
Лиза Фонская, Никита Асадов
MADETOGETHER@MAIL.COM

122 MANIPULAZIONE INTERNAZIONALE
Алексей Клинских, Олег Жуков, Олег Поддубный, Михаил Скворцов
WWW.MANIPULAZIONE.RU

234 MEGABUDKA
Кирилл Губернаторов, Артем Укропов, Дарья Листопад
WWW.MEGABUDKA.RU

134 MEL
Федор Дубинников, Павел Чаунин
WWW.MELSPACE.RU

118 METATECTURE
Евгений Морозов, Анастасия Измакова
WWW.METATECTURE.RU

176 NOWADAYS
Наталья Масталерж, Ната Татунашвили
WWW.NOWADAYSOFFICE.COM

162 PROJECT ELEVEN
Игорь Чиркин, Алексей Подкидышев
WWW.ELEVEN-PROJECT.COM

206 230 238 RUETEMPLE
Дарья Бутахина, Александр Кудимов
WWW.RUETEMPLE.RU

280 QUICK HOME LTD.
Антон Хрипко, Елена Пупышева
WWW.Q-HOME.CO.UK

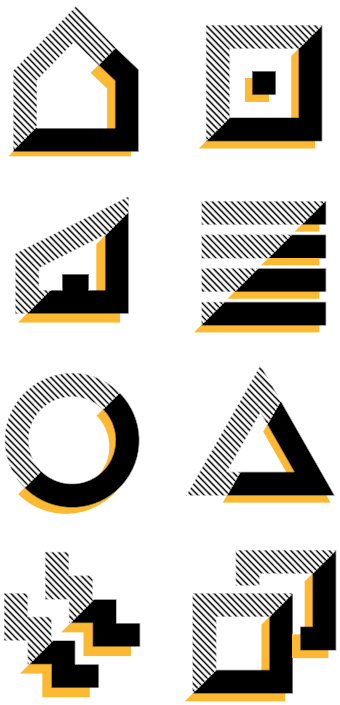
170 SHAR PROJECT
Сандро Шеренц, Олег Иванов-Штофман
WWW.SHARPROJECT.COM

90 178 246 264 SPEECH
Сергей Чобан
WWW.SPEECH.SU

152 186 190 192 204 WOWHAUS
Олег Шапиро, Дмитрий Ликин
WWW.WOWHAUS.RU

252 X.Y.Z.
Светлана Головина
WWW.XYZ-ARCH.RU

АРХИWOOD



WWW.ARHIWOOD.COM
WWW.PREMIYA.ARHIWOOD.COM